

ЖИЗНЬ АНТОНА ЧЕХОВА

ДОНАЛЬД РЕЙФИЛД

Дональд Рейфилд

Жизнь Антона Чехова

«Азбука-Аттикус»

1997

Рейфилд Д.

Жизнь Антона Чехова / Д. Рейфилд — «Азбука-Аттикус», 1997

«Три года, проведенные в поисках, расшифровке и осмыслении документов, убедили меня в том, что ничего в этих архивах не может ни дискредитировать, ни опошлить Чехова. Результат как раз обратный: сложность и глубина фигуры писателя становятся еще более очевидными, когда мы оказываемся способны объяснить его человеческие достоинства и недостатки» – такова позиция автора книги, известного британского литературоведа, профессора Лондонского университета Дональда Рейфилда. Уникальное по своей масштабности биографическое исследование представляет собой исчерпывающее жизнеописание Антона Павловича Чехова. Написанное легко и непринужденно и в то же время академично, оно является по сути настоящей сенсацией.

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	9
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	48
Часть II	56
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	67
Глава 12	72
Глава 13	79
Глава 14	83
Глава 15	87
Глава 16	91
Глава 17	94
Часть III	100
Глава 18	100
Глава 19	106
Глава 20	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Дональд Рейфилд

Жизнь Антона Чехова

© Donald Rayfield 1997

© Макарова О., перевод на русский язык, 2005, 2007, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014

КоЛибри®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Але, Гале, Майе и Толе

Предисловие

Антон Павлович, как-то обедая у меня, сказал, что «со временем все его вещи должны увидеть свет и что ему стыдиться нечего».
П. В. Быков – М. П. Чеховой, письмо от 7.04.1910

Мы знаем Антона Чехова как отца-основателя современного театра, в котором главенствует драматург, а не актер. Мы также признаем, что он внес в европейскую художественную прозу по-новому осмысленную неоднозначность, плотность текста и тонкую поэтичность. Из всех русских классиков он наиболее доступен и понятен, особенно для иностранцев, – как в книгах, так и на сцене. Он оставляет за читателем или зрителем право реагировать, как им заблагорассудится, и делать собственные выводы. Он не навязывает никакой философии. Однако Чехов столь же доступен, сколь и неуловим. Понять, что он «имел в виду», совсем непросто, – так редко он раздает оценки или что-либо объясняет. Из прозы Толстого или Достоевского мы можем реконструировать не только их философию, но также их жизнь. Из чеховских произведений, включая письма, мы извлекаем лишь мимолетные и противоречивые впечатления о его внутреннем мире и житейском опыте. Многие чеховские биографы стремились воссоздать из подручного материала житие святого – человека, который за свой век, укороченный хронической болезнью, из бедняков проложил себе путь наверх, стал врачом и заботился о слабых мира сего, завоевал прижизненную славу крупнейшего прозаика и драматурга Европы, провел всю жизнь под опекой обожавшей его сестры и нашел запоздалое счастье в браке с актрисой, тонко трактовавшей роли в его пьесах.

Любая биография – это вымысел, который, тем не менее, должен быть увязан с документальными данными. В нашем жизнеописании Чехова предпринята попытка расширить пределы привлекаемых источников. В результате фигура писателя стала еще более неоднозначной. И хотя ореол его святости померк, а судьба, как оказалось, определилась внешними силами в большей мере, чем считалось ранее, ни гениальности, ни очарования в Чехове не убавилось. Не следует смотреть на его жизнь как на придаток его творчества – именно она питала его прозу.

Сама по себе жизнь Чехова захватывающе интересна. Его постоянно тяготила непримиримость интересов художника с обязательствами перед семьей и друзьями, а биография вместила множество различных глав – в них можно проследить историю болезни, найти современную версию сюжета «Иосиф и его братья» и даже трагедию Дон Жуана. Жизнь Чехова всего бы лучше описал Томас Манн, создав роман о непреодолимой пропасти, разделяющей художника и гражданина. В ней также отразились жизненные коллизии талантливой и чуткой интеллигенции конца девятнадцатого века – одного из самых насыщенных и противоречивых периодов в культурно-политической жизни России.

Весьма немногие писатели охраняли от публики свою частную жизнь столь ревностно, как это делал Чехов. И ни один из них столь же скрупулезно не собирал буквально все клочки бумаги – письма, счета, расписки, – имеющие отношение к нему и его семье. Вместе с тем его пресловутая неприязнь к автобиографиям отнюдь не мешала ему каждый год в Рождество рассортировывать по папкам свою переписку.

Нам известны несколько чеховских биографий. Одни из них весьма подробны – это «Чехов. Биография» Е. Симмонза или «Новая жизнь Антона Чехова» Р. Хингли, другие излишне живописны, как «Чехов» А. Труайя, или уравновешенны в суждениях, как «Чехов» М. Громова или «Чехов: освобожденный дух» В. Притчета. Во всех этих книгах используется примерно один и тот же круг источников. На сегодняшний день опубликовано около пяти тысяч писем Чехова, причем иные из них – с безжалостными купюрами. (О содержании утраченных полутора тысяч писем можно судить по ответам на них.) Эти источники, особенно

полное собрание сочинений и писем Чехова в 31-ом томе, опубликованное в Москве в 1973–1983 гг., снабжены в высшей степени исчерпывающим и информативным академическим аппаратом, дающим в руки исследователю богатый и многообразный материал.

Не введенные в оборот источники не менее обширны. В архивах, и прежде всего в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, хранится около семи тысяч писем, адресованных Антону Чехову. Примерно половина из них никогда не упоминалась в печати – это прежде всего письма, затрагивающие частную жизнь писателя. Другие архивы, такие как РГАЛИ, театральные хранилища Санкт-Петербурга и Москвы, музеи Чехова в Таганроге, Мелихове и Сумах, располагают неохватным документальным и изобразительным материалом, а также письмами современников, проливающими свет на частную и творческую жизнь писателя. Как видно из листков использования рукописей, за последние тридцать лет лишь небольшой круг исследователей тщательно ознакомился с этими источниками, и вместе с тем в своих публикациях они используют весьма незначительную их долю. Советская традиция избегать «дискредитации и опошления» образа писателя (формулировка из постановления Политбюро ЦК КПСС, запрещающего публикацию некоторых чеховских текстов) и по сей день вселяет в российских ученых сомнения в необходимости предъявлять публике чеховские архивы во всей их полноте. Три года, проведенные в поисках, расшифровке и осмыслении документов убедили меня в том, что ничего в этих архивах не может ни дискредитировать, ни опошлить Чехова. Результат как раз обратный: сложность и глубина фигуры писателя становятся еще более очевидными, когда мы оказываемся способны объяснить его человеческие достоинства и недостатки.

Жизнь Чехова была короткой, трудной и не такой уж радостной. У него был обширный круг знакомств и было множество любовных связей (и мало истинных друзей и любимых женщин). Он вращался в самых разных сферах, имея дела с учителями, врачами, денежными магнатами, купцами, крестьянами, представителями богемы, литературными поденщиками, интеллектуалами, художниками, учеными, землевладельцами, чиновниками, актерами и актрисами, священниками, монахами, офицерами, заключенными, публичными женщинами и иностранцами. Он прекрасно ладил с людьми всех классов и сословий, испытывая неприязнь, пожалуй, лишь к аристократии. Практически всю свою жизнь он прожил с родителями и сестрой и долгое время с кем-либо из братьев, не считая тетушек, кузин и кузенов. Он был непоседой: сменил множество адресов и проехал от Гонконга до Биаррица и от Сахалина до Одессы.

Работа над самой полной чеховской биографией по срокам могла бы превысить жизнь самого писателя. Я позволил себе сосредоточиться на его взаимоотношениях с семьей и друзьями. В некотором смысле биография Чехова – это история его болезни. Туберкулез определил течение жизни писателя и он же оборвал ее. Попытки Чехова сначала игнорировать болезнь, а затем побороть ее составляют основу любой из его биографий. На английском языке о чеховском творчестве написано много критических работ. Обращение к ним объясняется прежде всего масштабом самого писателя. В любом хорошем книжном магазине или библиотеке найдется немало книг, способствующих более полному восприятию писательского таланта. В нашей книге его рассказы и пьесы затрагиваются в той мере, в какой они вытекают из событий чеховской жизни или воздействуют на нее. Биография не есть литературно-критическая штудия.

Не все загадки жизни Чехова могут быть раскрыты, и многих материалов нет в наличии: письма Чехова к невесте Дуне Эфрос, к Елене Плещеевой, к Эмили Бижон, весьма возможно, хранятся в частных западных собраниях. Так же вероятно, что сотни писем А. С. Суворина к Чехову обращаются в прах в каком-нибудь архиве Белграда; если бы их удалось найти, то чеховскую жизнь, а также российскую историю (Суворин слишком много знал и многое повеял Чехову) можно будет переписывать заново. Некоторые архивные документы Чехова обна-

ружить так и не удалось, например материалы, связанные с его занятием медициной. Вместе с тем источники, попавшие в наше распоряжение, позволяют создать более полный портрет писателя, чем предыдущие попытки.

*ДОНАЛЬД РЕЙФИЛД
Колледж Королевы Марии,
Лондонский университет
Февраль 1997*

Благодарности

Моя самая горячая признательность адресуется Алевтине Павловне Кузичевой – оказанная ею помощь значительно облегчила мне работу в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки и через нее же я познакомился со всеми крупнейшими чеховедами России и Украины. Я также благодарен сотрудникам РНБ и особенно Отдела рукописей, которые, несмотря на практически невозможные условия работы в разрушающемся здании и безрадостные перспективы, смогли обеспечить меня почти всем необходимым материалом – за подобное содействие я благодарю и сотрудников РГАЛИ. Я признателен сотруднице московского Дома-музея А. П. Чехова Галине Щёболевой и сотруднику Музея А. П. Чехова в г. Сумы Игорю Скворцову за возможность широко пользоваться архивами. Я также чувствую себя особым должником перед таганрожцами Лизой Шапочкой и ее мужем Владиславом Протасовым – за их гостеприимство и советы. Ольга Макарова из Издательства Воронежского университета помогла мне, предоставив чеховский краеведческий материал. Из своих западных коллег я прежде всего благодарен за поддержку неутомимому профессору Рольфу-Дитеру Клюге, организатору чеховских конференций в Баденвейлере в 1985 и 1995 гг. Я также выражаю благодарность уфимцу Дмитрию Коновалову не только за предоставленную возможность воспользоваться материалами Андреевского санатория в Аксенове, но и за оказанный мне теплый прием. (Никто из упомянутых мною коллег не несет ответственности за высказанные мною суждения и реализуемый подход к биографии Чехова в целом.)

Я также признателен главному врачу районной больницы бывшего Богимова и персоналу Андреевского санатория. За исключением Сибири, Сахалина и Гонконга, я посетил, пожалуй, все места, куда ступала чеховская нога и, возможно, причинил изрядное беспокойство их обитателям. Я ценю терпение, проявленное в общении со мной потомками чеховских друзей, и прежде всего Патрисом Бижоном. (Немало людей вздохнут с облегчением, узнав, что работа над книгой завершена.) За предоставленные иллюстрации я благодарю московский Театральный музей им. Бахрушина, чеховские музеи в Мелихове, Москве, Сумах, Таганроге и Ялте, а также Пушкинский Дом в Санкт-Петербурге и РНБ.

Я весьма обязан финансовой поддержке Британской Академии: благодаря предоставленному мне трехмесячному гранту я смог продлить творческий отпуск и значительно продвинуться в создании книги. Своим коллегам по университету, которые были вынуждены мириться с моими частыми отлучками, я приношу благодарности и извинения.

Постскриптум 2007 года. Автор и переводчик выражают признательность С. Г. Шинской, а также всем читателям, которые, уделив заинтересованное внимание русскому тексту книги, предложили ряд поправок, учтенных нами в настоящем издании.

Часть I

Отец человеков

Мы слышали крики, доносящиеся из столовой... и догадывались, что это бьют беднягу Эрнеста.

«Я отправил его спать, – сказал Теобальд, вернувшись в гостиную. – А теперь, Кристина, пора позвать прислугу на молитву».

С. Батлер. Путь всякой плоти

Глава 1

Праотцы

1762–1860 годы

Кто бы мог ожидать, что из нужника выйдет такой гений!

Антон всегда удивлялся тому, как быстро – всего за два поколения – поднялся род Чеховых из крепостных крестьян до столичной интеллигенции. И едва ли от предков унаследовал он свой литературный дар, как брат Николай – художественные таланты, а брат Александр – многогранный интеллект. Однако начала его характера – то, что объясняет его тактичную жесткость, его выразительное немногословие, его стоицизм, – коренятся и в переданных по наследству генах, и в полученном воспитании.

Прадед писателя, Михаил Чехов (1762–1849), всю жизнь был крепостным. Своих пяти-рых сыновей он держал в строгости – даже взрослыми они называли его Паночи. Первым Чеховым, о котором известно чуть более, был второй сын Михаила – дед Антона со стороны отца, Егор Михайлович. Дед Егор сумел вырваться из рабских уз. Крепостной графа Д. Черткова, он родился в 1798 году в слободе Ольховатка Богучарского уезда Воронежской губернии, в самом сердце России, на полпути от Москвы до Черного моря, там, где лес переходит в степь. (Фамилия Чеховы в этих краях прослеживается до шестнадцатого века.) Он был единственным в семье, кто умел читать и писать.

Егор Михайлович варил из сахарной свеклы сахар, а жмыхом откармливал скот графа Черткова. Продавая на рынке скотину, получал свою долю прибыли. За тридцать лет тяжелого труда (порой ему везло, а порой и плутовать приходилось) Егор Михайлович скопил 875 рублей. В 1841 году он предложил эти деньги Черткову, чтобы, выкупив из крепостных себя, жену и трех своих сыновей, перейти в мещанское сословие. Чертков проявил великодушие – отпустил на волю и дочь Егора Михайловича, Александру. Родители же и братья его остались в холопах.

Получив свободу, Егор Михайлович отправился с семьей за четыреста с лишним верст на юг, в степные края. Здесь он стал управлять имением графа Платова в слободе Крепкой, в шестидесяти верстах к северу от Таганрога. Определив сыновей в подмастерья, Егор Михайлович помог им преодолеть еще одну ступень сословной лестницы – пробиться в купцы. Старший из них, Михаил (р. 1821), уехал в Калугу и освоил переплетное дело. Второму, Павлу (р. 1825), отцу Антона Чехова, к шестнадцати годам уже довелось поработать на сахарном заводе; потом он был погонщиком скота, а в Таганроге его взяли мальчиком в купеческую лавку. Младший сын, Митрофан, ходил в приказчиках у купца в Ростове-на-Дону. Любимицу отца, дочь Алек-

сандру, выдали замуж за Василия Кожевникова из деревни Твердохлебово Богучарского уезда Воронежской губернии¹.

Егор Михайлович Чехов прожил в платовском имении весь свой век – умер он восьмидесяти одного года от роду. Слыл он чудачком и был крутого нрава. Получив власть над крестьянами, обходился с ними с жестокостью, за что и заслужил прозвание «аспид». Однако не пришелся он ко двору и у господ – графиня Платова отправила его подальше от себя, за десять верст, в слободу Княжую. Егор Михайлович, которому по чину полагался барский особняк, предпочел поселиться в крестьянской избе.

Бабка Чехова со стороны отца, Ефросинья Емельяновна Шимко, с которой внуки почти не виделись, была украинкой². Все, что Чехов связывал с украинским характером, – смешливость, певческий дар, удаль, жизнерадостность – было выбито из нее мужем. Была она мрачна и сурова, под стать Егору Михайловичу, с которым прожила пятьдесят восемь лет, до самой своей смерти в 1878 году.

Дважды в год Егора Михайловича отряжали сопроводить в Таганрог барскую пшеницу, а заодно прикупить в городе провианта и разного приклада. О его причудах шла молва – из саржевой робы он соорудил себе парадную одежду, в которой выступал, как «подвижная бронзовая статуя». Сыновей он порол за любые прегрешения – случись им украсть яблок или упасть с крыши, пусть и нечаянно. После отцовской расправы у Павла появилась грыжа, и всю жизнь ему пришлось носить подвязку.

Позже Чехов признавался: «От природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч. и проч., но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает. <...> Ведь у меня дедушка, по убеждениям, был ярый крепостник»³.

Егор Михайлович неплохо владел пером, и до нас дошли его слова: «Я глубоко завидовал барам, не только их свободе, но и тому, что они умеют читать». Покидая Ольховатку, он взял с собой два короба книг – едва ли в 1841 году этот поступок был типичен для крестьянина. (Однако спустя 35 лет внуки, навещавшие деда в имении Платова, не заметили в доме ни единой книги.)

Хотя Егор Михайлович и заботился о детях, но был скуп на отеческую любовь. Однако на бумаге впадал в сентиментальность и напыщенное многословие. В его письме к сыну и невестке читаем: «Любезный, тихий Павел Егорович. Не имею времени, милейшие наши деточки, через сию мертвую бумагу продолжать свою беседу за недосугами моими. Я занят уборкою хлеба, который от солнечных жаров весь засушило и изжарило. Старец Чехов льет пот, терпит благословенный солнечный вар и зной, зато ночью спокойно спит <...> а до солнца, Егорушка, ну ну вставай, если что и не так, то нехай так, спать хочу <...> Доброжелательные Ваши родители Георгий и Ефросинья Чеховы»⁴.

Как и остальные Чеховы, Егор Михайлович поздравлял родичей с именинами и двенадцатыми праздниками, правда, в этих случаях бывал краток. Павел на день своего ангела (29 июня) в 1859 году получил послание: «Любезный Тихий Павел Егорович, Да здравствуй с милым твоим Семейством вовеки, до свидания любезные сыночки, дочки и славные внуки <...> Ваш Георгий Чехов».

Родня Антона по материнской линии была сходных корней и вела свое начало из Тамбовской губернии, мало чем отличавшейся от соседних воронежских краев. Природная смекалка и усердие и здесь проложили крепостным дорогу в мещане. Герасим Морозов – дед матери Антона, Евгении Яковлевны Морозовой – водил по Оке и Волге груженные зерном и лесом

¹ Антон нигде не упоминает своей тетки Александры Егоровны. Среди бумаг Павла Егоровича (ОР. 331 33 1в) имеется листок с именами ее детей и зятьев.

² В 1902 году Чехов вспоминал, что в детстве говорил по-украински – возможно, сказалось бабкино влияние.

³ ПССП. Письма. Т.П. Письмо О. Л. Книппер-Чеховой от 11.02.1903.

⁴ ОР. 331 811. Письма Е. М. Чехова П. Е. Чехову. 1859–1878.

баржи. В 1817 году, пятидесяти трех лет от роду, он откупил себя и сына Якова от ежегодного оброка, который крепостные платили хозяевам. Четвертого июля 1820 года Яков женился на Александре Ивановне Кохмаковой. Семейство жены было зажиточным и мастеровитым – их прекрасные деревянные поделки и иконопись пользовались спросом и у мирян, и у духовенства. Однако кровь Морозовых была подпорченной: внуки Герасима Морозова – дядя и тетя Антона – умерли от туберкулеза.

Жизнестойкости у Якова Герасимовича Морозова было поменьше, чем у Егора Михайловича Чехова, – в 1833 году, разорившись, он нашел покровительство у генерала Папкова в Таганроге; жена его Александра с двумя дочерьми обреталась в Шуге. (Сына Ивана отдали в работники к купцу в Ростове-на-Дону.) Одиннадцатого августа 1847 года сильный пожар в Шуге уничтожил восемьдесят восемь домов, и все имущество Морозовых погибло. Вскоре в Новочеркасске Яков Герасимович умер от холеры. Александра Ивановна, сложив в телегу жалкий скарб и посадив туда дочерей Феодосию (Феничку) и Евгению, отправилась за четыреста верст в Новочеркасск, делая короткие остановки в безлюдной степи. Добравшись до места, она не смогла найти ни могилы мужа, ни его пожитков. И снова она пустилась в путь, перебралась в Таганрог и тоже отдала себя на милость генерала Папкова. Генерал приютил несчастных, а Евгению и Феничку даже определил учиться грамоте.

В то время дядя Антона по матери, Иван Яковлевич Морозов, торговал в Ростове-на-Дону под началом старшего приказчика Митрофана Егоровича Чехова⁵. Кто-то из них – или Митрофан, или Иван – познакомил Павла Чехова с Евгенией Морозовой. У Павла на пальце было кольцо с печаткой: «Одинокому везде пустыня». (Прочитав надпись, Егор Михайлович заявил: «Надо Павлушу женить».) Семейная хроника, которую Павел Егорович составлял в конце своей жизни, отличается тем меланхоличным лаконизмом, который проявится позже, в редкие минуты откровенности, в письмах Антона, а также в его зрелой прозе:

1830. Помню, что мать моя пришла из Киева, и я ее увидал.

1831. Помню сильную холеру, давали деготь пить.

1832. Учился грамоте в с. школе, преподавали по А.Б. по-граждански.

1833. Помню неурожай хлеба, голод, ели лебеду и дубовую кору⁶.

Церковный певчий научил как-то Павла разбирать ноты и играть на скрипке. На этом его образование завершилось. Но страсть к церковной музыке стала с тех пор утешением для его мятущейся души. Был он одарен и художественными талантами, которые растратились понапрасну в составлении никому не нужных церковных хроник и в велеречивых посланиях. Двадцать девятого октября 1854 года Павел Чехов и Евгения Морозова обвенчались. Евгения была красавицей, но бесприданницей. Павел же лицом не вышел, зато подавал большие надежды как купец.

Иван Яковлевич Морозов, человек щепетильный и порядочный, как-то отказался продавать подпорченную икру и в результате потерял место. Пришлось вернуться из Ростова-на-Дону в Таганрог, где он покорило сердце дочери богатого купца Марфы Ивановны Лободы. А младшенькая в морозовской семье, Феничка, вышла замуж за таганрогского купца красным товаром Алексея Борисовича Долженко, родила от него сына Алексея и в 1874 году овдовела.

Мать Антона, Евгения Яковлевна, семь раз разрешалась от бремени, пережила смерть четверых детей, терпела деспотизм мужа и стоически сносила нужду. И не было у нее иной отдушины, кроме как жалость к самой себе, да еще пеклась она денно и нощно о чадах своих –

⁵ В 1841 году Павел Егорович Чехов поселился в Ростове у Якова Морозова, отца своей будущей жены. После смерти Якова связь между семьями прервалась, но спустя шесть лет восстановилась: Иван Яковлевич Морозов и Павел Егорович Чехов обнаружили, что и у того и у другого в Таганроге живет родня.

⁶ См.: Жизнь Павла Чехова // Вокруг Чехова. М., 1990. С. 23.

других способностей Бог не дал, даже читала и писала она с неохотой. Из всех детей Морозовых лишь Иван блистал талантами – знал несколько языков, играл на скрипке, трубе, флейте и барабанах, рисовал и писал красками, починял часы, делал халву, пек пироги, из которых вылетали живые птицы, собирал модели судов, мастерил макеты театральных декораций, а также изобрел удочку, которая сама выбрасывала на берег рыбу. Вершиной его творения была ширма, расписанная сказочными батальными сценами: она отделяла магазин от жилого помещения, и за ней посетителей угощали чаем.

Антон любил и жалел мать. Отцу же он подчинялся, но с трудом выносил его, и тем не менее с самого своего рождения и вплоть до смерти Павла Егоровича никогда не расставался с ним. Павел Егорович, в жизни безжалостный деспот и отъявленный грубиян, в семейной корреспонденции живописал себя заботливым и самоотверженным отцом семейства. У старшего сына, Александра, он вызывал отвращение, а у младшего, Миши, – слащавое обожание. Посторонних же он либо забавлял, либо раздражал. Помимо Господа Бога, с которым он постоянно сносился, самой близкой ему душой был брат Митрофан.

Митрофана Егоровича, купца скромного достатка, в Таганроге уважали. Он поддерживал связь со всеми сородичами, щедро (порой не без умысла) делился с ними новостями в письмах и охотно принимал гостей. Роднила братьев Чеховых благочестивость вперемежку с жульничеством. Оба они вошли в учредители церковного Братства при таганрогском кафедральном соборе. Братство собирало деньги в пользу русского монастыря на горе Афон и на попечение таганрогской бедноты. Летом 1859 года Павел пишет Митрофану, намекая на первые признаки фатальной семейной болезни: «Любезный братец, Митрофан Георгиевич! Имею счастье поздравить Вас с приездом в Первопрестольную Столицу Москву <...> Троицу мы провели очень весело дома и в Саду <...> Потрудитесь в Москве спросить у Медиков насчет болезни Евгении Яковлевны. Вам очень известно род болезни, она плюет каждоминутно, это ее сушит до крайности, она очень брюзглива, малейшая вещь делается ей неприятна, она теряет аппетит и больше поправить ничем нельзя, нет ли такого средства или лекарства, чтобы установить душевное спокойствие и утвердить его, а нежность сердца сделать поравнодушнее ко всему, вам лучше известно...»⁷

Семейные сборы весельем не отличались, бывали и размолвки. В мае 1860 года Митрофан пишет брату из Харькова: «Это для меня был день тяжкий, с утра до обеда я не мог развлечь мое сердце ничем, одно воспоминание, что я один, убивало меня до изнеможения <...> Меня повели обедать к Николаю Антоновичу <...> где приняли ласково и хорошо, что у нас редко бывает...»

Все трое сыновей Егора Михайловича Чехова утверждали себя в жизни, производя на свет многочисленное потомство.

У Михаила было четыре дочери и двое сыновей, у Митрофана – трое сыновей и три дочери. У Павла и Евгении – семеро детей. Лишь спустя два года после начала семейной жизни Павел смог скопить 2500 рублей и вступил в третью купеческую гильдию. Их первый сын, Александр, родился 10 августа 1855 года, незадолго до окончания Крымской войны. Английские корабли обстреливали с моря Таганрог – снарядами был разрушен купол собора, пострадали порт и многие дома. Евгения с сестрой Феничкой, спешно покинув дома (на плите в одном из них варился обед), бросились искать убежища в степи, у Егора Михайловича Чехова. Там, в доме священника, Евгения и разрешилась Александром. Вернулись они в Таганрог в тесный домишко свекрови, Ефросиньи Емельяновны, который Егор Михайлович загодя поделил между Павлом и Митрофаном. Когда Митрофан женился, Павел переехал, сняв двухкомнатный глинобитный дом на Полицейской улице. В 1857 году он открыл торговлю. Второй сын, Николай, родился 9 мая 1858 года. В 1859 году третью купеческую гильдию упразднили. Взяв

⁷ Письма родственников Митрофану вплоть до 1860 года хранятся в ОР. 331341.

ссуду, Павел приписался ко второй гильдии. Евгения снова ждала ребенка. Всегда готовый угодить властям, Павел Егорович поступил в ратманы таганрогской полиции. В январе 1860 года он писал брату Митрофану: «Новостей у нас нет, только от громового удара в прошедшую субботу Михайловская церковь загорелась в самом кумполе». В этом он усмотрел предвестие – 16 января 1860 года у него родился сын Антон⁸.

⁸ Его именины, день святого Антония, – 17 января.

Глава 2

Таганрог

1860–1868 годы

Таганрог, с его особым положением в Российской империи и разноязыким населением, больше походил на колониальную столицу, чем на провинциальный город. Вид его был живописен: пришедшая в упадок военная гавань и процветающий торговый порт, мысом уходящие в мелкое Азовское море; полдесятка проспектов, образованных домами греческих купцов с вкраплением русских казенных заведений. Таганрог разрастался от моря в степь, и, не попадись на окраине русская деревянная слобода, его вполне было бы можно принять за пыльный город где-нибудь в греческой Фракии.

Основанный Петром Первым как опорный пункт на Азовском море, дабы противостоять воинственной Османской империи, Таганрог, как и Петербург, был построен без особой заботы о его будущих обитателях. Песчаная почва плохо удерживала фундаменты; пресную воду найти было трудно; зимой было холодно, а летом – жарко; море было такое мелкое, что пароходы разгружались за версту от берега. В 1720 году турки вытеснили русских из Таганрога, а сам город был разрушен. В 1770-е годы, при Екатерине Великой, город был восстановлен и заселен греческими поселенцами, которые, как и их предки эллины, искали убежища от нищеты и притеснений в независимых поселениях на северных побережьях Черного и Азовского морей. Иные из них, некогда разбойничавшие в Средиземном море, стали финансовыми воротилами; другие наживались, обжуливая русских землевладельцев и подкупая таможенников. Деньги тратили они щедро, что сказалось и на развитии искусств. Греки собирали оркестры, открывали клубы, школы, церкви, выписывали из Франции поваров, чтобы задавать Лукулловы пиры, а из Италии – скульпторов, которые сооружали им на кладбищах роскошные надгробия. Затем примеру греков последовали русские и итальянские купцы, как, впрочем, и множество других иноземных торговцев. Выкачивая ресурсы из пробуждающейся российской глубинки, город бурно развивался.

Оставил в городе свой след и император Александр I. В конце своего царствования он искал в Таганроге душевного успокоения – поселившись в скромном одноэтажном «дворце», он умер там три месяца спустя. Во время его пребывания в Таганроге город на краткий срок стал теневой столицей империи.

Антон Павлович Чехов родился в те времена, когда будущее города казалось обеспеченным: дожидался высочайшего одобрения проект строительства южной железной дороги. Обозы, груженные пшеницей и мясом, тянулись в Таганрогский порт, поскольку до ближайшего крупного города, Харькова, было пятьсот верст по степному бездорожью.

При крещении Антона в русском православном соборе его восприемниками были греки, заказчики Павла и Митрофана. Чеховы взяли в дом няньку Агафью – крепостную, проданную хозяевами за то, что помогла барской дочери убежать с женихом. Семейство разрасталось, меняло дома, иногда теснилось под одной крышей с Митрофаном и его домочадцами. Восемнадцатого апреля 1861 года – в то время Чеховы жили у Павла Ивановича Евтушевского, Митрофанова тестя, – родился четвертый сын, Иван. Дочь Мария появилась на свет 31 июля 1863 года. В 1864 году семья переехала в дом побольше и поближе к центру города. Там 6 октября 1865 года родился шестой ребенок, сын Михаил.

Рассказы о детстве Антона дошли до нас от его старших братьев⁹. В 1889 году Коля, едва достигнув тридцати лет и уже лежа на смертной постели, взялся записывать детские воспоми-

⁹ См.: Чехов Н. Детство // Лит. наследство. Т. 68: Чехов. М., 1960. С. 531–537.

нания. Он припомнил и дом, в котором жила семья, когда Антон был малолеткой, и сорняки во дворе, и забор (все это эхом откликнется в поздних чеховских рассказах): «Я жил в маленьком одноэтажном домике с красной деревянной крышей, домике, украшенном репейниками, крапивой, куриной слепотой и вообще такою массою приятных цветов, которая делала большую честь серому палисаднику, обнимавшему эти милые создания со всех сторон. <...> В этом домике пять комнат и затем три ступеньки вниз ведут через кухню к тому святилищу, где возлежат великие мужи, хотя самый старый из них немножко перешагнул аршин».

Далее Колина память переносит нас в то время, когда Антону сровнялось восемь. Дядька, Иван Яковлевич Морозов, вырезал из лозы игрушечного всадника Ваську для четырех годовалого Вани. Все четверо мальчиков спали в одной постели, и по их лицам скользил на рассвете солнечный луч: «Сначала Александр отмахивался от него, как от мух, затем проговорил что-то вроде „меня сечь, за что?“, потянулся и сел. <...> Антон вытащил из-под подушки какую-то деревянную фигурку <...> сначала „Васька“ прыгал у него на коленях, затем вместе с Антоном пополз по мраморной стене. Я и Александр смотрели на все похождение „Васьки“ до тех пор, пока Антон, оглянувшись, не спрятал его самым быстрым образом под подушку. Дело в том, что проснулся Иван. „Где моя палочка, отдайте мою палочку“, – запищал он...»

Коля запечатлел и последний портрет дяди Ивана, который не смог выжить в жестоком торгашеском мире: «Мы редко видели рыженькую бородку дяди Вани, он не любил бывать у нас, так как не любил моего отца, который отсутствие торговли у дяди объяснял его неумением вести дела. „Если бы высечь Ивана Яковлевича, – не раз говорил мой отец, – то он знал бы, как поставить свои дела“. Дядя Ваня женился по любви, но был несчастлив. Он жил в семье своей жены и тут тоже слышал проклятое „высечь“. Вместо того чтобы поддержать человека, все придумывали для него угрозы одна другой нелепей, чем окончательно сбили его с толку и расстроили его здоровье. Тот семейный очаг, о котором он мечтал, для него более не существовал. Иногда, не желая натолкнуться на незаслуженные упреки, он, заперев лавку, не входил в свою комнату, а оставался ночевать под забором своей квартиры в росе, желая забыться от надоедливого „высечь“, „высечь“. Помнится мне, как-то раз он забежал к тетке и попросил уксусу растереться и, когда она спросила его о чем-то, со слезами на глазах, дядя махнул рукой и быстро выбе...»

Коля умер, оборвав рассказ на полуслове. А чахоточный дядя Ваня встретил свою смерть вскоре после той истории с уксусным растиранием.

Александр тоже вспоминает игрушечного Ваську и общую постель. Старшего брата частенько оставляли присматривать за Антоном – он помнит, как малыш сидит на горшке, не может «исполнить того, что надлежало», и кричит Александру: «„Палкой его!“ – Я же, чувствуя свое бессилие помочь тебе, озлоблялся все более и более и в конце концов пребольно и презло ущипнул тебя. Ты „закатился“, а я, как ни в чем не бывало, отрапортовал явившейся на крик маменьке, что во всем виноват ты, а не я»¹⁰.

Однако когда Антону исполнилось десять лет, маятник верховенства качнулся в другую сторону. Последующие десять лет братья соперничали за власть, и в результате главой семьи стал Антон. Александр вспоминает свое первое поражение, когда они остались одни в лавке у железнодорожного вокзала, «я для того, чтобы снова покорить тебя себе, огрел тебя жестянкою по голове. <...> Ты ушел из лавки и отправился к отцу. Я ждал сильной порки, но через несколько часов ты величественно в сопровождении Гаврюшки прошел мимо дверей моей лавки с каким-то поручением фатера и умышленно не взглянул на меня. Я долго смотрел тебе вслед, когда ты удалялся, и, сам не знаю почему, заплакал...»

Детство Антона прошло в обширном родственном кругу. Когда ему было шесть лет, семья съехала с дядей Митрофаном и Людмилой – Александр к этому времени два или три

¹⁰ См.: Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова / Сост. И. С. Ежов. М., 1939. С. 131–132.

года прожил у Фенички. Чеховы и Морозовы породнились браком со многими таганрогскими семьями, и бедными, и богатыми. К клану Чеховых примкнули и обрусевшие греки – крестные, а также Камбуровы, соседи по Полицейской улице, богатые торговцы, чей буржуазный налет напрочь слетал, стоило только Камбурову-старшему с сочным греческим акцентом обругать кого-нибудь из домочадцев: «Иби васу мать!». Вообще, они с успехом сочетали свой средиземноморский темперамент с вольными русскими нравами, и дочери их, Любовь и Людмила, прослыли ходким товаром. В такой среде началось воспитание чувств Александра и Коли – отсюда греческое просторечье, в котором поднаторел Александр, и таганрогский городской жаргон, к которому он прибегал в письмах. Местные греки прозвали старшего брата «счастливей Саса»¹¹.

Первые восемь лет жизни Антона пронизаны непрерывной чередой именин и церковных праздников, особенно пасхальных, истово соблюдаемых Павлом Егоровичем. В будние дни свободы было побольше: в школьные каникулы они с Колей выслеживали Александра на улицах Таганрога, рыбачили в бухте Богудония, ловили на пустыре и потом продавали за гроши чижей и щеглов, наблюдали, как острожники отлавливают и забивают до смерти бродячих собак, и вечером возвращались домой, с головы до ног перепачканные известкой, пылью и грязью.

¹¹ Еврейские мальчишки дразнили его Сашинкох. Александр научился немного болтать на идиш и всю жизнь помнил тревожный мальчишеский клич: «Феркаце ди хузн, лойф ахейм!» (Задирай штаны и бегом домой!)

Глава 3

Магазин. Церковь. Школа

1868–1869 годы

Купец Павел Егорович был никудышный. Куда больше его привлекала каллиграфия – он то и дело перебеливал прејскуранты, инвентарные описи и списки должников. Свою лавку он превратил в дискуссионный клуб, где можно было наставить клиентов на путь истинный или посплетничать с ними за стаканом чая или вина. Благодаря знанию церковной музыки он был принят в таганрогском обществе. Его страсть к хоровому пению была поистине безграничной. Несмотря на скудное образование и не бог весть какой талант, в 1864 году он стал регентом кафедрального собора. При этом ничто не могло заставить его пропустить в литургии хоть один такт или слово – службы в соборе стали тянуться до бесконечности. И прихожане, и клир через Евгению Яковлевну пытались убедить Павла Егоровича служить покороче, но тот не уступал – благолепие превыше всего. В 1867 году ему отказали от места.

Павел Егорович перешел в греческий монастырь, который, желая расширить приход, начал вести службы на русском языке. Новый регент набрал хор слободских кузнецов с их раздутыми, как меха, легкими – басы и баритоны зазвучали сурово и мощно. Недоставало лишь альтов и сопрано. Павел Егорович пытался было приобщить к делу двух таганрогских барышень, но у тех не выдержали нервы, и они были отпущены с богом. Им на замену Павел Егорович взял в хор троих старших сыновей. Позже Александр вспоминал: «Доктор, лечивший у нас в семье, восставал против такого раннего насилования моей детской груди и голосовых средств»¹².

Пение в церковном хоре превратилось в пытку, растянувшуюся на долгие годы. Особенно тяжело было в Пасху, когда мальчиков из теплых постелей выгоняли чуть свет к заутрене. Потом они выстаивали по две-три нескончаемых службы, а накануне долго репетировали в лавке, то и дело получая от хормейстера оплеухи. Всю свою взрослую жизнь, вплоть до самой смерти, Антон редкую Пасху проводил дома – его тянуло на улицу, наполненную колокольным звоном.

Прихожане умилялись, глядя, как Александр, Коля и Антон, коленопреклоненные на стылом каменном полу, поют трехчасовой тропарь «Разбойника благоразумного». Но мальчикам было не до благолепия. Антон вспоминал, что они чувствовали себя «маленькими каторжниками» и, стоя на коленях, беспокоились о том, как бы публика не увидела их дырявые подошвы. Развлечений было мало – наблюдать, как на колокольне гнездятся кобчики, или вдруг услышать устроенный Николаем перезвон в честь появления в церкви Евгении Яковлевны.

Именно музыка православной церкви, а не ее догмы, глубоко укоренилась в душе Антона Чехова. Раз, услышав церковный благовест, он признался школьному приятелю, актеру А. Вишневскому: «Вот любовь к этому звону – все, что осталось еще у меня от моей веры». В 1892 году он делился мыслями с писателем И. Щегловым: «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание...<...> И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет».

В 1872 году в греческий монастырь пришел новый настоятель. Русским он не владел, и хор Павла Егоровича был распущен. В той церкви на таганрогском рынке, где Павел Егорович пел с кузнецами славу Господу, появился профессиональный хор. Оставалась лишь часовенка при «дворце» императора Александра, где неудачливый регент мог явить публике семейное трио.

¹² РГАЛИ. 2540 153. Воспоминания Ал. Чехова (см. также: Вокруг Чехова. М., 1990).

Возможно, доктор, пользовавшийся семейство Чеховых, был прав, считая, что службы спозаранок и репетиции на ночь глядя подорвут здоровье старших сыновей. Но благодаря им в память Антона на всю жизнь въелись церковнославянские псалмы и акафисты. Любовь к русской церковной музыке пережила его веру в Бога, хотя дальше пения и умения подобрать одним пальцем мелодию на пианино дело у него не пошло. Коля же играл и на скрипке, и на пианино, причем на последнем, по свидетельству профессионалов, виртуозно. В краткий период благополучия шестидесятых и начала семидесятых годов Павел Егорович нанимал детям учителей музыки и французского: Александр и Коля неплохо говорили по-французски, а вот языковые и музыкальные таланты Антона так и остались нераскрытыми.

Александр на радость отцу был одним из лучших учеников таганрогской гимназии. Что же делать с Колей и Антоном, Павел Егорович решить никак не мог. Греческие купцы втолковывали ему, что путь к благоденствию лежит через греческие торговые компании, где место маклера может давать до 1800 рублей в год. Однако занятие это требовало владения греческим. Неожиданно с Павлом Егоровичем расплатился один из должников, и отец вложил 100 рублей в образование Коли и Антона. Греческий язык преподавали в приходской школе церкви святых Константина и Елены (ее тремя годами ранее посещал Александр), и это заведение славилось палочной дисциплиной. «Николаос и Антониос Цехоф» были зачислены в школу в сентябре 1867 года. Преподавание велось в общей комнате с длинными деревянными скамьями. С пятью классами одновременно, начиная с алфавита и кончая синтаксисом, занимался Николай Вучина. Под его бдительным оком старшие спрашивали у младших уроки и наказывали нерадивых школяров. Новички получали за деньги потрепанные буквари. Время от времени учитель удалялся к себе в квартиру, где ключница-украинка удовлетворяла его плотские потребности (говорили также, что однажды он изнасиловал там греческого мальчика). Когда его рыжая борода вновь появлялась в классе, порядок – правда, не без помощи его луженой глотки и металлической линейки – быстро восстанавливался. Вучина сам придумывал наказания: например, привязывал провинившегося к стремянке и заставлял одноклассников плевать в него. Впрочем, плата за обучение была скромной, а школьная форма – необязательной.

Когда учебный год закончился, Павел решил предъявить греческим компаньонам достижения своих сыновей. Однако, несмотря на обилие листочков с щедрыми оценками «прилежный» и «благочестивый», которыми Вучина награждал учеников, ни Коля, ни Антон дальше алфавита не продвинулись. Последовала склока, но наказание понесли мальчики, а не горе-учитель. В августе 1868 года они были зачислены в гимназию. Антон пошел в приготовительный класс.

Таганрогская гимназия станет прообразом душевной учительской среды, в которой будут томиться чеховские персонажи, оставаясь при этом своеобразным царскосельским лицеем на Азовском побережье; в ней для Чехова сошлись и рай и ад. Ученичество Антона пришлось на годы ее расцвета: достаточно просмотреть списки преподавателей и учеников, чтобы оценить эту кузницу талантов. Школа не менее жестко повлияла на Антона, чем семья, но она же помогла ему освободиться от родительского гнета.

Гимназия в Таганроге была открыта в сентябре 1809 года попечением просвещенных горожан. В 1843 году она разместилась в просторном и светлом двухэтажном здании, построенном в классическом стиле на самом высоком таганрогском холме. Одним из первых прославивших ее питомцев стал поэт и переводчик Гомера Н. Щербина. В 1856 году начались александровские реформы, и последующие двадцать лет гимназию лихорадило от всяческих новаций. Быстрый рост городов на юге России повлек за собой частую смену преподавателей, а в бурные годы правления Александра II в гимназии утвердились либералы, то и дело вступавшие в конфликт с властями.

В 1863 году из гимназии был уволен тогдашний ее директор. Потеряв от горя рассудок, он два года бродягой скитался по городу и в 1865 году, окончив счеты с жизнью, был

похоронен своим преемником Паруновым. В 1867 году министр образования граф Д. Толстой, посетив гимназию, вознамерился превратить ее в образцовое классическое учебное заведение: сомнительные дисциплины сменились обязательными латынью и древнегреческим, а русская литература, вызывавшая брожение умов, была вправлена в жесткие рамки. Неблагонадежным учителям отказывали в месте. Учеников из деревни, снимающих жилье у таганрожцев, стали расселять под строгим присмотром школьного начальства. Министр считал, что школе, как и церкви, надлежит воспринять насаждаемый им жандармский дух. В результате многие преподаватели превратились в надсмотрщиков, а занятия – в зубрежку, и вместе с тем для здравомыслящих учителей и талантливых учеников толстовские реформы в чем-то оказались благотворными. Двери гимназии были открыты для евреев, купцов, мещан, детей церковнослужителей и зарождающейся интеллигенции. Выпускники становились врачами, адвокатами, актерами и писателями, что, впрочем, вызывало беспокойство правительства – избыток интеллигенции, особенно не находящей себе дела, был революционно опасен.

В российской гимназии в те времена со школьниками обращались благородно: если кого и наказывали, то отправляли в «карцер» – чисто выбеленную комнатку, обычно располагавшуюся под лестницей. Телесные наказания были запрещены: учитель, поднявший на ученика руку, увольнялся. Антону, после изощренных издевательств Вучины и тумачов в родительском доме, подготовительный класс показался раем. Как выяснилось, иных из его одноклассников не трогали пальцем даже дома. Молчаливое неприятие любого насилия над личностью, ставшее стержнем чеховской натуры, берет свое начало именно в школьном классе.

Впрочем, не всем родителям были по карману плата за обучение и школьная форма, так что со временем кое-кто из гимназистов переходил в реальное училище и, окончив его, шел в мастеровые. Как вспоминает одноклассник Антона Ефим Ефимьев, покинувший гимназию в 1872 году в двенадцатилетнем возрасте и впоследствии ставший прекрасным часовщиком и плотником, «[мы] считались людьми плебейского происхождения <...> форма дешевого сукна <...> завтрак из небольшого куска хлеба с салом, которым я, бывало, делился с Антоном <...> у него, кроме хлеба да печеной картошки с огурцом, ничего питательного не было»¹³.

Рукоприкладство, чрезмерное даже для темной купеческой среды, особо отличало жестоконравного Павла Егоровича. Младшим детям, которые выросли в Москве, особенно Мише, розог досталось поменьше – здесь Павлу Егоровичу исполнить отеческие права помешали столличные предубеждения домохозяев. Маша, единственная дочь в семье, была любимицей – многим она запомнилась тем, что легко краснела и носила розовое накрахмаленное платьице. Старших же сыновей пороли нещадно. Лупцевали домочадцев и богатые родичи, Лобода. А вот детям дяди Митрофана сыновья Павла Егоровича завидовали – в его семье воспитывали вразумлением, а не кулаками. Александру и Николаю порки причиняли моральные страдания – вплоть до отроческих лет мальчикам приходилось просушивать постели. По словам Ефима Ефимьева, «в семье Чеховых <...> как только появлялся его отец, мы затихали и разбегались: рука тяжелая. Детей наказывал за самую невинную шалость».

В одном из поздних чеховских рассказов под названием «Три года» ярко описаны переживания молодого вдумчивого человека, выходца из купеческой среды. Мы видим, насколько узнаваемы подробности – ими наполнены письма Антона, запечатлевшие муки и унижения детства: «Я помню, отец начал учить меня, или, попросту говоря, бить, когда мне не было еще пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь, каждое утро думал прежде всего: будут ли сегодня драть меня?»

На исходе третьего десятка Антон делился с братом Александром: «Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те

¹³ См.: Бондаренко И. Биография еще не окончена // Сб. ст. и материалов / Под ред. И. М. Сельванюка, В. Д. Седегова. Вып. 3. Ростов н/Д., 1963. С. 309–330.

ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать дурой». У Александра таганрогское детство тоже отпечаталось в памяти как «сплошное татарское иго без просвета».

Эта же тема проходит и в воспоминаниях журналиста Н. Ежова: «Выпоров детей, Павел Егорович шел в церковь, а наказанным велел садиться за псалтырь и читать столько-то страниц. Сам Чехов, уже будучи увенчанным Пушкинской премией, говорил одному литератору: „Знаете, меня в детстве отец так порол, что я до сих пор не могу забыть этого!“ И голос писателя дрожал, так остры были его воспоминания».

Преподавателем Закона Божьего в таганрогской гимназии был тридцатилетний Федор Покровский. Навещаая гимназистов, дом Павла Егоровича он обходил стороной и предпочитал семейство его брата Митрофана – там гостеприимство не было показным и не перемежалось поркой детей и напыщенным пустословием. Однако Покровский недооценил чеховских отпрысков, сказав их матери: «Из ваших детей, Евгения Яковлевна, не выйдет ровно ничего. Разве только из одного старшего, Александра». Вот каким предстает отец Федор в воспоминаниях Павла Филевского, выпускника и впоследствии преподавателя таганрогской гимназии: «Наружность, осанка, музыкальный голос, находчивость, дар слова – все в нем привлекало. Но это был человек неискренний, говорил не то, во что верил, был безжалостен к побежденному противнику и не стеснялся в средствах. <...> Эрудиции мало, богословие „от чрева своего“»¹⁴.

Дети видели в Покровском своего защитника. На собраниях он смело выступал против директора Парунова и порой затевал споры с самим инспектором, отстаивая интересы гимназистов, которым плата за обучение (от десяти до двадцати рублей в год) была не по карману. Хлопотал он и за братьев Чеховых. В классе он иной раз забывал о катехизисе и делился с гимназистами воспоминаниями о войне, рассказывал им о Гете, Шекспире и Пушкине. Чехов поддерживал отношения с отцом Федором до самой его смерти в 1898 году, и Покровский не пропускал ни одного печатного слова своего бывшего ученика. Годы спустя Митрофан писал брату Павлу: «Антоша в своем письме ко мне высказал, что он обязан о. протоиерею не только учению Закону Божию, но и словесности, умению понимать живое слово и облекать его в изящную форму».

Наставники приготовительного класса 1868–1869 годов были люди добросердечные – например, воспитатель пансиона Стефан Монтанруж, немолодой, но полный жизни швейцарец, которого ласково величали Стакан Иваныч. Яркой фигурой и всеобщим любимцем был и преподаватель латыни Владимир Старое – кроткий и безобидный, он воспылил страстью к распутной красавице Ариадне Черец, или, как ее звали, Рурочке. Женидьба на ней погубила его. В конце восьмидесятых годов самозванный школьный соглядатай, чех Ян Урбан, разоблачил Старова, и его удалили в захолустную, затерявшуюся в степях школу. Ариадна Старова бросила и убежала с известным всей России актером Н. Соловцовым. Потом она сама поступила на сцену. Спившись, Старое умер в больнице. Эта история легла в основу сюжета не только чеховских рассказов «Ариадна» и «Моя жизнь», но и повести «Моя женитьба», написанной учителем географии Федором Стулли. Погиб от запоев и другой наставник Чехова, историк и либерал Аполлон Белавин. Ипполит Островский, преподаватель математики и физики, еще будучи на службе, умер от туберкулеза.

Человеком, в чьих руках находилась судьба большинства учеников, был инспектор А. Дьяконов по кличке «Сороконожка», ходячее собрание избитых моральных наставлений, над которыми потешались гимназисты: «Коль скоро существует правило, то оно не для забавы законодателя и должно быть соблюдаемо». Дьяконовские черты Чехов перенес на учителя греческого языка Беликова в рассказе «Человек в футляре», однако его прототип был в жизни

¹⁴ См.: Филевский П. П. Очерки из прошлого Таганрогской гимназии. Таганрог, 1906.

столь тверд в своих убеждениях, незлобив и одинок, что вызывал невольное уважение окружающих.

Греческий язык совсем не давался Антону Чехову. В то время как Александр и Коля прекрасно успевали в нем, Антон иной раз недотягивал до «тройки» – оценки, позволяющей перейти в следующий класс. Впрочем, и хорошего преподавателя древнегреческого тоже надо было поискать. В конце концов из самих Афин гимназия пригласила К. Зико. Прекрасный педагог, он, по словам П. Филевского, «слишком неразборчиво искал средств к обогащению». Бормоча по-гречески «хримата!» (деньги), он весьма откровенно вымогал взятки у двоечников. Рукоуйство приняло в российских школах характер эпидемии. Учителя селили у себя на квартирах отстающих учеников, брали с них по 350 рублей в год, а кормили объедками. Зико настолько зарвался в своей алчности, что «компрометировал» школу и в начале восьмидесятых годов был выдворен из России.

Под стать греку Зико был чех Ян Урбан, школьный осведомитель. До Таганрога он работал в Киеве (там кто-то покалечил ему ногу), а потом в Симферополе (там ему в доме переколотили окна)¹⁵. Всякий раз он покидал город со скандалом, разоблачив в глазах начальства учителей или учеников. Таганрог был его последним прибежищем, но и здесь он не мог удержаться от доносов. Один из затравленных им гимназистов наложил на себя руки. Как-то раз ученики кинули в дом Урбана набитую взрывчаткой жестянку. Взрыв был слышен за десять кварталов. Урбан требовал, чтобы полиция арестовала анархистов, но так ничего и не добился. Домохозяева отказывали ему в постое. Репутация Урбана в городе была столь незавидна, что даже городской жандарм запретил своей дочери выходить замуж за его сына. Во время революционных беспорядков 1905 года гимназисты закидали Урбана камнями. Он собрал их и до самой смерти носил в кармане.

Иные учителя не оставили следа в памяти Антона. Однако странно, что он забыл Эдмунда Иосифовича Дзержинского, «болезненного и крайне раздражительного», каким его запомнил П. Филевский. Вплоть до 1875 года Эдмунд Иосифович преподавал в гимназии математику, а потом родил сына Феликса, председателя ВЧК и пламенного борца с контрреволюцией. Антон помнил лишь тех преподавателей, которые учили его на протяжении всех гимназических лет, а также тех, чья судьба сложилась как-то особенно нелепо¹⁶. В своей взрослой жизни он называл их чинодралами, а их чудачества и жизненные драмы дали богатый материал для чеховской прозы.

В первые годы учебы Антон успехами не блистал и прилежным поведением не отличался. Однако лишь П. Вуков, отвечавший за дисциплину в гимназии, уже после смерти Чехова, откровенно признал это: «Ну конечно, 9 лет глаза мозолил». (Позже он облачил эту мысль в более тактичную форму: «Его идею и острое словечко подхватывали товарищи, и это становилось источником веселья и смеха».) Друзей среди одноклассников у Антона не было – мужскую дружбу он узнает позже. Семейство Чеховых по-прежнему держалось особняком.

Начиная с 1868 года доходы Павла Егоровича стали расти, что позволяло оплачивать образование детей. Вскоре умерла его теща, А. Кохмакова, однако внукам не запомнилось это печальное событие – последние четыре года она пролежала в параличе и была отрезана от окружающего мира.

В 1869 году Чеховы сняли у домовладельца Моисеева двухэтажный кирпичный дом на краю города – мимо проходила дорога, по которой тянулись из степи в порт ломовые извозчики и погонщики скота. Верхний этаж был жилым, и в гостиной поставили пианино. Внизу разместилась лавка, а в боковых комнатах теснились постояльцы и хранились запасы товара.

¹⁵ См.: РГАЛИ. 549 1 332. Зелененко. Воспоминания о Таганрогской гимназии (машинопись).

¹⁶ Кстати, многие учителя сохранили о Чехове воспоминания. Из них, пожалуй, лишь А. Маркевич, учитель истории, гордо заявлял, что он рассказов Чехова не читает.

На улице, куда выгоняли зазывать покупателей кого-нибудь из мальчиков или младших Чеховых, над входом красовалась вывеска: «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары». В магазин взяли братьев Харченко, Андриюшку и Гаврюшку, пареньков лет одиннадцати-двенадцати. Они жили с Чеховыми и первые пять лет работали бесплатно. Карманов на одежде, дабы избежать греховного искушения, иметь им не разрешалось, а тумачков доставалось куда больше, чем чеховским отпрыскам. Зато их сразу научили обсчитывать, обвешивать и вместо годного товара подсовывать негодный¹⁷.

В этом самом доме 12 октября 1869 года родился чеховский последыш – дочь Евгения. Семейство разрасталось, однако Чеховы находили место и для постояльцев – еврейских торговцев, монахов, школьных учителей. Один из жильцов, Гавриил Парфентьевич Селиванов, – он сыграет ключевую роль в жизни Чеховых в последние годы их пребывания в Таганроге – днем работал в коммерческом суде, а вечерами наживал деньги, играя в карты в клубе «общественного собрания». Был он холост и тщательно следил за собой: всегда вытряхивал из соломенной шляпы подсолнечную шелуху, которую носило ветром у чеховской лавки. Селиванов скоро был принят в семью и даже называл Евгению Яковлевну мамашей. Еще один квартирант, гимназист Иван Павловский, позже стал собратом Чехова по перу, журналистом. Павловский оставил неизгладимое впечатление в памяти одноклассников. В 1873 году он уехал в Петербург продолжать учебу, но был арестован за революционную деятельность и выслан в Сибирь.

Из верхних окон моисеевского дома была видна новая базарная площадь, одновременно служившая местом гражданской казни. Туда привозили на черной повозке осужденных – у них были связаны за спиной руки, а на шее висели таблички с указанием содеянного. Под барабанный бой преступника возводили на эшафот, привязывали к столбу, читали над ним приговор, а затем отправляли в тюрьму или в ссылку. Евгения Яковлевна и Митрофан Егорович, как и многие таганрожцы, навещали заключенных в праздничные дни.

Благотворительность Павла Егоровича имела свои пределы. Обычно он пускал пожить на двор одного-двух монахов, собирающих пожертвования для монастыря на горе Афон, и сквозь пальцы смотрел на их пьянки. Детям же снисхождения не оказывалось. Невзирая на занятия в гимназии, они имели свои обязанности в лавке и получали наказания за малейшую провинность – через все это прошел и сам Павел Егорович. По его разумению, задания по латыни вполне можно было выполнять, одновременно приглядывая за лавкой – она была открыта с раннего утра до поздней ночи. Позже Александр вспоминал отеческие наставления: «В детстве у меня не было детства... Балуются только уличные мальчишки... За битого двух небитых дают...»

Лавку Павел Егорович оснастил отменно – весы, стол и стулья для покупателей, повсюду полки и шкафы, наверху чердак, по дворе сарай – и торговал всем чем придется. К тому же, всем на удивление, он оказался великим гурманом и за хороший обед продал бы душу дьяволу; горчицу приготавливал собственноручно. В лавке можно было найти первосортные кофе и оливковое масло. Сорок лет спустя Александр пытался восстановить в памяти ассортимент семейного торгового заведения: «Здесь можно было приобрести четверку и даже два золотника чаю, банку помады, дрянной перочинный ножик, пузырек касторового масла, пряжку для жилетки, фитиль для лампы и какую-нибудь лекарственную траву или целебный корень вроде ревеня. Тут же можно было выпить рюмку водки и напиться сантуринским вином до полного опьянения. Рядом с дорогим прованским маслом и дорогими же духами „Эсс-Букет“ продавались маслины, винные ягоды, мраморная бумага для оклейки окон, керосин, макароны, слабительный александрийский лист, рис, арабийский кофе и сальные свечи. <...> Конфеты, пряники и мармелад помещались по соседству с ваксою, сардинами, сандалом, селедками и жестянками

¹⁷ Третий мальчик, Мишка Черемис, запомнившийся многим по кличке педераст, тоже какое-то время работал на Чеховых. У сыновей остались в памяти лишь его слова: «Не будьте благомысленны».

для керосина или конопляного масла. Мука, мыло, гречневая крупа, табак, махорка, нашатырь, проволочные мышеловки, камфара, лавровый лист, сигары „Лео Виссора в Риге“, веники, серные спички, изюм и даже стрихнин уживались в мирном соседстве. Казанское мыло, душистый кардамон, гвоздика и крымская крупная соль лежали в одном углу с лимонами, копченой рыбой и ременными поясами».

Отпускал Павел Егорович и кое-какие лекарства. Одно из них, под названием «гнездо», помимо прочего включало нефть, ртуть, азотную кислоту, «семибратнюю кровь», стрихнин и сулему. Оно имело абортивное действие и приобреталось мужьями для своих жен. «Много, вероятно, отправило на тот свет людей это „гнездо“», – заметил как-то уже получивший медицинское образование Антон.

Однако, несмотря на то, что посетителей угощали водкой и сладким сантуринским вином¹⁸, доходу лавка не давала. Не помогали и всякие уловки, например продажа высушенного и подкрашенного спитого чая. Перед важными клиентами Павел Егорович заискивал, а если кому случалось пожаловаться на то, что чай отдает рыбой, а кофе свечным воском, то затрешины и пинки при покупателях доставались Андрюшке и Гаврюшке. (Как-то раз Павла Егоровича за чрезмерное рукоприкладство вызывал мировой судья.) Его же понятия о гигиене даже по тем временам были ниже всякой критики – он, например, уверял сыновей, что мухи очищают воздух. Однажды в бочке с оливковым маслом обнаружил дохлую крысу. Замолчать это происшествие ему не позволила честность, а вылить масло – жадность, к тому же ему очень не хотелось возиться с маслом – процеживать и кипятить его. Тогда он решил пропащий товар освятить, и отец Федор Покровский отслужил в лавке молебен. После этого магазин стали обходить стороной даже самые нетребовательные покупатели. А дохлая крыса стала предвестником краха лавки колониальных товаров Павла Егоровича Чехова.

¹⁸ Чехов оставался верен сантуринскому всю свою жизнь, хоть и признавался, что на вкус оно похоже «на плохую марсалу».

Глава 4

Театр в жизни и на сцене 1870–1873 годы

Хорошо обустроенный магазин и модно обставленная гостиная, выходившая окнами на две обсаженные деревьями улицы (со временем там появятся газовые фонари), являли собой европейскую вывеску дома Моисеева. За ней же, в тесных спальнях, в сараях во дворе, в кухне без водопровода, скрывалась иная, азиатская, реальность. Образ провинциального дома с душными, полными тараканов задними комнатами при роскошном фасаде пронижет прозу Чехова вплоть до самого последнего рассказа.

Впрочем, европейское преуспевание так и осталось видимостью – деловой хватки Павлу Егоровичу явно не доставало. Не прошло и года, как через дорогу открылась лавка, предлагавшая тот же самый товар по более низким ценам. Сомнительного качества вино, купленное Павлом Егоровичем в кредит, никак не раскупалось. Долги множились, и фортуна обернулась к Чеховым спиной. В сентябре 1871 года, едва дожив до двух лет, умерла маленькая Евгения. Мать оплакивала ее горше, чем впоследствии смерть взрослых сыновей. Даже через шестнадцать лет, по словам Александра, мать помнила смерть дочери так, «как будто это было вчера».

Павел Егорович увеличил рабочее время магазина и арендовал прилавок на привокзальной площади. Когда доходы от него перестали покрывать даже расходы на горящую там керосиновую лампу, он взял в аренду другую лавку, на Новом рынке, и заставил работать в ней сыновей – к величайшему их огорчению – во время летних каникул. Торговля в лавке открывалась в пять утра, заканчивалась в полночь и тем не менее приносила семейству лишь грошовую прибыль.

Летние каникулы были самым светлым пятном в детской жизни Антона, а рыбная ловля и загородные прогулки стали символом счастья не только в его взрослой жизни, но и в прозе. Однако еще больший след в его душе оставило море. Таганрогские мальчишки удили рыбу со свай в недостроенном порту или проводили время на каменистом пляже бухты Богудония. Как-то, ныряя, Антон разбил себе голову, и оставшийся шрам впоследствии указывался как примета в документах, удостоверяющих его личность. Здесь, у моря, он сиживал с удочкой – нередко по соседству с инспектором Дьяконовым (картина напоминала сошедшихся у водопоя хищника и его жертву). На море мальчишки приходили за бычками. Пойманную рыбу сажали на кулан и держали в воде, чтобы сохранить ее свежей до рынка. На обратном пути было чем развлечься – озорники взрезали мешки, лежащие на медленно тянущихся в город подводах, и таскали из них мандарины и грецкие орехи. Если извозчик успевал заметить воришку, тому доставалось по спине кнутом¹⁹. На рыбалке Антон обретал покой, которого ему так не хватало дома. А вот на пустыре можно было вволю порезвиться – там они со школьным приятелем Андреем Дросси ловили щеглов. (Братья Чеховы, уже став взрослыми, держали в доме певчих птиц, которые свободно летали по комнатам.) Манило к себе и таганрогское кладбище – суровость его православных крестов, пышность сработанных итальянцами надгробий и нескончаемое тление отбросили тень на всю чеховскую прозу. Здесь Антон ловил восковым шариком тарантулов²⁰.

Даже в детстве море и река Миус навевали Антону грустные мысли, которые отозвались *memento mori* в его поздних рассказах. В письме к своему покровителю Григоровичу Чехов

¹⁹ Кнуты пропитывались дегтем и рыбьим жиром, и это наносило непоправимый урон одежде. Получив как-то пониже спины, Антон с испугу решил отстирать брюки в скипидаре, который окончательно разрушил ткань. Знакомая одного из одноклассников сжалась над ним и купила ему новую пару, так что Павел Егорович так и не узнал о понесенном ущербе.

²⁰ См.: Долженко А. Воспоминания родственника об А. П. Чехове // Из школьных лет Антона Чехова 1962. С. 14–19.

в 1886 году писал: «Когда ночью спадает с меня одеяло, я начинаю видеть во сне громадные склизкие камни, холодную осеннюю воду, голые бревна – все это неясно, в тумане, без клочка голубого неба. Когда же я бегу от реки, то встречаю по пути обвалившиеся ворота кладбища, похороны, своих гимназических учителей».

Жизнь Антона стала чуть привольнее. Он обследовал окрестности города, навещал одноклассников. У тети Фенички можно было безнаказанно драться подушками, а в гостях у таганрогских чиновников и купцов – на какое-то время забыть о суровом семейном распорядке. У Антона стали проявляться признаки его взрослых недугов – головные боли и расстройство пищеварения, в то время называвшееся «катар желудка», или «перитонит». Недомогания приписывались купанию в холодной воде. Летом одолевали приступы малярии. Вообще, кишечные расстройства и постоянный кашель за болезнь не считали. При том, что Евгения Яковлевна выказывала тревожные симптомы – кровохарканье, приступы лихорадки, тетя Феничка непрерывно кашляла и заметно теряла силы, а дядя Ваня Морозов к тому времени уже умер от туберкулеза, – никто не мог предположить, что эта роковая болезнь настигнет и Антона. Пока его жизненных сил хватало, чтобы противостоять инфекции. Антон в детстве и Чехов в зрелые годы – это два разных человека. Облик широкоплечего и круглолицего молодца середины восьмидесятых годов совсем не вяжется со столь знакомым нам портретом писателя с изможденным от страданий лицом и впалой грудью. Кстати, в школе его, большеголового, дразнили «бомбой».

В июле 1871 года (Антону было одиннадцать) у лавки Павла Егоровича остановились длинные дроги – из слободы Крепкой, где жил дед Егор, приехал работник прикупить кое-что по хозяйству. Александр с Антоном упросили родителей позволить им с этой okazji навещать деда с бабкой. Выехали сразу же, и второпях мальчики не взяли с собой ничего, чем укрыться от дождей, полоскавших повозку на протяжении всего пути – за два дня проехали они семьдесят верст. Степные ливни, плутание в камышах, пьяная ругань возницы, встреча с хозяином еврейской харчевни – все эти дорожные происшествия через шестнадцать лет найдут отражение в чеховском шедевре «Степь». Кульминация повести – разочарование в старике, поначалу казавшемся загадочным и значительным, – имеет реальную основу: такие же чувства испытали мальчики, добравшись до имения графа Платова и обнаружив, что их деда, не ужившегося с господами, отправили на дальний хутор да к тому же окрестили «аспидом». Увидев внуков, Егор Михайлович родственных чувств не проявил. Когда же выяснилось, что приехавшие мальчишки – внуки ненавистного управляющего, от них отвернулись и крестьяне. Егор Михайлович и Ефросинья Емельяновна жили смердами. Внуков пристроили на ночлег в пустующем барском доме. Через неделю Александр и Антон подружились с кузнецом и вместе с ним ловили краденою простыней рыбу у мельничной запруды. Дед Егор не оправдал своей репутации самоучки и книголюба и даже заклеил школу рассадником «ученых дураков». Антон был подавлен горькими жалобами бабки Ефросиньи, которую сломили годы нужды, побои мужа и ненависть крестьян. В гостях у прародителей мальчики впервые смогли понять, сколь жестокой была сформировавшая их отца среда, и сравнить, насколько тяжелее было его детство.

Недели, проведенной с дедом и бабкой, было довольно. Александр настоял на том, чтобы дойти пешком до Крепкой и там просить графиню Платову помочь им добраться до дому. Через несколько дней они сели на подводку, отправлявшуюся в Таганрог.

В мае 1872 года Антон, как и четверть его одноклассников, провалил экзамены за третий класс, не получив по всем предметам даже троек. С такими оценками ему грозило провести следующий учебный год на «Камчатке». Впрочем, наступившее лето позволило позабыть о пережитых и предстоящих унижениях – к радости детей, родители оставили их дома одних. Павел Егорович с Евгенией Яковлевной отправились паломниками по монастырям. По дороге они намеревались провести в Калуге уже безнадежно больного Михаила Егоровича Чехова,

посетить в Москве Политехническую выставку, а на обратном пути заглянуть к богатым родичам Евгении Яковлевны в Шуе. Воспоминания об этом впервые сохранились у девятилетней Маши. Она вообще старалась не копить обид и запечатлела только светлые страницы детства Чеховых: Александр мастерит электрическую батарейку, Коля пишет маслом, Ваня переплетает книги.

В 1873 году жизненные горизонты братьев Чеховых заметно раздвинулись. Антон стал чаще бывать на людях, Александр с Колей бегали на свидания с гимназистками. Александр влюбился в Марию, дочь таганрогского часовщика Франца Файста, и дело шло к помолвке. Коля, который был привлекателен даже несмотря на раскосость и невысокий рост, пользовался у девушек небывалым успехом; особое благоволение ему выказывала кузина Любовь Камбурова. Если судить по девичьим письмам, полетевшим из Таганрога в Москву после отъезда молодых людей в 1875 году, Любовь и Мария были далеко не единственными из русских и греческих купеческих дочек, кому вскружили голову братья Чеховы. Александр блистал умом и красноречием, Коля мило дурачился, актерствовал и музицировал, Антон был остроумен и демонстрировал хорошие манеры. Таганрожцам особенно запомнилась его внимательность к людям – что, впрочем, не мешало ему безжалостно вышучивать хозяев и гостей за их спиной. Очаровывались даже те, для кого писательская слава Антона была пустой звук, например Иринушка, нянька в семье дяди Митрофана. Секрет чеховского успеха не только у женщин, но и у гостиничной прислуги, чиновников, издателей и финансовых тузов лежит в его деликатной сдержанности, которую он культивировал в себе вплоть до самой смерти. Обаяние Антона открывало ему двери в богатые дома, куда его влекли не столько французские гувернантки, домашние спектакли, и чай в фарфоровых чашках, сколько уважение, которое оказывалось их обитателями по отношению к чужому достоинству и частной жизни.

На интеллект Антона и его художественные вкусы благотворно повлиял таганрогский театр. Впрочем, уже не один десяток лет (открыт он был в 1827 году) школьные власти считали, что сцена лишь растлевает нравы. Гимназистам дозволялось посещать только одобренные инспектором спектакли – при условии, что это не помешает выполнению домашних заданий. Учителей посылали в театр отлавливать гимназистов, проникших в театр тайком – иные из них переодевались, закутывали головы платками и даже подкупали привратников, чтобы те пропустили их, после того как в зале погаснет свет. Запретный театральный мир неудержимо влек к себе. Благодаря богатым попечителям театр в Таганроге процветал, блистая репертуаром, итальянскими певцами и столичными актерами.

Павел Егорович, как и школьное начальство, был убежден: театр есть не что иное, как ворота в ад (похоже, он не видел и пьес своего сына). А брат его, Митрофан, был заядлым театралом.

В 1873 году, с назначением молодого инспектора Александра Воскресенского-Бриллиантова, отношение к театру в гимназии потеплело. Сам инспектор был не чужд буффонады: в школьном классе то и дело вытаскивал из кармана зеркальце, чтобы поправить роскошную рыжую бороду, а в театре щелкал каблуком орехи и громко чавкал в самых патетических местах по ходу пьесы. Сей Нарцисс продержался на своем посту лишь год, но этого было достаточно, чтобы Антон навсегда пристрастился к театру. Первым увиденным им спектаклем (билет за 15 копеек на галерке) была, по словам Вани, оперетта Оффенбаха «Прекрасная Елена». Ее героиня, мечущаяся между неудачливым Менелаем и ветреным Парисом, стала прототипом чеховских женских театральных персонажей.

В семидесятые годы таганрогский театр насчитывал в своем репертуаре 324 пьесы²¹. В основном это были французские водевили и фарсы, которые иногда переделывались для русской сцены, а также оперетты. Ставили и Шекспира: «Гамлета», «Короля Лира», «Вене-

²¹ См.: Семанова М. Театральные впечатления // Сб. материалов. Ростов, 1960. С. 157–184.

цианского купца». Увлечение «Гамлетом», равно как и его отголоски в чеховской драматургии, уходит корнями в таганрогский театр. Популярная в те времена русская драма, особенно пьесы Островского, вскрывающие мрачные стороны купеческой жизни, – «Бедность не порок», «Гроза», «Волки и овцы», «Лес» – сделали Антона искренним поклонником этого драматурга. Романтическая же драма – Гюго и Шиллер – вызывала у него лишь насмешку, а величайшие европейские оперы – Беллини, Доницетти и Верди, особенно «Риголетто», «Трубадур» и «Бал-маскарад», оставили противоречивые впечатления.

Таганрогская публика была требовательна и несдержанна. Плохого певца могли осви-стать и прогнать со сцены. Рецензенты местных газет отличались прекрасным знанием пред-мета. Гимназисты – поклонники того или иного сопрано – носили разноцветные шарфы. Театр был связан с гимназией невидимыми нитями – один из рабочих сцены предупреждал о гото-вящихся премьерах, другой помогал укрыться от школьных надзирателей. У актера А. Яко-влева сын был гимназистом, и благодаря ему Антон с друзьями (среди них был повеса Николай Соловцов, который вскоре станет режиссером) могли видаться с театральным человеком не только на сцене.

В театре устраивали симфонические концерты, но и в самом городе музыка звучала повсюду. В городском саду был собственный оркестр, и долгие годы вход туда был бесплат-ным. Впрочем, репертуар также контролировался инспектором гимназии, и учащиеся посе-щали сад только по его разрешению. Музыка – это было единственное, что могло растрогать до слез лишенного музыкальных талантов Антона. Тлетворное воздействие, которое оказывали на мальчиков театр и концертные залы, приводило в ужас Евгению Яковлевну.

Под влиянием профессионального театра в городе стали популярны и любительские спектакли. До тех пор пока от болезни у Антона не ослаб голос, он участвовал в постановках – многие запомнили его Городничего в гоголевском «Ревизоре» (Ваня играл и этом же спек-такле Хлестакова, Коля – его слугу Осипа, а Маша, стеснявшаяся обниматься на публике, – Марью Антоновну). В 1873 году Парунова сменил на посту директора осанистый и громо-гласный Эдмунд Рудольфович Рейтлингер. По жене он приходился родственником инспектору Дьяконову, и вместе с отцом Федором Покровским они составили всемогущий триумвират. За Рейтлингера с его твердым следованием официальным установкам министерство могло быть спокойно, и вместе с тем при нем в гимназии установилась терпимая и живая атмосфера – он даже устраивал совместные с женской гимназией концерты и театральные постановки. В обеих гимназиях работали одни и те же учителя. Руководил совместными развлечениями француз Буссар – его, прекрасного виолончелиста и радушного хозяина, любили и в женской, и в муж-ской гимназиях. Безвременная смерть Буссара и его могила на таганрогском кладбище нередко тревожили ночные сны Антона в его взрослые годы.

В личности Рейтлингера форма явно преобладала над содержанием (типичный для школьного директора признак популярности среди учеников), однако при всей его недалеко-сти он искренне любил своих подопечных, а Чеховым будто был послан свыше. Как и Пару-нов, Рейтлингер разглядел в Александре массу талантов и сделал ему деловое предложение. Александр переехал к Рейтлингеру, где мог спокойно заниматься, и в обмен на стол и кров стал репетировать одного из постояльцев. Учеником Александра был Александр Вишневец-кий, впоследствии (под псевдонимом Вишневецкий) снискавший себе славу как самый привле-кательный (и самый недалекий) актер на первых ролях в Московском Художественном театре. Однако вовсе не Рейтлингер, а юрист Иван Стефановский обратил внимание экзаменационной комиссии на необыкновенную литературную отделку школьных сочинений Антона Чехова, далеко не блестящих в других отношениях.

Перейдя в четвертый класс, Антон чуть было не утратил своих позиций в образованном обществе. Павел Егорович решил подстраховаться от возможных коммерческих неудач, и директор гимназии получил от Коли, Антона и Вани следующее заявление: «Желая обучаться

в ремесленном классе при Таганрогском уездном училище по ремеслам (из нас Иван переплетному делу и Николай и Антон сапожно-портняжному), имеем честь просить покорнейше Ваше высокородие сделать распоряжение о допущении нас к изучению вышеозначенных ремеслов, к сему прошению – ученик VI кл. Николай Чехов, ученик IV кл. Антон Чехов, ученик II кл. Иван Чехов».

Колю и Ваню, по всей вероятности, из училища исключили, хотя Ваня стал неплохим переплетчиком. Антон же продержался в училище два учебных года. Судя по воспоминаниям, он сшил пару модных в то время брюк дудочкой, в которых ходил Коля, а в начале 1874 года – жилетку и брюки для себя. Но с тех пор Чехов иголку с ниткой в руки никогда не брал – только по медицинской необходимости.

Летние каникулы перед учебным годом в двух школах Антон провел с матерью и всеми чеховскими отпрысками. Оставив Павла Егоровича на хозяйстве, они погрузились в телегу и, миновав еврейское кладбище, выехали из города и направились к северу, вверх по реке Миус, к роднику Криничка. Ночевали они в степи под звездным небом у поселка Самбек, где на всю округу раздавались пересвисты сусликов. На другой день, преодолев сорок верст, они добрались до Княжей, где Егор Михайлович и Ефросинья Емельяновна, холодно встретив родню (на радушный прием можно было и не надеяться), поселили их в пустующем барском доме. Пятнадцать лет спустя, наблюдая обмолачивающих зерно украинцев, Антон вспоминал, как дед заставлял его работать во время жатвы: «Я по целым дням от зари до зари должен был просиживать около паровика и записывать пуды и фунты вымолоченного зерна; свистки, шипенье и басовой, волчкообразный звук, который издается паровиком в разгар работы, скрип колес, ленивая походка волов, облака пыли, черные, потные лица полсотни человек – все это врезалось в память, как „Отче наш“».

Глава 5

Распад

1874–1876 годы

В 1874 году Павел Егорович Чехов занял денег, чтобы пополнить запас товара. В залог пошел похожий на крепость кирпичный домишко, построенный им (также в кредит) годом раньше на участке в полутора верстах от лавки. Дом предназначался для сдачи внаем, но деловая активность Таганрога пошла на убыль, и постояльцев не нашлось. К тому же подрядчик Миронов обманул Павла Егоровича, сделав стенную кладку толще обычной, – долг Миронову за пошедший в расход лишний кирпич был Чехову уже не по силам. Те же, кто обычно ссуживал Павлу Егоровичу от 200 до 1000 рублей, сами терпели нужду и предлагали банкам векселя в залог собственных долгов – времена наступали тяжелые. Торговую жизнь города перевернула с ног на голову железная дорога. Хотя вокзал был построен не в центре города – уж слишком большие взятки, вероятно, запросили строители, – но до порта рельсы все-таки дотянули. Богатые стали еще богаче, поскольку вагоны угля из степных шахт, а также пшеница и шерсть, поступавшие по железной дороге из зажиточных черноземных деревень, приносили греческим и русским торговцам немалые миллионы. (Семейство Лобода, родня Павла Егоровича по жене, разжилось на поставке из Москвы дешевой галантереи.) Мелкие торговцы, снабжавшие крестьян и извозчиков, неминуемо разорялись. Железнодорожные составы, привозившие в Таганрог пшеницу, доставляли в степные хутора и дешевый товар из Москвы. Таганрог перестал быть поставщиком галантереи, скобяного и «колониального» товара. Грузовые повозки теперь редко появлялись на улицах города.

Летом Павел Егорович отказался от аренды лавки и вместе с семьей и постояльцами, включая смекалистого Гавриила Селиванова, перебрался в новый, но уже заложенный дом. Мальчики Андрюшка и Гаврюшка остались без работы; Андрюшку вскоре забрали в армию, где через год он погиб на учениях. Павел Егорович все еще держал три лавки на рыночной площади, но, пожалуй, лишь одному ему было невдомек, что вся его торговля вот-вот прогорит. Между тем в доме прибавилось иждивенцев – к Чеховым вместе с девятилетним сыном Алексеем перебралась овдовевшая тетя Феничка. В комнатах была теснота, зато из верхних окон открывался великолепный вид на море.

В 1874 году Антон впервые занялся сочинительством – в школьном журнале появился его сатирический куплет, возможно нацеленный на инспектора Дьяконова. В памяти брата Михаила сохранилось еще одно четверостишие, нацарапанное Антоном на заборе, – это был ответ на сентиментальное стихотворное послание, написанное на том же заборе жившей по соседству девчушкой:

О, поэт заборный в юбке,
Оботри себе ты губки.
Чем стихи тебе писать,
Лучше в куколки играть.

Когда летний зной становился невыносимым, Антон спал на дворе в компании двух черных дворняг и называл себя «Иов под смоковницей». Как-то, неся с базара живую утку, всю дорогу мучил ее: «Пусть все знают, что и мы тоже кушаем уток». Другие его развлечения ничем не отличались от проказ любого городского мальчишки: он наведывался на кладбище «Карантин», где в тридцатые годы, во время эпидемии холеры, закапывали заразные трупы, и выискивал человеческие черепа, лазал по голубятням, ловил щеглов, стрелял по скворцам и, подавляя

в себе жалость, слушал по ночам крики раненых птиц. Этих измученных скворцов он запомнит на всю жизнь.

К этому времени уже расправлял крылья и готовился покинуть родительское гнездо Александр. Летом, имея в кармане лишь несколько рублей, он отправился на пароходе в Севастополь. Он любил прифрантиться и очень бывал доволен, когда его принимали за дворянина. В Феодосии, первом порту по дороге в Крым, Александр посетил копеечную купальню: «За копейку <...> мне дали простыню и лохань с водой для ног, когда я вышел из воды, точно Барину какому. Я, конечно, не упустил случая повеличаться и почваниться за копейку. Затем меня подхватили барыни, посадили в фаэтон <...> и повезли по городу...»²²

По возвращении Александр со своими аристократическими замашками снова поселился у Рейтлингера и старался держаться подальше от мещанской родни. На Пасху Павел Егорович упрекал его: «Александр, <...> я вижу, мы тебе не нужны, что мы дали волю, которою и сам можешь жить и управлять в таких молодых летах <...> Перемени свой характер <...> В самом тебе живет какой-то дух превознесения, вооружаться, Саша, на нас великий грех!»²³

Оперялись и средние братья, Николай с Антоном. В мае 1874 года Антон сдал экзамены и перешел в пятый класс. Он стал частым гостем в доме одноклассника Андрея Дросси. Его сестра, Мария, симпатизировала Антону и за коробочку монпасье ценой в 20 копеек позволила ему взглянуть на свою комнату²⁴. Семейство Дросси торговало зерном и было богато, родители же они были нестрогие. Здесь же Антон подружился с еврейским мальчиком Срулевым. Гости играли в шарady и давали домашние спектакли, а гувернантка устраивала чаепития. Антон сочинял водевили и сам играл в них, однако все свои юношеские рукописи впоследствии уничтожил. В этом же доме он впервые сыграл в пьесах Островского и Гоголя. На спектакль иногда приходил дядя Митрофан и рукоплескал племяннику. Павла Егоровича же среди зрителей никогда не видели – неприязнь между ним и семейством Дросси была взаимной. Марии навсегда запомнилась ее единственная покупка в лавке Павла Егоровича: заплатив за тетрадь три копейки, она по ошибке взяла пятикопеечную. Павел Егорович выскочил вслед за ней из лавки и молча, со злобой, вырвал тетрадь у нее из рук. Именно Мария Дросси впервые обратила внимание на то, что Чехов называл Павла Егоровича отцом, а не папой или папенькой.

Раздражительность Павла Егоровича имела причины. Весной он не смог внести платежа за вторую купеческую гильдию, был из нее исключен и низведен в простые мещане. Это влекло за собой потерю некоторых преимуществ как для него самого, так и для его сыновей – будучи мещанами, они подлежали призыву на военную службу и даже могли подвергаться телесным наказаниям. (В ту весну Антон как раз провалил экзамен по греческому языку и остался на второй год в пятом классе.)

Летом братья в последний раз провели каникулы вместе. Удили рыбу с помощью изобретенного Антоном пробкового поплавка. Тайком от Павла Егоровича брали с собой на рыбалку бутылку сантурина и прямо на берегу готовили из улова обед.

Тогда же постоялец Чеховых Гавриил Селиванов пригласил Антона погостить у одного из своих братьев, отъявленного картежника Ивана, недавно женившегося на богатой вдове. Это была первая из четырех или пяти надолго запомнившихся Антону поездок в одичавшее казачье селение – тамошние крепостные и даже скот были насмерть запуганы бесконечными барскими попойками, сопровождавшимися ружейной пальбой. Там, после купания в холодной реке, Антон так сильно заболел, что Иван Селиванов, испугавшись за жизнь мальчика, отвез его к еврейскому трактирщику Моисею Моисеичу. Трактирщик всю ночь ставил Антону горчичники и компрессы, а потом его жена еще несколько дней выхаживала больного, чтобы

²² ОР. 331 311. Письма Ал. Чехова родителям. 1874–1896.

²³ ОР. 331 81 13. Письма П. Е. Чехова Ал. П. Чехову. Письмо от 13.04.1874.

²⁴ См. ее воспоминания в: Литературное наследство. 1968. С. 538–541.

он смог добраться в повозке до дому. В Таганроге «перитонит» Антона пользовал школьный доктор Шремпф, приехавший из эстонского города Дерпта, – под его влиянием Антон решил избрать медицинское поприще. Поправившись, Антон неожиданно увлекся немецким языком – на нем велось преподавание в Дерпте – и сделал в нем заметные успехи.

Летом 1875 года Александр окончил гимназию с серебряной медалью. Несмотря на безденежье, родители решили отправить старших сыновей в Москву – Александра в университет, на факультет естественных наук, а Колю – в Училище живописи, ваяния и зодчества, куда брали учеников даже с незаконченным средним образованием, если они могли предъявить готовые работы. В царствование Александра II военные министры расширили прием на шестилетнюю военную службу – помимо крестьян, военнообязанными были признаны и представители других сословий, не сумевшие получить освобождения. Студенты же получали отсрочку от военной службы, а выпускникам армия и вовсе не грозила.

Седьмого августа, упаковав багаж с помощью дяди Митрофана, Александр и Коля сели в московский поезд. Нельзя сказать, что в столице они были обречены на одиночество – через какое-то время к ним присоединился выпускник таганрогской гимназии Гаузенбаум, а богатый родич Иван Лобода, бывавший в Москве по делу, частенько навещал их. Помимо земляков они разыскали своего двадцатичетырехлетнего двоюродного брата из Калуги, Михаила Чехова (многие произносили его фамилию Чохов). Михаил служил конторщиком в оптовой галантерейной фирме И. Гаврилова, торгового агента шотландской компании «Coats & Paisley's». Гаврилов поставлял товар многим таганрогским купцам – Лободе в особенности – и даже имел дело с Павлом Егоровичем. Михаил, который в отличие от своих кузенов не мог блеснуть ученостью, был сметливый малый – подыскал братьям жилье подешевле.

Большой и шумный город ошеломил провинциалов, особенно Колю, который был не столь вынослив и которому предстояли нелегкие испытания в училище. Александр же в день своего двадцатилетия послал домой самодовольное письмо: «Приехали счастливо. Познакомились с Мишей. В разговорах с ним на „Вы“, точь-в-точь как папа с дяденькой. Чувствую, что с ним мы будем жить ладно. <...> Гостиница дрянь великая. Стол в манере танцующий и прихрамывающий на одну ногу. Самовар на нем точно пьяный. <...> Его благородию Антону Павловичу, как старшему из детей в доме, поклонитесь. <...> Если б [Ваня] знал, какие в Москве плюшки! Впрочем, не говорите ему, а то, пожалуй, соблазнится. <...> Николай плюет по углам и под стол. В дороге он все крестился. Даже надоел. Мы с ним за это ссоримся. <...> Миша очень любезен. Квартыры еще не нашли. Вышлите при оказии: скрипку, башлык, калоши мои и ручку для письма...»²⁵

В тот же день Коля в письме домой объяснял, почему он то и дело крестил лоб: «Дорога пошла труская к Курску, в одном месте чуть не столкнулся наш поезд с товарным, если бы только не круг, загораживающий дорогу, не был на пути. Да все пассажиры очень перепугались тогда. <...> Напившись чаю, пошли искать братца Мишеньку. Он перемещен в другой магазин (амбар по-ихнему). Там мы его спросили, и он к нам явился. Франт такой, совершенно неузнаваем по карточке. <...> Здравствуйте, как ваше здоровье, спрашивает он, не зная еще нас, слава Богу, отвечаем мы, ну что же, не узнаете нас? Да, но судя по рассказу И. И. Лободы, если не ошибаюсь, мы ваши братья, перебил Саша, и мы, расцеловавшись, заключили знакомство»²⁶.

Двумя днями позже братья переехали в первую (и далеко не последнюю) квартиру под названием «Меблированные комнаты над кухмистерской „Смирна“», в двух минутах ходьбы от училища и в двадцати – от университета. Московские домовладельцы студентов недолюбливали, но братья пустили в ход обаяние, и небезуспешно. По словам Коли, хозяйка «в условия»

²⁵ ОР. 331 311. Письма Ал. Чехова П. Е. Чехову. Письмо от 10.08.1875.

²⁶ ОР. 331 82 14. Письма Н. Чехова родителям, 1875–1889.

сказала: «Ради Бога, чтобы скандалов не было, играйте, пойте, танцуйте, но только я боюсь скандалов. Конечно, вы молодые люди, и я не имею права запрещать вам ни в чем».

Александр в университет уже был зачислен, а у Коли в училище возникли недоразумения, так что он даже «заболел от мнений». Тринадцатого августа Александр, разделявший отцовское пристрастие к бухгалтерии, заговорил в своем письме о денежных проблемах: «Определение меня в университет стоило мне 1 руб. <...> Экзамен [Коля], положим, выдержит, но платы всей он взнести не может. Плату 30 руб. серебром нужно вносить 19 августа. <...> Квартира в месяц 5,33, стол 6,50, хлеб к чаю 1,50, стирка 1, освещение 1, итого 15 руб. Без этих денег ему жить никак нельзя. <...> Коля об этом письме не знает. Он окончательно осовел и только все крестится да прикладывает икону ко лбу, уж я думаю, шишку набил. Говоря между нами, он порядочная тряпка».

Спустя четыре дня Александр продолжал жаловаться: «Колина помада, будь она проклята. Он тщательно умачал ею голову и чесался обеими гребешками, так что через это я страшно замаслил себе голову». Однако Павла Егоровича прически сыновей не интересовали. Он решил вовлечь Александра в покупку оптовой партии товара для отправки в Таганрог. Александр был против и, разделяя мнение опытного в коммерции кузена Михаила, объяснял отцу причины: «Во-первых: когда Лобода узнает об этом, то он в Таганрог пустит товар дешевле Вашего, он не даст Вам ходу. Во-вторых, в Москве можно купить товар сходно только за деньги. <...> В-третьих, покупать товар в кредит, как Вы хотите, то Вам придется купить из третьих-четвертых рук, значит, дороже. В-четвертых, прежде чем отпустить Вам товар, Москва спросит у Лободы, что Вы за человек, а Лобода, конечно, скажет на свою руку. В-пятых, Лобода специалист и уже собаку съел на мануфактурной торговле, а Вам еще надо учиться. В-шестых, у Лободы уже место насиженное и покупатели есть. В-седьмых, Лобода своими ценами Вас совсем задавит. В-восьмых, Вы с ним неизбежно поссоритесь, значит, как ни верти, а все выходит пас. Теперь посудите положение Миши. <...> Миша должен свои деньги платить, да и репутацию потеряет, и хозяин косо посмотрит. <...> Уж как-нибудь тяните на бакалейной, а на красной торговле Вам совсем не повезет».

Впервые отец и сын поменялись ролями: Павел Егорович, похоже, терял власть над обретавшими независимость сыновьями. Как серебряный медалист, Александр всегда мог найти в Москве частные уроки. Взаимные поучения, конечно, могли лишь ухудшить отношения между ними, хотя Александр сочувствовал отцу, с которым непорядочно обошлись таганрогские купцы: «Через какую-нибудь сволочь, которая только своей рожей занимается, и Вам и мне так страдать приходится... от мыслей я стал уже кровью плевать».

Колю денежные проблемы связали по рукам и ногам: он собрался переехать в Петербург, где в Академии художеств платы за учение не брали, но денег на дорогу у него не было. Павел Егорович, уступив многочисленным мольбам, обратился за помощью к Любви Алфераки, жене одного из самых богатых таганрогских купцов. Он просил ее ссудить денег на определение Коли в Академию и «дать ему такое образование по художеству, которым многие уже Вами осчастливлены», мотивируя свою просьбу тем, что в течение 12 лет он с сыном пел в придворной церкви, когда они «произносили молитвы ко всевышнему Богу с большим усердием».

Но Алфераки в помощи отказали. Коля чувствовал себя брошенным на произвол судьбы и ужасался от мысли, что ему вместе с Михаилом Чеховым придется прозябать в амбаре у Гаврилова. Александра уязвило безразличие родителей. В ответ на просьбы о помощи братья получали лишь упреки. Евгения Яковлевна подозревала, что Александр обижает Николая, Павел Егорович твердил, что надо почаще бывать в церкви. Александр взывал к ним: «Да еще ради Бога прошу Вас, пишите потеплее, по душе, а то у Вас, папаша, только одни наставления, которые мы с детства зазубрили, выходят».

Евгению Яковлевну расстроило сообщение Александра: «Я был в костеле. Музыка чудесная». В ответ она пишет: «Саша, ты правду молись Богу, а нечего по костелам ходить». На

именины она послала сыну два рубля и излила на него поток жалоб, умоляя выпросить для нее у железнодорожного магната Полякова бесплатный билет, чтобы приехать в Москву и помочь Коле устроить его дела. Положение в Таганроге тоже было близко к отчаянному – требовались деньги, чтобы платить за обучение в гимназии Маши, Антона и Вани, но денег не было. После отъезда в Москву старших сыновей Чеховы взяли постоялицей племянницу Селиванова, Сашу. Антон в это время был в деревне и, недомогая, ничего домой не писал. Евгения Яковлевна плакалась Александру: «Коля, должно быть, болен, сердце мое слышит. Мы пустили квартирантов во флигель, а сами как сельди в бочке, я пропадаю от беготни из комнаты в кухню теперь, и, чай, им здесь в комнатах очень тесно...»

Младшие же братья Чеховы наслаждались летними каникулами. Шестнадцатого августа Ваня пишет Александру и Коле: «Было хорошо кататься верхом на лошади. Вчера мама была именинница и просидел в лавке целый день, а позавчера, 14 числа, был обед у дяди Митрофана, где обедали братики и сестрицы и было очень много священников. <...> Я получил первое от вас письмо и понес им там, особенно заняло Камбуровых, когда прочитали, что Коля на каждом шагу крестится. Я здоров, Антон не очень здоров. Остаюсь жив брат Иван Чехов».

В сентябре братья перебрались на новую квартиру – столь скверную, что Александр ее иначе как клоакой и не называл. Старший брат решил отправить Колю на Рождество в Таганрог, сам же туда не собирался: «А мне незачем ехать в Таганрог, он мне опротивел».

В конце концов старшие братья Чеховы сделали то, от чего их все время отговаривала мать: обратились за помощью к еврею. Коля в письме описал визит к Рубинштейну, родственнику знаменитого композитора, известному своим покровительством провинциальным студентам: «Я уж знаю почти пол-Москвы. Был у Рубинштейна. Это маленький жидочка, ростом почти с Мишу нашего, принял меня довольно сухо, по-русски он почти не умел говорить, и потому я говорил через переводчика жида». Коля просил найти ему частных учеников. Рубинштейн обещал помочь. Коля подробно объясняет матери, что у приезжего в Москве одни лишь расходы и никакой возможности найти заработок. (Колины краски все еще хранились у Антона в Таганроге.) Он жаловался: «У меня нет знакомых. Сажу один дома, шляться по Москве уже надоело...» Наконец, 4 сентября он сдал экзамен по математике, был зачислен в училище и начал рисовать. И хотя на завтрак он мог себе позволить съесть лишь полбулки и у него протекали сапоги, его уныние сменилось ликованием. Иван Лобода привез ему из Таганрога скрипку. Коля успокаивает мать словами, которые, наверное, вызвали зависть у брата Антона: «Я знаю и убежден, что теперь только начинается наша жизнь, жизнь вне родительского дома, самостоятельная! А в самостоятельной жизни нужно держать ухо востро и смотреть во все глаза, потому что имеешь дело не с мальчиками, а с людьми пожилыми, а потому с практичными <...> Сегодня я обедал: борщ и яичница, вчера борщ и котлеты отбивные...»

Колина эйфория продлилась всю осень. Среди однокурсников он нашел себе учеников, преподавал им каллиграфию и рисование. При этом, посещая занятия по живописи и архитектуре, он должен был завершить среднее образование. Антон прислал ему свой томик Овидия со словарем. Среди студентов Коля прослыл «художником» и позволял себе наведываться в питейные заведения. Между тем деньги, присланные братьям из дома, быстро иссякли. Александр за стол и квартиру устроился в частный пансион, хозяевами которого были датчане Брукер и Тренинг, и в университет ходил лишь по вторникам. Колины причуды выводили его из себя – работал брат от случая к случаю, мылся крайне редко и иногда даже мочился в постель. В октябре Александр жаловался в письме Антону:

«Пишу на одре полуспящ, ибо уже два часа. Николай давно храпит после целодневного „некогда“. Умаялся бедняга. Навонял мне полную комнату. Странно он спит. Укрывается так, что голова и спина с принадлежащею к ней частью закрыты, а ноги на целый аршин открыты. Беда мне с ним, шляется по вечерам босиком, ходит без чулок, в сапогах у него грязь <...> ноги грязные. В субботу был в бане, а в воскресенье ноги, как у эфиопа. <...> Наводнения

у нас почти еженощные, а днем вся гниль сушится у меня в комнате. Клянусь тебе Богом, что мне через его жопу откажут от места. <...> Мамаша все боится, чтобы я его не обижал, а сама обижает, не хлопоча о приобретении пальто для него, а папаша чудеса устраивает, пишет, чтобы мы заняли у кого-нибудь денег».

Хотя ученики платили Бруккеру 700 рублей в год, пансион обанкротился, и Александр лишился не только жалованья, но и пропитания. Ноябрь выдался холодным, но в здании перестали топить, среди учеников начались простуды, и родители разобрали детей по домам. Тренинг, компаньон Бруккера, покинул заведение вместе с Александром. Некий князь Воронцов, несмотря на порочащее письмо от жены Бруккера, предложил Александру за стол и квартиру заниматься со своим сыном. Коля же снова погряз в нищете и жалобно писал родителям: «Саша выехал, а я шлялся весь день по городу, искал квартиру и вечером пришел голодный, с утра ничего не евший, домой, спросил поесть, мне сказали „ничего“. Саша уже у Воронцова, а я сижу в комнатке, а в доме революция, якобы Саша отбил всех учеников, которых взяли за неисправности родители. Там, за стеной моей комнаты, Бруккер бушует, а я сижу, думаю, вот-вот скажет „убирайтесь“».

В декабре 10 рублей заплатить за жилье Коле дал Лобода, но положение его продолжало оставаться отчаянным: «Если вы пришлете только рубль, так я с 8-го буду ночевать в 28 градусов мороза под Сухаревкой и умру с голода, если мне никто не займет». В Таганроге же дела совсем пошли под гору. Евгения Яковлевна писала Александру, что больше не в состоянии тянуть семью, а о том, чтобы помочь в Москве братьям, и речи быть не могло: «Антоша и Ванька целую неделю сидели дома, плату требуют, а у нас нет денег. Вчера, 9 октября, ходил Павел Егорович, просил директора Ваню уволить <?>, а Антоша и теперь дома, за него надо платить и за Машу всего 42 рубля. Вот и не горюй! А я так стала слаба от заботы, что едва хожу, если бы здоровье, хоть бы заработала что-нибудь <...> Вчера весь день лежала <...> Просила у Селиванова 30 руб. на три года по 10 руб. выплачивать. Он не дал <...> Я как маленькая в бреду, что нам делать с Колей, ему не надо на ночь чаю пить. Смотри, пожалуйста, за его бельем, чтобы он не бросал да не сгнил. Я даже плачу, что до сих пор вам денег не посылали. <...> Папаша не от скупости вам не посылает, а сам Бог видит, что у него нет. В этом месяце надо проценты в банк за дом 50 руб. <...> Ваню опять выслали из гимназии, Дьяконов прямо прогнал, Покровский за нас заступался, а Дьяконов и слышать не хотел, вот и не горюй, а денег нет».

Декабрь в том году в Таганроге выдался суровый – Евгения Яковлевна обморозила руки. В своих письмах она неустанно благодарит Лободу за то, что тот не бросает в беде ее сыновей и даже дал ей денег, чтобы Коля смог на Рождество приехать домой. Однако железнодорожные пути занесло снегом, и Коля на несколько дней застрял на Матвеевском кургане, в 60 верстах от города. Ему на выручку послали Антона с извозчиком и шубами. Коля пробыл в Таганроге до февраля – к тому времени движение поездов возобновилось, и он раздобыл у знакомых денег на обратный билет.

В новогодние праздники Коля времени даром не терял – навещал дам своего сердца. Мешая сразу несколько языков, он заверял Александра в том, что Мария Файст, его суженая, по-прежнему любит его: «Quand je disais que tu пополняешь снова, elle disait toujours: „Молодец!“ <...> Не знаю, как мне придется выехать отсюда; Vater отказывается присылать деньги. Я сказал, что если к 15-му не отправят, то украду да приеду. Vater envoie pour moi de tabac, déjà 2 fois. Ваня – отродие такое, что нет никому покоя»²⁷.

²⁷ ОР. 331 33 12а. Это письмо (от 2 января 1876 г.) вложено в письма Е. Я. Чеховой Александру и Николаю. – Когда я говорил, что ты [пополняешь снова], она всякий раз говорила [«Молодец»] (*фр.*) Отец (*нем.*) [отказывается присылать деньги]. Отец посылал мне табак уже два раза (*фр.*).

Антон тоже сообщал Александру о Марии Файст – на ломаном немецком. Третьего марта он написал свое первое дошедшее до нас письмо: «Ich war gestern im Hause Alferakis auf einen Konzert, und sah dort deine Marie Faist und ihre Schwester Luise. Ich habe eine открытие gemacht: Luise ревнует dich к Marie und наоборот. Sie fragten mich von dir, поодиночке, наперерыв. А was isi das? Du bist ein...»²⁸

Евгения Яковлевна и Павел Егорович всеми силами пытались вытрясти из должников каждую копейку. Задолжала за постой Саша Селиванова, однако приехал дядя и забрал ее к себе – платить за нее было некому. На отопление дома уходил рубль в день – и это оказалось Чеховым не под силу: жильцы собирались погреться на кухне. В такой обстановке Антон как-то ухитрился получить «пятерки» по Закону Божьему и немецкому языку. Когда Коля наконец собрался уезжать, младшие братья кричали: «Берите и нас туда!» Однако на этот раз в Москву поехали не они.

На Пасху, в апреле, состоялся семейный совет: из Крепкой, оставив дома ослепшую жену, в Таганрог приехал Егор Михайлович. Прочитав письма внуков, он согласился с тем, что Павлу Егоровичу стоит поехать в Москву попытать счастья. Другого выхода для семьи не видел и Лобода – у всех векселей уже выходили сроки. В России долговые тюрьмы существовали вплоть до 1879 года, и, несмотря на то что Павел Егорович служил ратманом в таганрогской полиции, он вполне мог угодить в эту «яму». Евгения Яковлевна сказала свекру, что денег нет даже на билет до Москвы. К ее изумлению, как писала она потом Александру, «он нас пожалел и дал на проезд денег <...> хоть бы вы за нас его поблагодарили в этот раз, он нам так помог, что я его не умела поблагодарить за все благодеяния, он стар, а трудится для всех детей понемногу, ради Бога, напишите ему и поблагодарите, тогда Коле дал 10 рублей...» Положение сыновей привело Егора Михайловича в смятение: в Калуге умер Михаил, в Таганроге Митрофан едва сводил концы с концами, а Павел был готов податься хоть на край света от позора.

Начали разрабатывать план внезапного побега. Лобода отказался выкупить оставшийся товар – Чеховым пришлось припрятать его в конюшне. Евгению Яковлевну попеременно охватывало то отчаяние, то безотчетная надежда. Вот что она писала 8 апреля Александру и Коле: «Я так тоскую <...> обессилела, вы меня теперь не узнаете, кто встретится, тот удивится, что я так разом постарела, да, вот еще что: нельзя ли Папаше или нам найти в Москве маленькую лавочку на хорошем месте...»²⁹

Евгении Яковлевне удалось собрать для Коли 11 рублей, которые он задолжал училищу, и вместе с пасхальным куличом и яйцами она отправила деньги в Москву со знакомым купцом. Между тем она начала собирать в дорогу и Павла Егоровича. Лавки на рынке заперли, ключи доверили младшему брату Ивана Лободы – Онуфрию. Тогда же подошел срок уплаты ссуды в 500 рублей, взятой Павлом Егоровичем в Обществе взаимного кредита для постройки дома. Поручитель Чехова, купец по фамилии Костенко, выплатил долг и предъявил встречный иск Павлу Егоровичу. Подрядчик Миронов пытался в это же время получить с него долг в 1000 рублей.

Двадцать третьего апреля, чуть забрезжило, Павел Егорович, дабы избежать кредиторов на вокзале, покинул Таганрог в запряженной лошадью повозке. Доехав до первого степного полустанка, он пересел на московский поезд. В два часа дня 25 апреля он был уже в Москве. В Таганроге вся тяжесть борьбы за выживание семьи легла на плечи Антона.

²⁸ Вчера я был в доме Алфераки на концерте и видел там твою Марию Файст и сестру ее Луизу. Я ненароком совершил [открытие]: Луиза [ревнует] тебя к Мари и [наоборот]. Она спрашивает меня о тебе [поодиночке, наперерыв]. А что бы это значило? Ты просто... (нем.)

²⁹ ОР. 331 33 12а. Письмо Е. Я. Чеховой сыновьям Александру и Николаю.

Глава 6

Великая нужда

1876 год

В последующие три года, с 1876-го по 1879-й, на долю Антона Чехова выпали тяжелые испытания. Большая часть его писем в Москву отцу и братьям не сохранилась, но их письма к нему, а также письма матери и дяди Митрофана ярко свидетельствуют о преследовавших семью нескончаемых лишениях.

В шестнадцать лет Антону пришлось стать главой семьи. Отныне только он улаживал дела с кредиторами и должниками, пытался удержать связи с внезапно охладевшими родственниками и друзьями, утешить страдающую мать и подбодрить впавших в отчаяние братьев и сестру. Друг семьи Гавриил Селиванов проявил себя расчетливым дельцом – мрачный комизм «Вишневого сада» с его торгами, обращением Лопухина из друзей в хищного стяжателя и разрушением семьи берет свое начало в таганрогском отрочестве Антона. Преодолевая невзгоды, Антон воспитывал в себе силу воли и стойкость характера.

Удивительно, что, задавленный долгами, Антон стал лучше учиться. Не ослабевал и его интерес к театру и музыке. Тогда же проявилось новое увлечение – он стал посещать танцевальный класс учителя Вронди³⁰.

В это же время Антон начал выпускать рукописный школьный журнал «Заика». Александру, которому брат послал несколько выпусков, эта затея понравилась – он даже показал журналы Михаилу Чохову, и все в гавриловском амбаре, включая самого хозяина, нашли «Заику» очень забавной. В 1876 году для Антона открылось новое окно в мир – Таганрогская публичная библиотека. Школьные власти с неохотой позволяли учащимся пользоваться ею: куда надежней была школьная библиотека со специально подобранными книгами, которая отсекала доступ к «либеральным» или «подстрекательским» изданиям вроде сатирических еженедельников или серьезных ежемесячных журналов – излюбленного чтения русской интеллигенции. (В гимназии лишь отец Федор Покровский выписывал такие «подрывные» издания, как «Отечественные записки».) Антон стал посещать библиотеку начиная с 1877 года; иногда ему приходилось забирать двухрублевый залог, чтобы купить еды.

Московские и петербургские сатирические еженедельники будоражили умы таганрогской молодежи. Рассчитанные на новые интеллигентские круги обеих столиц – на независимых в суждениях студентов и разночинцев, эти издания не щадили известных общественных лиц и высмеивали устоявшиеся взгляды. Они поощряли участие читателей – присланные ими фельетоны, карикатуры и полемические статьи публиковались с выплатой гонорара. Антон начал пересылать сочиненные им смешные истории Александру – на редактуру и для публикации через его университетских знакомых.

Первые московские письма Павла Егоровича полны энтузиазма – даже теперь, без копейки в кармане и в полной зависимости от сыновей, он был не в состоянии оценить трагикомизм своего положения. Едва приехав в Москву, он снова принялся поучать: «Милые и родные наши Евочка, Антоша, Ваня, Маша и Миша. Вчера я приехал в Москву в 2 часа пополудни благополучно. Встретил меня Коля на вокзале, с которым мы сели на извозчика и приехали на Квартиру, где ожидал нас Саша. Они были весьма рады моему приезду. Поговоривши с ними, мы пошли по Москве, а потом зашли в Кухмистерскую пообедать хорошенько. Три обеда стоили 60 коп. И 1 бутылка Квасу 7 коп. Видел я училище, где Коля учится, Универ-

³⁰ В конце своей жизни Вронди вспоминает, что Антон был способным и самым любимым его учеником. После занятий они, бывало, играли в лото.

ситет, Почтамт, Телеграф <...> „Спас на Бору“. Когда мы взошли туда помолиться, нам показали мощи Святейшие Стефана Пермского <...> Квартира удобная на троих, хозяйка добрая, только меня удивило, что они своей комнаты никогда не запирают, когда уходят, говорят, так надо, а между прочим, прислуга убирает наемная, может что-нибудь взять, дай Бог, чтоб было благополучно. <...> Москва не похожа на наш Таганрог, вечно шумит, народ кипит, народ живет жизнью, какою должно жить, во всем порядок, и всякий знает свое дело <...> Прошу вас, дети <...> слушать Мамашу, не огорчать ее, не спорьтесь между собою, занимайтесь уроками хорошенько. Ваня, смотри, старайся. Экзамены приближаются. Прощайте, мои дорогие. Я всегда с Вами. П. Чехов»³¹.

Павел Егорович с сыновьями поселились втроем в комнате дома, принадлежавшего Каролине Шварцкопф и ее родне, Полеваевым. Дом находился в районе Грачевка, о котором шла дурная слава – в народе его прозвали «Драчевкой». Сестры Полеваевы прослыли дамами весьма вольного поведения, и позже Мария Чехова обвинила их в том, что они скверно повлияли на Александра и Колю.

Однако Павел Егорович еще был далек от подобных подозрений – его целиком поглотили паломничества по святым местам. Он дневал и ночевал в Троице-Сергиевской лавре и писал наставления Евгении Яковлевне. С поисками работы он не спешил – Коля, как сообщал он жене, рисовал в музее копии с картин, и какой-то магазин уже предложил ему за одну работу 25 рублей. Антону Павел Егорович велел припрятать от кредиторов мебель и не подпускать к дому судебных приставов. Деньги от продажи мебели должны были пойти на оплату билетов в Москву для всей семьи. Дабы отвести от себя кредиторов, Павел Егорович переписал оставшийся товар на Феничку. Шестого мая самодовольный отец семейства писал в Таганрог детям:

«Милые дети <...> Если будете жить хорошо, я вас возьму в Москву. Тут есть много учебных Заведений, Гимназий <...> А пока все это устроится, вы молчите, никому не разглашайте, старайтесь издать экзамены получше и получить Аттестат, может быть, вы уже последний год в Таганрогской гимназии учитесь. Повторяю, никому ничего не говорите об этом. Спасибо, Антоша, за письмо и за то, что ты хозяйничаешь в доме и ходишь за долгами <...> Ваня, <...> дожди пошли, и я очень рад и что ты поставил бочку под трубу <...> Миша хороший мальчик, он постарается мне написать, как он учится. <...> А также и Маша, вероятно, не забыла, что я ей приказывал, когда я уезжал в Москву, чтобы она училась хорошо в Гимназии и по три раза в день играла в фортепьяно, по моей методе, не спеша, смотреть в ноты и ни одну не пропускать. Если она будет хорошо играть, тогда я переведу Вас в Москву и куплю хороший фортепиан и нот, тогда вполне будет она Артистка играть на Форуме».

Однако спустя неделю в письме к жене Павел Егорович был уже не столь оптимистичен насчет счастливого избавления от напастей – он не питал доверия ни к кредиторам, ни к «доброжелателям». Тем не менее он был уверен, что дом еще можно продать за сумму, превышающую его долги. В тот же самый день, выпавший на праздник Вознесения, Евгения Яковлевна пытается спустить Павла Егоровича с небес на землю:

«Милый мой Павел Егорович, письмо твое мы получили, в котором ты пишешь, чтобы мы продавали дом, я давно желала продать, только бы разделаться с долгами, да покупателей нет <...> Вот я придумала, говорю, иди, Антоша, к Точиловскому, он дает деньги под залог <...> Точиловский как крикнет, что на этом болоте Боже меня сохрани, нет, не надо, я не хочу с Таганрогом иметь дело, с тем Антоша и пришел домой, а теперь не знаю, к кому обратиться <...> Вчера, 13 числа, сидим мы чай пьем, слышим звонок, отворили дверь, является Грохольский с бумагами, первый был вопрос: дома Павел Егорыч, мы говорим нет <...> Я спросила Грохольского, он не будет беспокоить Павла Егорыча в Москве, а он говорит, так вы предупредите вашего мужа, я вот что советую тебе сделать, дорогой мой, ты напиши <...> открытое

³¹ ОР. 331 81 11. Письма П. Е. Чехова к жене и детям. 1876–1890.

письмо нам всем, что ты выезжаешь в Тамбов <...> или куда хочешь <...> говорят, потребуют от нас письмо твое, точно ли тебя нет и где находишься <...> Меня тоска и забота одолела, а тут смотрим старая нянька в среду под Вознесенье, нарошно, говорит, приехала проводить вас <...> Я собралась с духом и сказала ей: няня, я теперь не могу тебя оставить, у меня кухарки нет, я одна <...> Помоги тебе Господи, да бери нас скорей, а то так можно скоро с ума сойти, Саша уже записан на листе, что в военную повинность что ли, не знаю, как сказать, на заборах прилеплено <...> Я надеялась, что дом заложим <...> а теперь ума не приложу, что делать. Скорей отвечай. Е. Чехова»³².

Приезжающим в Москву на жительство надлежало зарегистрироваться в полиции. По счастью, Полеваевы не были законопослушны и бумаг от Павла Егоровича не требовали. Ареста ему удалось избежать, а вот помочь семье он, увы, ничем не мог. Антон, в сущности, еще мальчишка, был не в состоянии расправиться с должниками или отбиться от кредиторов, даже при том, что иные из них, например Грохольский, были родителями его школьных друзей. Да и Миронов с Костенко, которым был заложен дом, желали получить причитающиеся деньги. У Павла Егоровича еще оставались какие-то надежды на помощь церковного Братства, но и с ними пришлось распрощаться. Девятого июня он жаловался жене: «Насчет наших пакостных дел, уже и охота отпала про них даже толковать. Я в письме писал, что 300 руб. квитанций Костенку отдать в счет уплаты <...> Миронов во всем повредил, протестовал не по-христиански, а так и лихой Татарин не сделает <...> Насчет того, Евочка, что ты хочешь Ризы с Икон закладывать, как можно, неужели вы пришли в такую крайность, что кроме того нельзя обойтись...»³³

Павел Егорович совсем растерялся оттого, что навлек на свою семью большие тяготы, и ему лишь оставалось нахваливать жену и сына за стойкость в суровых испытаниях. Не оставляло его и чувство, что он предан близкими ему людьми. Гавриил Селиванов когда-то говорил Евгении Яковлевне: «Для вас, мамаша, я все сделаю». Он вернул к ним постоялицей свою племянницу Сашу (она жила в одной комнате с Машей). Селиванов был прекрасно осведомлен о том, что происходит в коммерческих судах, и дождался подходящего момента. До того как дом Чеховых был выставлен на торги, он заключил сделку с Мироновым, Костенко и судебными исполнителями. Он внес за дом всего лишь 500 рублей и пообещал Костенко, что деньги от продажи мебели пойдут на уплату процентов по долгу Павла Егоровича. По воспоминаниям Маши, в июле Селиванов объявил Евгении Яковлевне: «Я оплатил вексель, и, простите, мамаша, теперь это мой дом». Однако из письма матери Антону от 12 марта 1877 года можно понять, что это было не предательство, а одолжение, о котором просил Селиванова Антон, чтобы защитить семью от более хищных кредиторов.

На протяжении следующих полутора лет Селиванов не раз предлагал Чеховым выкупить дом за ту сумму, которую заплатил сам, – выгадывая таким образом для них 500 рублей. Но и ему в конце концов надоело урезонивать недальновидных домохозяев. Он отремонтировал дом и даже подумывал поселиться в нем, обзаведясь семьей. Чеховы все еще лелеяли надежду, что Селиванов – лишь номинальный покупатель их недвижимости и что таков был его план спасения дома. В октябре (к тому времени в Таганроге оставались лишь Антон с Ваней) у Павла Егоровича на счет Селиванова еще не было никаких сомнений – он вел с ним переписку и даже поручил по доверенности сдать дом внаем³⁴.

Чеховы не могли считать себя обманутыми – они так и не собрали 500 рублей, которые просил за дом Селиванов. Коля и Антон всегда следовали его советам и доверяли ему, как дяде Митрофану. Добрые отношения между Чеховыми и Селивановыми никогда не прерывались,

³² ОР. 331 33 125. Письма Е. Я. Чеховой П. Е. Чехову. 1876–1890.

³³ ОР. 331 8112. Письма П. Е. Чехова Е. Я. Чеховой. 1876, 1889, 1891 гг.

³⁴ ОР. 331 81 38. Письма П. Е. Чехова Г. П. Селиванову.

а дружеская переписка с племянницей Сашей и прочей селивановской родней лишний раз доказывает, что Гавриил был расчетливым дельцом, но отнюдь не жуликом.

Куда больше огорчало Чеховых то, что брат Митрофан в минуту невзгоды смог предложить им лишь сдержанное сочувствие. Письма его были полны велеречивых проповедей (Александр называл Митрофана с женою «святыми отцами») – по мнению Митрофана, все выпавшие на долю Чеховых испытания были от Бога³⁵. Когда Павел Егорович попросил у него денег, Митрофан стал жаловаться на собственную бедность, хотя долгов у него не было, и все, что он смог сделать для семьи брата, – это подкармливать Антона, принять на хранение ценности Евгении Яковлевны и послать Павлу Егоровичу в Москву три рубля. Братская любовь посланных Богом испытаний не выдержала. В сентябре Александр докладывал Антону: «Прежде он не позволял никому сказать что-либо худое о своем брате с его супружницей, а теперь не пропускает случая пакостить им, чего, впрочем, они вполне достойны. Раз даже он дошел до того, что, говоря про них, сказал: „Книжники, сукины дети“. <...> Селиванов, по моему мнению, тысячу раз прав, подстрекая мать против святых отцов».

Третьего июня, повидавшись с отцом, Митрофан Егорович писал брату: «За ваши обстоятельства папинька и все мы весьма скорбим. Евгению Яковлевну видим мы в большом горе; она схудала, а также Антон схудал. Только нам неизвестно, как вы живете в Москве, что делаете, чем питаетесь. Посещение Божие великое постигло вас <...> Евгения Яковлевна сегодня с удовольствием выпила у нас, выпроваживая папиньку, рюмку хорошего вина, сказавши: с горя, а мы сказали: перед радостью. Мионов желает вам спасения, но вы молитесь за него».

Павел Егорович в спор с братом на эти темы не вступал, однако Антону за малодушие досталось: «Антоша! Мне передают, что будто ты и Мамаша исхудали. Это отчего так, сам же ты пишешь мне: Папаша, мужайтесь и крепитесь, бодрствуйте и молитесь. Ну я так и делаю. Значит, и ты такой же трус и малодушен, как твой старший Брат, он куда какой храбрый, готов хоть куда, а как придется что-нибудь серьезное делать, то он и назад пятится. Антоша, береги Мамашу, если что случится, ты будешь отвечать. Ей можно бы к нам ехать, может, вы соберете хоть 100 руб. ей на дорогу. Оно и здесь не сахар жить, и узнал, все Москва ловко чистит нашего брата».

Павел Егорович, считая собственную жизнь великим жертвоприношением, наставлял Антона: «Мы для вас пожертвовали всем своим состоянием, здоровьем, не имеем ни одного дня покойного во всю жизнь, заботились, трудились, все переносили, терпели, хлопотали, как бы вас получше образовать, сделать умными, чтобы впоследствии вам легче нашего было жить». Другим же детям посылались поручения вымыть бочки в погребе или разузнать о последних слушавшихся в таганрогском суде делах проворовавшихся купцов, а также упрёки за плохие школьные отметки. К тому времени Павел Егорович с сыновьями переехали из тринадцатирублевой комнаты в семирублевую, в том же доме. На каникулы Александр и Коля вместе с Полеваевой уехали в деревню, оставив Павла Егоровича одного в городе. Он делился недовольством с Антоном: «Мы здесь не знаем вкус говядины, ни картошки, ни рыбы, ни уксусу. <...> Скажи Мамаше, пусть она никого не пускает в Дом и не показывается должникам, сказать, что Дома нет или нездорова, принять не может <...> Продавайте мебель, Зеркала и кровати, собирайте деньги и отправляйте Мамашу в Москву».

Антону было досадно, что его оставили в Таганроге добывать пропитание не только для себя, но и для других членов обедневшего семейства. Павел Егорович не принимал его жалоб:

³⁵ Митрофан следовал поучениям своего «духовного наставника», протоиерея Василия Бандакова, чьи «Краткие простонародные учения» широко использовались не желавшими утруждать себя священниками. Одна из проповедей Бандакова имеет подзаголовок, указывающий на то, что была написана в доме Чеховых. В 1890 году по просьбе Митрофана Антон написал ему некролог: «Проповедовал он при всяком удобном случае, не стесняясь ни временем, ни местом. <...> Неурожаи повальные, болезни, солдатский набор, открытие нового клуба – ничто не ускользало от его внимания <...> Как проповедник, он был страстен, смел и часто резок, но всегда справедлив и нелюбим».

«Антоша <...> я удивляюсь, отчего вам так хочется ехать в Москву <...> тебя в одну ночь клопы съедят, я таких огромных насекомых в жизни не видывал. Хуже таганрогских кредиторов, прямо рукою сгребая ночью с подушки. Ты пишешь, что если я найду или не найду места, все равно надо ехать, а не рассчитывать, что в Москве без денег жить невозможно. <...> Я без дела положительно с ума схожу, от безделия ослабел, еще в жизни не испытывал такого мучительного положения <...> Мамаша пишет, что ее не выпустят из Таганрога, а что она кому должна. Я удивляюсь такому мнению».

С особым нетерпением приезда в Москву матери с Машей и Мишей дожидался Коля. Как и отец, он считал, что Антону и Ване следует остаться в Таганроге. Он также сходил к Павлу Егоровичем в том, что тому не стоит соглашаться на работу меньше чем за 50 рублей в месяц. Однако едва ли кто в Москве взял бы на работу немолодого разорившегося купца даже за половину этой суммы. Гаврилов, хозяин Михаила Чехова, Павлу Егоровичу отказал сразу: «Зачем вы сюда приехали?» Кроме того, Павел Егорович, как несостоятельный должник, не имел права на жительство в Москве, и любой кредитор мог потребовать его выдачи таганрогским властям. Александр и Коля не раз наблюдали, как беглых должников препровождали под конвоем на вокзал. Они убеждали отца посмотреть правде в глаза: поехав в Таганрог, объявить себя банкротом и вернуться в Москву открыто, с паспортом. О том же толковал и его таганрогский знакомец, письмоводитель Анисим Петров – впрочем, в семье Чеховых его считали филером. Коля просил Антона выяснить у Селиванова, не предпринимают ли власти Таганрога действий по поимке Павла Егоровича. К Колину полному беспокойства письму от 9 июня Павел Егорович сердито приписал: «Что меня искать, когда с меня нечего взять, пустой я остался, да и слава Богу».

В середине июня Павлу Егоровичу повезло: он купил за 115 рублей 90 фунтов чая и, развесив его в магазине Гаврилова в фунтовые пачки, получил 9 рублей прибыли. Гаврилов к тому же позволил ему взять домой образцы. В Чехове-старшем снова проснулся неисправимый оптимист, и к концу месяца в письме к жене он уже расписывал будущее яркими красками: «Приезжай в Москву, возьми с собой Машу. Хоть 50 рублей собери да езжай. Квартиру найдем здесь или на даче. В Москве воздух хорош, я поправился здоровьем. Я уж за Таганрогом не жалею и не хочу ехать. Кто будет в доме – Антоша один. Оставляй на Феничку. <...> Когда будешь ехать, возьми с собою вещи ценные, ризы. Здесь можно заложить и взять хорошие деньги, проценты небольшие, 1,5 в месяц. Заработаем деньги, возьмем опять вещи обратно. Если шубу лисью мою нельзя отдать Митрофану Егоровичу, то вези с собою, здесь заложим и возьмем денег сколько нужно. У Вас там беда, с голоду умрешь, а здесь нам и кредит есть. Лобода здесь со мною хорош и уважителен. Он говорит, тебя видел у своих. Должно быть, дети наши обносились, зато у нас всего много, мы живем Барствуем...»

Тем временем Митрофан Егорович пытался убедить брата, что хлопочет о его судьбе: «Также и прочие все Вам сочувствуют и страдают, и никто не думает, что Вы намерением что сделали <...> Григорий Басов был у меня 18 числа сего месяца, показал Ваш вексель на 200 рублей и сказал: „Напишите брату, что я последнее свое имение заложил и выкупил вексель, который протестовать не буду, а желал бы, чтобы Павел Егорович переметил, потому что в банке обещались его принять“».

Двадцать девятого июня Ефросинья Емельяновна, к тому времени потерявшая зрение, сломала ногу. Больше она уже не вставала. Человек, доставивший в Таганрог письмо с печальным известием, по желанию Егора Михайловича забрал в Княжью Ваню и Мишу. Одиннадцатого июля умер сын Митрофана Егоровича, младенец Иван.

Между тем Евгения Яковлевна, собрав деньги от продажи кое-какой утвари и прибавив к ним то, что заработал частными уроками Антон, купила три билета в Москву. Двадцать третьего июля, взяв с собой Машу и Мишу, она села в поезд. Дом Чеховых опустел. Родители оставили в Таганроге сыновей своих, Антона и Ивана, на произвол судьбы.

Ваня собирался переехать к вдовствующей тетке Марфе Яковлевне Морозовой, которая, несмотря на имевшиеся в семье Лободы деньги, не стала оплачивать его обучение. Антон провёл месяц в деревне у родственников Селиванова – там он снова слег на две недели в постель, на этот раз, скорее всего, с грыжей. В Таганроге он поселился у Селиванова, согласившись за стол и квартиру готовить его племянника, казачка Петю Кравцова, к поступлению в юнкерское училище, а жизнерадостную племянницу Сашу Селиванову – к средней школе. У Саши было красное в чёрный горох платье – Антон прозвал ее «козявкой», и между ними завязался шуточный романчик, растянувшийся на долгие годы. Как-то раз их спугнули со скамьи неподалёку от широкой лестницы, ведущей к морю: ворковавшие голубки вспорхнули и скрылись в ближайшей подворотне³⁶.

Судя по письмам Пети Кравцова и по тому, что Саша в результате стала школьной учительницей, первая любовь не помешала Антону старательно исполнить свой репетиторский долг. Между ним и Селивановым установилось полное взаимопонимание. Спустя четыре года тот писал Антону: «Скажу Вам без всяких обиняков, что мы (при приглашении к себе на квартиру) с двух слов друг друга поняли и в душе было признано, что Вы мне необходимы, так точно, как и я Вам был необходим, и сейчас кажется, взаимно обязаны между собой...»³⁷

³⁶ РГАЛИ. 860 1576. *Ильков М. И.* Воспоминания (машинопись).

³⁷ ОР. 331 58 29. Письма Г. П. Селиванова А. П. Чехову.

Глава 7

Покинутые

1876–1877 годы

Уехав в Москву, Евгения Яковлевна поручила Антону множество дел: продать мебель, найти постояльцев, собрать деньги с должников. Но самое худшее, пожалуй, было позади – кредиторы Павла Егоровича уже оставили надежду вытрясти свои деньги из двух гимназистов. Квотируя у Селиванова и столуясь у дядюшек и тетюшек, братья Чеховы могли не бояться, что в дверь постучит судебный пристав. Летние каникулы они весело проводили в гостях у Ивана Селиванова или его сестры Натальи Кравцовой. Гостя в имении Кравцовых (в семье было четверо детей), где даже куры и свиньи одичали от небрежения, Антон с Петей с ружьем добывали себе пропитание. Здесь же Антон катался на неоседланных жеребцах и, по его собственному признанию, подсматривал за купающимися нагишом молодыми крестьянками. У одной из них он даже сорвал у колодца безмолвный поцелуй³⁸.

Шестнадцатого августа в гимназии начались занятия, и Антону пришлось немного обуздать себя. Судя по его библиотечной карточке, он взялся за классику – от Сервантеса до Тургенева. В том году он перешел в шестой класс – лучшие ученики уже видели себя в недалеком будущем преуспевающими докторами и юристами. Антону же хорошо давался Закон Божий – недаром его отец и дядя были членами религиозного Братства. Считалось само собой разумеющимся, что он примет священный сан – отсюда и прозвище «благочестивый Антоша». К слову сказать, мало кто из выпускников таганрогской гимназии тех лет пошел в церковнослужители; куда больше она дала представителей интеллигенции – одних врачей можно насчитать более десятка³⁹. В свободное от занятий время гимназисты пускались во все тяжкие – ходили по прибитым, играли в карты, пили, курили и баловались домашними театральными постановками. Домохозяйка сквозь пальцы смотрела на молодежные забавы. Излюбленным местом великовозрастных гимназистов был таганрогский публичный дом. (Позже Чехов признавался, что со своей невинностью он расстался в 13 лет – очевидно, именно в этом злочном заведении.)⁴⁰

В доме Марфы Морозовой Ваня не прижился – там при малейшем непослушании детям задавали трепку – и вернулся домой к добрейшей тете Феничке, хотя столовался он по-прежнему в семействе Лободы. Первого ноября Митрофан Егорович докладывал брату: «В отношении Вани, он, по его выражению, живет превосходно <...> Всегда сыт, никем независим <...> Живет с Феодосьей Яковлевной, недавно с неделю начал ходить в Гимназию; деньги имеет за переплет: об нем он просит вас не скучать и не заботиться». Спустя две недели последовали кое-какие уточнения: «Ваня до последних чисел октября не ходил в Гимназию, но в двадцатых был концерт в гимназической зале в пользу бедных учеников, который вышел удачным. На другой день Ваня начал ходить в класс и получает отметки хорошие».

Антон же Митрофан Егорович видел реже – он забегал иногда за почтовой маркой или чаю напиться. Павел Егорович всю зиму заваливал Антона поручениями: «Я писал тебе, чтобы стенные часы отдать Митрофану Егоровичу, а ты их продал <...> Мамаша ждала от тебя 20 рублей, как услышала, что прислано 12 рублей, залилась горькими слезами». Те три рубля, что

³⁸ ОР. 331 59 71а. Письмо А. А. Суворина А. П. Чехову. 8.11.1888.

³⁹ Позже, во взрослой жизни, судьба не раз сводила Чехова с таганрожцами – докторами Еремеевым, Савельевым, Шамковичем, Тарабрыным, Зембулатовым, юристами Коломниным, Коновицером, Крамаревым, Волькенштейнами (одного из которых Антон спас от исключения из гимназии после неприятного антисемитского инцидента), актерами (Вишневецким), писателями (Сергеенко), учеными, государственными служащими и даже революционерами.

⁴⁰ Об этом он писал В. А. Тихонову в феврале 1892 года. Таганрогский бордель принадлежал Н. Потоцкому, в 1862 году окончившему гимназию с серебряной медалью. Годы спустя Чехов все еще продолжал расспрашивать о нем знакомых.

Антон зарабатывал частными уроками, едва покрывали его собственные расходы, к тому же он делился заработками со школьным приятелем Срулевым. Селиванов, который стал владельцем дома, тем не менее позволял Павлу Егоровичу получать деньги с живущих в нем постояльцев. Для Павла Егоровича это была последняя надежда. Антон уговорил жившую по соседству вдову Савич снять комнату в их доме. Потом они упустили хорошего квартиранта – раввин Зельцер предлагал снять дом за 225 рублей в год, но Павел Егорович и Селиванов хотели получить с него 300. Павел Егорович, как видно, метил слишком высоко, а Селиванов, возможно, действовал с задней мыслью – он совсем не был заинтересован в том, чтобы Чехов-старший, подкопив денег, смог выкупить у него свой дом. В середине декабря Селиванов неожиданно появился у Чеховых в Москве – он ехал в Петербург навестить брата. Провел он у них не более получаса, и речь шла о долгах Павла Егоровича: тот по-прежнему искренне доверял бывшему постояльцу. Об этом отец писал Антону: «Мы ему были очень рады».

Павел Егорович все еще полагал, что дом принадлежит ему. Двадцать первого декабря он выдал новую доверенность на распоряжение им, на этот раз – родственнику, вдовцу Онуфрию Лободе: «Собственный мне принадлежащий кирпичный дом, крытый железом со всеми к нему принадлежностями, кирпичным Флигелем и каретником, отдавать в наймы под квартиры с условием по цене, по какой признаете выгодной, сроком от одного года и более».

Даже по прошествии трех месяцев Павел Егорович все еще надеялся найти квартирантов. Евгению Яковлевну тем временем стали беспокоить намеки Селиванова на то, кто является истинным владельцем чеховского дома. Весной она пишет отчаянные письма Селиванову и Антону и пытается найти нового избавителя. В Москве, возвращаясь из поездки по святым местам, Чеховых навестили богатые родственники Евгении Яковлевны, Закорюкины из Шуи. Они дали Маше 10 рублей на новое платье и пригласили Евгению Яковлевну с детьми пожить у них в доме: «Я их буду просить, чтобы они [дом] выкупили и потом хоть продадим, Гавриил Парфентьевич заплатит за него 3400 руб. <...> попроси его <...> чтобы Христа ради для меня исполнил свое обещание. Чтобы позволил выкупить и недорого насчитал бы переделку, а нам пока случай есть просить Закорюкиных. Ради Бога, Антоша, хлопочи, поговори с Господином Селивановым <...> только и надежда на Бога, он, царь небесный, вразумит Гавриила Парфентьевича сделать обещанное для нас доброе дело. Наш век очень короток, а если он сделает доброе дело для нас, то долго проживет, а если нет, то и году не проживет, я это дело поручила Святому Иоанну Богослову. <...> Если соглашается Селиванов и не насчитает много за дом, то я в последних числах июня приеду и потом с тобой вместе в Москву домой приедем».

Антон прочел письмо Селиванову, но тот в ответ, фыркнув, заметил, что «мамаша» оказалась глупее, чем он думал. Евгения, Яковлевна намеревалась, как только установится погода, отправиться пешком за сорок пять верст в Троице-Сергиеву лавру помолиться за Селиванова. А Павел Егорович уговаривал бывшего постояльца испросить в церковном Братстве 300 рублей вспомоществования.

Шуйские родственники Чеховым посочувствовали, но дома не выкупили. Жить в Москве день ото дня становилось все тяжелей. Павел Егорович по-прежнему искал работу. В феврале он устроился на Троицкое подворье письмоводителем у подрядчика, однако дня через два его прогнали. Всю прошедшую осень и зиму он провел без дела, в пустых разглагольствованиях. Александр, которому Павел Егорович порядком надоел, описывал Антону отцовское времяпрепровождение: «Свои деньги мы прожили, заняли у Миши Чехова 10 руб. и те просадили и сидим плачем. Что хуже всего – потеряли всякую надежду получить место. Ходим каждый, каждый день в церковь и непременно, как ех-коммерческий человек, в биржу и слушаем толки о сербской войне и по обыкновению приходим домой ни с чем, за что нас встречают со слезами радости и фразой „Горькое мое произволение“, после чего мы разоблачаемся, вынимаем из кармана печатное поучение, купленное в церкви у церковного старосты и начинаем читать вслух. При этом нас все слушают и только изредка Художник хлопнет свою натуру по голове

и закричит: „Господи Боже мой, да когда это ты, Миша, будешь сидеть хорошо? Поворотись в три четверти“. И затем после фразы „Тише вы, нехристи!“ порядок восстанавливается. По окончании чтения проповедь вешается на гвоздик с обозначением на ней №, числа и фразы: „Цена одна коп. серебром. Слава Тебе Господи“»⁴¹.

Михаил Чохов, конечно, мог ободрить бедных родственников и даже ссудить им десять целковых, но он был слишком занят у Гаврилова и личными делами, чтобы вызволять их из беды. Зима была тяжелой. Евгения Яковлевна жалуется не только на отсутствие еды, платья и надежды, но и на невнимание Антона: «Очень жаль, что вы нам не сочувствуете, <...> мы от тебя получили два письма наполненными шутками, а у нас в то время-то только было 4 коп. и на хлеб и на сало, ждали от тебя, не пришлешь ли денег, очень было горько, должно быть, вы нам не верите, у Маши шубы нет, у меня теплых башмаков, сидим дома, заработать [швейной] машины нет <...> ради Бога скорей присылайте деньги <...> не дайте с печали умереть, вы сыты, сыт голоду не разумей. Порви письмо. Е. Чехова. В холодной комнате спим на полу <...> а завтра, 26-го, где хочешь бери, а надо за квартиру 13 руб.»⁴².

Антон разжалобить было непросто. Вместе с письмом Александру он отправил в Москву железную дверную петлю, булочку, вязальный крючок и образ Филарета Милосердного. При этом он высмеивал неумение Евгении Яковлевны управляться со знаками препинания, и на ее поручение, начинающееся словами «Антоша в кладовой на полке...», ответил, что по розыскам никакого Антоши на полке не оказалось.

Брат Митрофан если и посылал деньги, то для того, чтобы заказать кое-что для себя, например мундир церковного старосты. Он рассчитывал, что Павел Егорович будет выполнять и другие поручения – продавать в Москве сочинения его настоятеля, отца Василия. От щедрот своих Митрофан хотел было послать с Лободой кофе и халвы – Евгении Яковлевне душу отвести, но тот сказал, что не возьмет ничего, что может просыпаться. Не смог он выслать Чеховым и столь необходимую швейную машинку – в ту зиму железная дорога грузы не перевозила, так как поезда были реквизированы в преддверии русско-турецкой войны. Колины картины, предназначавшиеся для продажи таганрогской родне, по той же самой причине застряли на вокзале в Москве. Митрофан писал брату и его жене: «Там без машины есть свободное время заняться когда-нибудь пером и сообщить таганрогцам о своем существовании <...> Бог вас никогда не оставит».

К концу ноября на выручку пришел Егор Михайлович Чехов. Брат Митрофан торжественно объявил об этом в письме: «Все сие видя, он, старец, наш добрый родитель, и скорбя, и соболезнуя, сердечно благоизволит от своих малых трудов выслать вам, своему милому чаду, на пропитание вашего семейства сто рублей <...> Возблагодарим Господа...» На Рождество в Таганроге состоялся еще один семейный совет. Старик Егор Михайлович вызвал в дом Митрофана Г. Селиванова: тот предложил продать дом Павла Егоровича отцу или брату за те же 500 рублей, что он заплатил банку. Однако ни тот, ни другой не смогли принять этого предложения. По разумению Селиванова, теперь он мог чувствовать себя свободным от всех обязательств перед Чеховыми. В следующем же году он въехал в дом вместе с племянниками Петей Кравцовым и Сашей Селивановой, а также позвал к себе Антона. Тому житье у Селиванова понравилось. Никто его здесь не притеснял, кроме, пожалуй, кухарки Явдохи – единственной прислуги в жизни Чехова, которая его недолюбливала, – она считала его дармоедом, на которого можно прикрикнуть, и отнюдь не хозяином, которого надо слушаться. Антон с Петей лихо – пальбой из ружья – встретили новый, 1877 год. Антон хвастался в письме к двоюродному брату Михаилу: «В комнате воняет пороховом, и пороховой дым покрывает кровать, как туман; вонь страшная. Это, видишь ты, мой ученик пускает в комнате ракеты и подпускает вместе

⁴¹ ОР. 331 32 3. Письма Ал. П. Чехова А. П. Чехову. 1876. 27.09. См. также: Письма, С. 33–35.

⁴² ОР. 331 33 126. Письма Е. Я. Чеховой А. П. Чехову. 1876–1904.

с тем своего природного, казацкого, ржаного, батьковского пороку из известной части тела, которая не носит имя артиллерии».

Чеховы Новый год встретили в тоске, даже несмотря на то, что таганрогские власти позволили Митрофану Егоровичу купить для брата и его жены годовой семейный паспорт – теперь они могли открыто жить в Москве. Пожалуй, лишь один Миша не унывал: поняв, что ему грозит работа посыльного в магазине Гаврилова, он обшарил всю Москву и, наконец, уговорил одного директора школы взять его к себе и подождать, пока не найдется попечитель и не заплатит за учебу. Зима стояла холодная, но у одиннадцатилетнего Миши даже и пальто не было, так что в школу приходилось бегать вприпрыжку. Сто рублей, присланные Егором Михайловичем, быстро разлетелись. Антону было велено продать пианино и выслать деньги в Москву. Туда же была отправлена и его выручка от трех частных учеников. Коле удалось продать картину, Александру – юмореску, но оба они тратили деньги лишь на себя – любили приодеться и не отказывали себе в выпивке. Когда Антон перестал посылать в Москву дешевый табак, Александр, не стеснясь, перешел на дорогие овалы сигареты «Саачи и Мангуби».

Деньги утекали во всех направлениях. Александр послал Антону 15 рублей, чтобы тот купил билет в Москву на пасхальные каникулы. Семнадцатого марта Антон впервые в жизни отправился в столицу, хотя никто не представлял себе, где взять деньги на обратный билет. Александр убеждал брата остановиться у него в Грачевке и не стремиться в переполненную родительскую квартиру: «Во-первых, потому что я живу один и, стало быть, ты мне не помешаешь, а будешь дорогим гостем; во-вторых, потому что у родителей всего две комнаты с пятичеловековым населением (живущий тут же пес не в счет), в-третьих, обстановка у меня гораздо удобнее, чем у них, и нет ни оподельдочков, ни Ма [*Евгении Яковлевны*], ни 2 Ма [*Маши*], вечно плачущей по каким угодно причинам. В-четвертых, нет у меня пьянствующей безобразной Гавриловщины, а в-пятых, живя у меня, ты будешь свободен делать что хочешь и идти куда хочешь».

А стены родительского дома беспрестанно сотрясались от дрызг. Коля по пяти раз на дню клялся, что съедет. Павел Егорович с женой никак не могли найти школу для Маши – учебный год был в разгаре – и громко жаловались на жизнь. Сестра вызвала Александра выступить миротворцем. Явившись, он застал такую картину: в кухне в перепачканном сажей пальто сидела дрожащая мать, а в комнате отец латал свою шубу, не обращая ни малейшего внимания на слезы изруганной им жены. Коля пытался писать портреты сородичей, но Павел Егорович выгонял художника с его «вонючими красками» на кухню. Время от времени Павел Егорович объявлял, что больше не собирается кормить свое неблагодарное семейство, и бормотал себе под нос: «Блажен муж иже не иде на совет нечестивых». Евгению Яковлевну обижало, что Александр живет сам по себе. Тот же объяснялся в письме Антону: «Я имею возможность иметь хорошенькую, удобную комнату, приличный, здоровый стол и чистое белье, а главное, тишину и спокойствие, где не раздаются плачи биемых и гласи биющих, где никто не чадит, не беспокоит и не мешает. <...> Никто из них ни разу не спросил меня, есть у меня деньги, откуда я их беру, чем зарабатываю и много ли их у меня? Им до этого дела нет. Они знают только, что ежемесячно в определенный срок получают 5 руб. от меня и не в счет абонемента раз восемь в месяц пришлют за деньгами займы (отдача на том свете горячими угольками). Они видят, что я всегда прилично одет, блещет белье, перчатки и цилиндр, и вполне убеждены, что я миллионер».

Александр не мог изжить из своего сердца Марию Файст, хотя теперь у него была в Москве женщина, которую он называл женою. Темперамент у него был буйный, под стать любимой присказке – «Хуй, пока железо». Так называемой женой была, возможно, Мария Полеваева, его домохозяйка. Десять лет спустя Александр заявил, что оттого его жизнь не сложилась, что он в свое время не женился на Марии Файст. А в 1877 году, пробыв в разлуке с ней два года, он все еще хотел видеть ее своей невестой: «Разве я могу не любить ее или позабыть?

Да будут покойны тятеньки и маменьки! Никакой черт не заставит меня жениться. Да будет ведомо им, что только она одна вступит хозяйкой в мой дом. Но это будет не раньше того, как я буду вполне обеспечен и заткну глотку родителям!»

Две недели пробыл Антон у Александра, в доме Марии Полеваевой на Грачевке, среди воровских притонов и непотребных заведений. Однако всего больше его занимали театры и крепнущая дружба со здравомыслящим двадцатипятилетним кузеном Михаилом Чоховым. Причем первый шаг к сближению сделал сам Михаил. Антон ответил на дружеское рукопожатие, сопроводив свой поступок рассуждениями в родительском тоне: «С какой же я стати буду отставать и не ловить благого случая, чтоб познакомиться с таким человеком, как Вы, и вдобавок я считал и считаю своею обязанностью почитать самого старшего из своих братьев и почитать того, кого так горячо почитает наша семья».

Кузен Михаил со товарищи стал наведываться к Чеховым. Опустошив изрядное число бутылок, они во весь голос принимались распевать церковные псалмы и народные песни – Павел Егорович, вспомнив таганрогское регентство, дирижировал хором. Женщины же – Евгения Яковлевна, Маша и Лиза, сестра Михаила, – приходили укрыть отбушевавших и уснувших вповалку мужчин.

По окончании пасхальных каникул Чеховым кое-как удалось наскрести денег на обратный билет Антону. Состряпали и медицинскую справку для предъявления инспектору гимназии в качестве оправдательного документа – к занятиям Антон опаздывал. Антон просил кузена Михаила не оставлять без внимания Евгению Яковлевну: «Будь так добр, продолжай утешать мою мать, которая разбита физически и нравственно. <...> У моей матери характер такого сорта, что на нее сильно и благотворно действует всякая нравственная поддержка».

Москва взбудоражила Антона. Вернувшись, он написал для школьного журнала «Досуг» небольшой очерк, положив в его основу сцены таганрогской жизни. Майские экзамены тяжело дались ему – «Я чуть с ума не сошел через эти экзамены», – сказал он об этом Михаилу Чохову. Летом Антон в своих не лишенных пафоса письмах продолжал просить кузена присматривать за его матерью. Сыновняя привязанность к родителям выдержала испытание порками и жизненными невзгодами: «Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки».

Восемнадцатого июня из Таганрога в Москву отправился Ваня. Антон же получил приглашение в Калугу, на свадьбу сестры Михаила Чехова, просватанной за калужского торговца льняным полотном – на это семейное торжество, затеянное с купеческим размахом, поехали также Александр, Коля и Маша (потом Александр сказал, что жених и невеста глупы, как ослы). Однако никто не предложил Антону оплатить дорогу в Калугу, и ему пришлось остаться дома.

Глава 8

Сам по себе

1877–1879 годы

В августе 1877 года Антон пошел в седьмой, предпоследний класс гимназии. Лето он провел у Кравцовых, в степях у Рагозиной балки, потом побывал у Ивана Селиванова, где объездил верхом все соседние хутора. В Таганроге он продолжал жить под одной крышей с Г. Селивановым и его племянниками. Сочинял. Законченные сценки и стихи посылал через Александра в журналы, например, «Будильник», подписывая их «Крапива». Кое-что было отвергнуто, однако ничего не сохранилось.

В конце 1877 года и в начале 1878-го Антон решил попробовать себя в драматургии. (Известно, что еще в 14 лет он переделал в пьесу гоголевского «Тараса Бульбу».) В восемнадцатилетнем возрасте он сочинил водевиль «Нашла коса на камень» и первую серьезную пьесу «Безотцовщина». Ее название вполне соответствовало тогдашней его таганрожской жизни, но о чем была пьеса – мы не знаем⁴³. В октябре 1878 года Александр высказал свое суждение по поводу пьесы: «В „Безотцовщине“ две сцены обработаны гениально, если хочешь, но в целом она непростительная, хоть и невинная ложь. <...> „Нашла коса на камень“ написана превосходным языком и очень характерным для каждого там выведенного лица, но сюжет у тебя очень мелок. Это последнее писание твое я, выдавая для удобства за свое, читал товарищам <...> Ответ был таков: „Слог прекрасен, умение существует, но наблюдательности мало и житейского опыта нет“».

Мы уже знаем, какие книги брал в библиотеке и какие спектакли смотрел Антон в 1870-е годы. Собственные же книги Чехова гораздо меньше отражают его интересы. Возможно, что книги 1860-х и 1870-х годов были куплены позже – будучи гимназистом, он мало чего мог себе позволить. Похоже, что первые из самостоятельно приобретенных Антоном томов – это переводы «Гамлета» и «Макбета» издания 1861 и 1862 годов, причем «Гамлета» Антон читал в гимназии – в пяти местах он подписан его фамилией, а на полях сохранились сделанные им карандашные пометки. Некоторые книги пронумерованы: молитвенник издания 1855 года имеет номер 63, «Гамлет» – номер 82, «Макбет» – номер 8, а под номером 85 уже идет медицинский учебник, вышедший в 1881 году. Не исключено, что в отроческие годы у Антона был и русский перевод «Фауста» Гете, вышедший в 1871 году, и нашумевшая книга Ч. Беккария «О преступлениях и наказаниях» издания 1803 года⁴⁴.

Однако не о занятиях литературой, а о карьере врача помышлял Антон, собираясь после окончания гимназии отправиться в Цюрихский университет – медицинскую Мекку русских студентов. Александр, отговаривая его от этих намерений, составил для него описание российских университетов, куда вошли и прославленный немецкий университет Дерпта, и армянская академия в Нахичевани, где обучали «стрычь, брыть и мозол вирезывать». Сам Александр был очень доволен своей учебой на физико-математическом факультете Московского университета. Он и брата старался нацелить на Москву.

Антон твердо решил поступать в университет. В июне он объявил Александру, что «заставил отчалить всех барышень от себя». На это брат ответил: «Не нужно быть поклонником баб, но не нужно и бегать их». После московских спектаклей потерял свою привлекатель-

⁴³ В России это название перенесли на другую пьесу, известную как «Платонов», но последняя не имеет ничего общего с «Безотцовщиной» и появилась в 1880-е годы.

⁴⁴ Книжки из библиотеки Чехова растащили родные и друзья; многое пропало в переездах или было отдано в школы, тюрьмы и библиотеки. См. *Балухатый С.* Библиотека Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930. С. 210–418; *Ханило А. В.* Пометки на книгах Чехова. Берлин, 1994.

ность и таганрогский театр. «Хижина дяди Тома», одна из самых удачных постановок, теперь казалась не более чем слезливой драмой. Несмотря на то что в 1878 году власти изъяли из публичной таганрогской библиотеки более трехсот «бунтарских» книг, она по-прежнему оставалась для Антона важнейшим питающим источником, и чтение его стало более серьезным. Он даже старшим братьям советовал прочесть статью Тургенева «Дон Кихот и Гамлет» – о русском антигерое, оказавшем влияние на литературных персонажей самого Чехова, которые у него, как и у Тургенева, либо деятельные, но не рассуждающие донкихоты, либо умствующие, но ничего не делающие гамлеты.

Настойчивые просьбы из Москвы о присылке денег для семьи, а также табака и папиросной бумаги для Александра не прекращались. В ответ Антон попросил прислать ему чертежный инструмент, однако Александр сказал, что это слишком дорого. На просьбу переслать ему конспекты по химии Александр ответил, что Антон ничего в них не поймет. Ему также нужны были логарифмические таблицы, но и те оказались Павлу Егоровичу не по карману.

В Москве появились первые проблески надежды. Константин Макаров, с которым Антон свел знакомство в свой приезд на Пасху в 1877 году, пригласил Машу на бал в кадетское училище, где он служил учителем рисования. Там она познакомилась с ученицей епархиального женского Филаретовского училища и последовала примеру брата Миши – пошла к архиепископу Московскому просить об освобождении от уплаты за учебу. Тот ответил: «Я не миллионер» и в просьбе отказал. Тогда таганрогский сотоварищ Павла Егоровича, купец Сабинин, сжалился и предложил деньги. Машу быстро подготовили для поступления во второй класс, и в августе она была зачислена в Филаретовское училище. Потом и Мише удалось найти благодетеля – за его учебу стал платить И. Гаврилов. Евгении Яковлевне же пришлось заложить золотые браслеты, чтобы заплатить за квартиру. Между тем у Павла Егоровича стали возникать мысли о возвращении домой – как ему сообщили, в Таганрог вернулся и снова начал свое дело один из разорившихся купцов; почему бы и Чехову не сделать то же самое? Поступило кое-какое вспоможение – сестра Александра Егоровна прислала через брата Митрофана 3 рубля, отец Филарет, казначей церковного Братства, пожертвовал рубль, а старый сослуживец Павла Егоровича не пожалел и двух. Кто-то из таганрогской управы дал понять, что если Павел Егорович вернется, то ему найдут должность с жалованьем 600 рублей в год. В июне Митрофан Егорович подбадривал брата: «Веруйте, что Господь Вас и нас не оставит. Тяжело многим, кроме Ивана Ивановича Лободы да Гавриила Парфентьевича Селиванова; этих только, вероятно, нужда не коснется никогда; они ограждены с детства Провидением».

В Москве Павлу Егоровичу предложили место в управе благочиния, но вскоре уволили: при том, что заупокойную службу или проповедь он вполне был способен составить, написать служебную бумагу ему совершенно было не под силу. В конце сентября он вывесил на стене квартиры «Росписание делов и домашних обязанностей для выполнения по хозяйству семейства Павла Чехова, живущего в Москве», где определялось, кому когда вставать, ложиться, обедать, ходить в церковь и какими делами заниматься в свободное время: «Чехов Михаил, 11 лет, Чехова Мария, 14 лет: Хождение неотлагательное в церковь ко всенощному бдению в 7 часов и ранней обедне в 6½ и поздней в 9½ часов по праздникам».

Мише надлежало «вытирать сапоги тряпкой», а Маше – «чесать голову поокуратней». Затем следовало примечание: «Неисполняющие по сему росписанию подвергаются сначала по строгому выговору, а затем наказанию, при коем кричать воспрещается. Отец семейства Павел Чехов». Мише доставались тумаки за то, что он вставал на 8 минут позже или забывал заглядывать в расписание. В этом случае следовал приказ: «Ты встань и посмотри на росписание, не пора ли тебе вставать, если еще рано, так поди опять ляжь».

Из-за пары брюк между Павлом Егоровичем и Ваней вышла ужасная ссора. Александр описал этот эпизод в письме Антону от 1 октября: «Отец семейства разбудил утром члена семейства Ивана Чехова и послал его без штанов в сарай за штанами. По поводу сих штанов

между отцом и членом семейства последовало препирательство, закончившееся тем, что член семейства отправился в сарай и начал там искать штанов, а отец семейства последовал за ним и по-таганрогскому начал учинять мордобитие. Оскорбленный таким жестоким обращением член семейства Иван Чехов 17 лет разверз гортань и начал во всю мочь апеллировать. Сбежавшиеся на крик хозяева дома и члены семейства заставили отца семейства устыдиться и отпустить члена. За сим последовало со стороны хозяев объяснение и внушение с указанием на ворота, при чем отец семейства невиннейше улыбался...»

Спасение пришло от И. Гаврилова: 10 ноября, просидев без дела полтора года, Павел Егорович был устроен к нему в амбар. За 30 рублей в месяц, стол и квартиру при магазине бывший купец второй гильдии пятидесяти двух лет должен был, как младший приказчик, вернуться с рассвета до поздней ночи. Ему разрешалось приносить домой сахар (который перепадал и Мишиному щенку Корбо). «Росписание делов» со стены было снято. После работы в магазине времени на ссоры не оставалось; теперь наставления Павла Егоровича о том, как следует торговать и жить, приходилось выслушивать гавриловским приказчикам – из-за этого он получил прозвище «учитель нравов». Из сурового домоправителя Павел Егорович превратился в изредка захаживающего родственника, хотя сам не признавал потери своего статуса. Евгения Яковлевна стала меньше лить слезы. Коля работал дома, мечтая получить золотую медаль; его друг, безнадежно больной туберкулезом художник Хелиус (известный также как Наутилус) на какое-то время поселился у Чеховых. Колина слава росла – он теперь расписывал декорации для богатого мецената.

В августе Антон писал Михаилу Чохову, прося его похлопотать перед Гавриловым за своего кузена Алексея Долженко. Старик Гаврилов не только взял к себе на работу Павла Егоровича, но и оплачивал обучение Миши, а теперь пообещал, что с февраля найдется место и для Алексея. Что заставило Гаврилова смягчиться душой? Можно не сомневаться, что за Павла Егоровича его просил Михаил Чохов: хоть и разгульный по натуре, кузен, как и его родня, был человек добросердечный.

Павел Егорович решил разделаться с мелкими долгами, например заплатить старой няньке. Ему уже мерещились золотые горы. Тридцатого декабря он заявил: «Антоша! Когда кончишь учение в Таганрогской Гимназии, то непременно поступай на медицинский факультет, на что мы тебя благословляем. Сашин выбор был легкомысленный, без нашего желания, а потому идет без всякого успеха». На самом же деле Александр прекрасно успевал во всем, начиная со Священного Писания и кончая физикой, однако уже не считал себя должным угождать отца, от которого больше не зависел. Теперь, когда Павел Егорович дневал и ночевал у Гаврилова, Александр вернулся к матери, домочадцам и собаке. Антон же, в отличие от Александра, пусть для проформы, но все же советовался с отцом. Даже Колины художества получили отцово одобрение. В январе Павел Егорович писал Антону: «Мы желаем, чтоб ты имел такой характер, который носит в себе брат твой Коля! <...> Поведением своим он приобрел себе хороших товарищей <...> Нас ничто уже на свете не веселит, одно только утешение нам *наши дети*, если они будут хороши»⁴⁵.

Павел Егорович пресекал в детях всякое своеволие. Антон как-то написал ему об «убеждениях», на что тот ответил ему: «Наши собственные убеждения не будут хлебом кормить, а вот я служу г. Гаврилову по его убеждению». Отец ввел в смущение Антона и тем, что попросил священника Федора Покровского взять юношу под свою опеку. Старший Чехов все еще вынашивал какие-то хитрые планы выкупить дом. Признавая, что Селиванов, возможно, с домом не расстанется, он все же надеялся получить назад потерянный капитал. Об этом он писал брату Митрофану: «Итак, дорогой мой Брат, если возможно выкупить наш дом хоть за Афонские

⁴⁵ ОР. 331 81 19. Письма П. Е. Чехова А. П. Чехову. 1878.

деньги для Монастыря, <...> дом будет принадлежать монастырю и доходы будут в процент за деньги, а когда в Таганроге дела поправятся, <...> то просить разрешения продать его»⁴⁶.

Митрофан решительно отверг эту идею в ответном письме: «Деньги афонских отцов, хранящиеся в отделении Государственного банка в Таганроге, есть единственный сбор отца Филарета в Одессу <...> Отец же Филарет при всей его доброте радуется бедствиям тех людей, которые живут не так, как он живет <...> Я скажу ему откровенно, что плохо торгую, расходы не покрываю, чтобы не упрекнуть вами».

Первое письмо от деда, Егора Михайловича, в новом, 1878 году было душераздирающим: «Мать твоя, Павел Егорович, непостижимою болезнью уже близко двух лет крепко страдает, действовать не может ни ногами, ни руками, высохли у ней не только тело, но и кости как щепки, лежит в постели недвижимо, вдобавок того в недавнем времени состоялась головная болезнь, опухоль лица всего как подушка и состоялись повсюду водяные пузыри и теперь не видит небесного света. Она страдает, а я убит до изнеможения духа и сил моих, часто повторяет и просит у Бога смерти, которой еще не пришел час, в он еже войдеше душе, ее кормят и поят чужими руками, когда ближних нет, она в этой скорби часто призывает Господа, она сетует, стонет день и ночь, бьется как рыба об лед, вспоминая прошедшее благополучие и настоящее неблагополучие, говорит, я породила и видела у себя детей, но их нет, они разыдошася по лицу земли, они бы мне теперь помогли и пожалели при такой моей нужде».

Двадцать шестого февраля 1878 года, немного не дожив до восьмидесяти лет, Ефросинья Емельяновна умерла – по свидетельству, от оспы. Смерть ее совершенно сломила Егора Михайловича. Летом восьмидесятилетний управляющий покинул графиню Платову и поехал навестить оставшихся в живых детей и внуков: сначала в Таганрог, затем в Калугу, потом и Москву. В декабре он писал Павлу Егоровичу, его жене и детям (чьи имена он путал): «Начну с вами говорить, то есть, быть может, в последний раз <...> Я как первоначальный виновник бытия вашего на земном шару, то считаю в необходимость довести до сведения вашего, что я шатающийся праздно по лицу земли семо и овамо как заблудший сын, то в Москве, то в Калуге, незаслуженно едя хлеб наш насущный от трапезы подающих господ добрых, добрых детей моих <...> Не забывайте грешного Георгия в ваших молитвах в здешней жизни о здравии и будущем уповании <...> Утешайте меня вашими письмами, пока я здесь на земле, а когда я буду за гробом и если по милосердию Божию буду свободен от ада преисподнего, то буду оттуда вам писать, как там грешники бывают и как праведники со святыми ангелами ликуют <...> Пойду беспреткновенно на Воронеж и дальше, ныне отпускаеши раба твоего, владыко...»

В начале 1879 года Егор Михайлович, некогда «подвижная бронзовая статуя», переехал жить к дочери Александре в Твердохлебово и там 12 марта умер от сердечного приступа. В свои 19 лет Антон потерял всех дедов и бабок и троих дядьев – стоит ли удивляться тому, что кладбища так настойчиво преследовали его во сне и наяву.

В Таганроге его ближайшее окружение понемногу редело. В начале 1878 года уехал в Москву двоюродный брат Алексей Долженко, чтобы надеть на себя хомут в гавриловском амбаре.

Двух недель ему было достаточно, чтобы втянуться в московскую жизнь, а мать его, Феничка, провела еще два месяца в Таганроге, страдая от тоски и болезни. Тридцать первого июля Антон упаковал ее вещи, приложил подарки от Митрофана Егоровича и Егора Михайловича и отправил ее в Москву к Евгении Яковлевне. Поначалу сестра колебалась – Феничка была ворчлива, да и лишний рот в доме, но по ее приезде возликовала: «Теперь мы с Феничкой без умолку говорим. Ей говорю, говорю и заплачу, когда придется горе прошлое рассказать». В последующие тринадцать лет сестры были неразлучны: ходили друг за другом, посещали святые места, вместе готовили и шили. Павел Егорович встретил свояченицу более сдержанно.

⁴⁶ РГАЛИ. 331 81 25. Письма П. Е. Чехова М. Е. и Л. П. Чеховым. 1876–1893. Письмо от 2.02.1878.

Вот что он писал Антону: «Наконец, Бог дал наилучшее письмо, и вслед за тем приехала и Ф. Я. Госпожа Долженкова <...> чтобы она не скучала и жила лучше, чем в Таганроге, с Алексеем она уже виделась и этим она больше себя потревожила, ей бы хотелось, чтобы он каждый день к ней ходил, чего невозможно, да и не следует».

Для Антона, которому уже исполнилось восемнадцать, Селивановы и Кравцовы стали ближе, чем его собственная семья. Собираясь в Москву, он даже подумывал; взять с собой Сашу и узнавал для нее, что преподают в женском училище, которое посещает Маша (к большому огорчению жизнерадостной казачки, немецкий язык там был обязателен, Закон Божий спрашивали строго, а танцам и вовсе не учили). Несмотря на загруженность частными уроками, на экзаменах в мае Антон получил отличные оценки. На просьбы матери провести лето с семьей он ответил отказом и снова поехал с Петей Кравцовым в Рагозину балку рыскать по степям с охотничьими собаками.

Жизнь в Москве, теперь, когда Павел Егорович был при деле, стала немного веселей. Александр и Коля вращались в столичном полусвете. К марту Александр оставил свою невенчанную жену. Павел Егорович возрадовался и снова стал называть сына Сашенькой, однако его комнату в доме сдали постояльцу. Впрочем, даже несмотря на то, что Павел Егорович и нечасто навещался в дом, в семье время от времени возникали трения. Семнадцатого марта Александр писал Антону: «Иван просто свирепствует. Вчера чуть не поколотил мать и при отце оказался таким ангелом, что я до сих пор не могу прийти в себя от изумления. Да и ехида же он, братец ты мой! <...> Он ответил, что он работать не обязан, что матери нет никакого до него, Ивана, дела и что его обязаны кормить, холить и лелеять, потому что его выписали из Таганрога в Москву!!!»

Семнадцатилетний Ваня от уроков отлынивал: его закружила богемная жизнь старших братьев. Он катался на извозчиках, пел серенады девушкам. В апреле он провалил экзамены. Остаться на второй год пришлось и Маше; Миша же кое-как перешел в следующий класс, а Коля не сдал экзамена по истории Христианской Церкви. Впрочем, слава художника уже стучалась ему в дверь. Остепенился и Александр, а вот с Ваней, жаловался Коля Антону, «...беда! Не пройдет мимо, чтобы не дать подзатыльника Маше или Мише. <...> Ивана душеспасительным словом не проймешь, тоже ничего не делает, несмотря на невыносимые семейные ссоры, которых он единственная причина <...> От зрелого обдумывания только и может быть успех, а тут шум, гвалт, часто ничего не делая уходит из дому. Возьму я себе комнату, за которую я, понятно, плачу, уж и Иван ко мне переселится».

Чехов-старший вознамерился отдать сына на фабрику, и над Ваниной свободой нависла угроза. Обеспокоенный Коля написал об этом Павлу Егоровичу длинейшее письмо, в котором увещевал отца с его же собственной назидательной интонацией: «Я уверен, что Вы, как всякий любящий детей отец, желаете сыну блага. Какое же будет благо, если прослужив на фабрике два года, его завербуют на шесть лет в солдаты. <...> Если он будет рабочим, для Вас нисколько не лестно <...> Поступивши на фабрику, он будет получать сумму; положим, что эта сумма поможет нашему семейству, которому теперь каждая копейка дорога, но даже когда он будет в совершенных летах, что ему придется делать со своим малым ограниченным жалованьем? <...> Нет, папа! <...> Наша обязанность с Вами одна – поддерживать его. Если человек упал и запачкался грязью, то зачем же втоптывать его больше в грязь; это мы делаем, я это заметил, но то не по-христиански»⁴⁷.

Великовозрастного Ивана подзатыльниками уже было не образумить. В мае Павел Егорович письменно пытался наставить сына на путь истинный: «Ты сделался в последнее время никуда не годным, ленивым и непослушным <...> Сколько раз я тебя просил <...> Совесть твоя спит <...> Приходишь в полночь, спишь смертельным сном до 12 часов <...> Ты нас без-

⁴⁷ ОР. 331 82 15. Письма Н. П. Чехова П. Е. Чехову. 1879–1884.

жалостно обманывал здесь в Москве <...> С Божией помощью и благословением постараюсь найти в Москве себе Дело на фабрике или в Магазине <...> Праздность есть большой порок»⁴⁸.

Спасло Ваню лишь то, что экзамены он сдал, – благодаря учителю Михаилу Дюковскому, другу Александра и Коли. Павел Егорович с облегчением вздохнул: оболтус стал приходским учителем.

Тем временем у Коли возникли более серьезные проблемы. Озабоченный лишь тем, где бы найти хорошую студию и натурщиков, он не хлопотал об освобождении от призыва в армию. Он просил Антона переслать необходимые документы из Таганрога в Ростов-на-Дону, но тот отделялся шутивными сообщениями о том, что его уже записали в солдаты.

Чем чаще возникали ссоры в семействе Чеховых, тем с большим нетерпением в Москве начинали ждать приезда Антона – единственного члена семьи, который никогда не повышал голоса, не распускал рук и не лил слез. Коля обещал Павлу Егоровичу: «Вы с мамашей будете снисходительны друг к другу, придет *покорный* брат Антоша – и заживем, слава Богу, на славу».

В сентябре женская половина чеховской семьи смогла отдохнуть от Колиных и Ваниных проблем – богатые родственники, Закорюкины и Лядовы, пригласили их в Шую, где Евгения Яковлевна провела свои детские годы. Обласканные и нагруженные подарками, они вернулись в начале октября, и вся семья перебралась в более просторную квартиру. Дом находился все в той же Грачевке и принадлежал приходу Никольской церкви, а квартира занимала сырой полуподвал, из окна которой ее жильцам были видны лишь ноги проходящих мимо пешеходов. И здесь Чеховы взяли себе постояльца – студента училища живописи, который платил 20 рублей в месяц за квартиру, стол и Колины уроки. Евгения Яковлевна мечтала увидеть все семейство в сборе. Первого января 1879 года, дождавшись в четыре часа утра Вани и Коли, праздновавших Новый год у Полеваевых, она писала Антону: «Желаю тебе счастливо кончить курс в Таганроге, да скорее к нам приехать. Мы за тобой скучаем, особенно я, никогда не была небеспокойна, скоро два года будет, как мы с тобой не виделись. <...> мне многое надо тебе рассказать, да плохо вижу, не хочется даже и писать. <...> Нас Саша водил в артистический кружок на елку. Маша много танцевала, скажи людям».

Поздравляя сына с девятнадцатилетием, ей вторил и Павел Егорович: «Утешь нас своим поведением, употреби все средства облегчить тяжелую жизнь *Мамаш*, она у Вас *Одна*. Никто Вас не жалеет, как *Мать*»⁴⁹. Евгения Яковлевна выбивалась из сил, готовя обеды на всю семью, включая квартиранта, да еще обшивая своих детей. По меркам даже мещанского сословия, Чеховы жили в отчаянной нужде, о прислуге не могло быть и речи, так что хозяйке самой приходилось топить печь и мести полы.

Феничку одолели болезни – она не вставала с постели, куда, из-за вечной боязни пожаров, укладывалась одетой и в галошах. Мало того, что сама она была лишним ртом, так еще приютила бродячую собачонку. Навещая семью, Павел Егорович вызывался помочь по дому, хотя сам жаловался на головокружение и слабость после работы в гавриловском амбаре. «Хоть бы ты скорее приезжал, Феничка говорит, что ты трудолюбивый, будем вместе трудиться, – упрашивала Антона Евгения Яковлевна в письме от 1 марта, – я каждый час прошу Бога, чтобы скорей ты приехал, а папаша говорит, и Антоша как приедет все будет по гостям ходить, да ничего не делать, а Феничка спорит, что ты домосед и трудолюбив. Не знаю, чья правда. У меня так много делать по хозяйству и чужая работа, что некогда и выспать. Антоша, на светлый праздник иди к утрени в Михайловскую церковь, а оттуда к Воротниковым разговляться».

Старшие же сыновья Евгении Яковлевны о говении и не помышляли. Александр гулял на свадьбах у приятелей; Коля горевал – его возлюбленная, расставшись с ним, вышла замуж

⁴⁸ РГАЛИ. 2540 1158. Письма П. Е. Чехова И. П. Чехову. 1879–1898.

⁴⁹ ОР. 331 81 20. Письма П. Е. Чехова А. П. Чехову. 1879.

за эконома больницы, а лучший друг Хелиус умер от чахотки. Коля неделями не появлялся дома и ночевал в школе, где преподавал М. Дюковский. Легко поддаваясь соблазну, он погрузился в распутную жизнь. Вдвоем с Александром они в ту зиму частенько наведывались в увеселительные заведения в Стрельне. В феврале Александр озабоченно писал Антону: «Николай начинает новые картины и не оканчивает. Он теперь влюблен, но это не мешает ему бывать в Salon des Variétés, канканировать там и увозить оттуда барынь на всенощное бдение».

Колины разгулы умалили в глазах Евгении Яковлевны и его художественные успехи – а ведь иные из его рисунков шли на обложки столичных сатирических еженедельников. Она искала поддержки у Антона: «Скорей кончай в Таганроге ученье да приезжай, пожалуйста, поскорей <...> непременно по медицинскому факультету иди. Уважь меня, самое лучшее занятие, Сашино занятие не нравится нам, присылай наши иконы понемногу».

Коля тоже возлагал большие надежды на приезд Антона, обещая ему, что, когда тот придет, они, взяв с собой Мишу, пешком отправятся в Троице-Сергиевскую лавру. Возможно, ему хотелось покаяться в грехах. Александр тем временем зачастил в редакцию ежедневного журнала «Свет и тени», где публиковал свои сценки и рассказы. В жизни чеховского семейства появились новые люди: издатель Николай Пушкарев и его жена Анастасия Путята-Гольден. Две ее сестры сыграли роковую роль в судьбе Александра, Коли и Антона. Одна из них, Анна Ипатьева-Гольден, уже была к тому времени Колиной любовницей.

Антон послал в Москву письмо с подробным описанием похорон деда, а затем взялся за подготовку к экзаменам, от которых зависело его будущее. Он знал, что ожидает тех, кто не в состоянии поступить в университет, – 1 марта его записали в Таганрогский участок для отбывания воинской повинности. Ни одного экзамена провалить было нельзя. Пятнадцатого мая гимназисты писали сочинение. Тема его, составленная попечителем Одесского учебного округа, полностью соответствовала установкам царского правительства: «Нет зла более, чем безначалие». Экзамен начался в 10.20, и последним, кто сдал работу, в 16.55, был Антон. Это был самый длинный из когда-либо написанных Чеховым философских опусов, к тому же заслуживший похвалы за литературные достоинства. Назавтра на экзамене по Закону Божьему Антон получил «пятерку», в последующие дни – «четверку» за устный экзамен по истории, «тройку» за письменную латынь и «четверку» за устную. Через две недели были «четверки» за письменный и устный греческий, «тройка» по математике. Одиннадцатого июня чуть не случилось непоправимое: перемножая дроби на устном экзамене по математике, Антон сбился, и только путем голосования учителя поставили ему жизненно необходимую «тройку». Пятнадцатого июня 1879 года ему был выдан аттестат зрелости, подписанный действительным статским советником кавалером Эдмундом Рейтлингером, инспектором Дьяконовым, отцом Покровским и семью другими преподавателями. Антон Чехов получил «пятерку» за знание Закона Божьего (как за экзамен, так и за письменные работы), по географии, французскому и немецкому языку – «четверки». По латыни, математике, физике и естествоведению – предметам, необходимым будущему врачу, – он получил лишь «тройки». По русскому языку и литературе у него были «четверки». Поведение его было оценено как «отличное», а прилежание – как «очень хорошее».

В августе таганрогский мещанский староста выдал Антону билет для жительства в разных губерниях России «сроком на один месяц». Документ содержал описание примет Чехова: высота – 2 аршина 6 вершков (1,84 м), русые волосы и брови, карие глаза, нос, рот и подбородок умеренные, лицо продолговатое, чистое; особые приметы: шрам на лбу под волосами.

Отъезд в Москву все откладывался: Павел Егорович с Евгенией Яковлевной упрасивали Антона продать кухонный стол и магазинные весы. С собой он должен был захватить отцовский киот, грессбух и лавочные ящики, Мишину кровать, а также ведра и корзины с Феничкиными пожитками. Еще раз просили узнать у Селиванова, не думает ли тот вернуть дом. Павел Егорович не смог удержаться от наставления: «Борись с худыми склонностями <...> Я

даю тебе добрый совет и Мамаша то же самое: никогда по своей воле ничего не делать, всегда действовать по нашему желанию, живи, как Бог велел, Твои друзья, истинные друзья – Это Папаша и Мамаша...»

Антон не спешил покидать южные края – он рассчитывал провести лето в Рагозиной балке и в Котломине, в 35 верстах от Таганрога, со школьным приятелем Василием Зембулатовым. Павел Егорович тем временем писал ему: «Мы только будем на вас смотреть да сохнуть».

К концу июля Антон был готов к отъезду. Четвертого августа он получил увольнительное свидетельство для поступления в Московский университет за подписью таганрогского мещанского старосты. Но самое главное – стипендию в 25 рублей серебром, которую выдавали лучшим выпускникам гимназии и о которой Антон хлопотал все лето. Кроме того, ему удалось найти двух постояльцев в родительский дом на Грачевке – это были его школьные приятели Дмитрий Савельев и Василий Зембулатов, – оба были на два года старше Антона и собирались, как и он, изучать медицину в Московском университете. За постой они согласились платить по 20 рублей в месяц. Шестого августа нагруженный поклажей Антон сел в московский поезд и отправился в новую жизнь.

Часть II

Доктор Чехов

Я <...> нередко гордился больше ловкой ампутацией или удачным излечением какой-нибудь упорной сыпи, успехами в верховой езде или победой над женщиной, чем похвалами, которые слышал своим литературным начинаниям...

К. Леонтьев. Моя литературная судьба

Глава 9

Начала

1879 – август 1881 года

Десятого августа 1879 года в доме на Грачевке Антон воссоединился с семьей после двухлетней разлуки⁵⁰. Миша, загоравший у ворот, когда появился Антон, брата не узнал. Павла Егоровича вызвали от Гаврилова телеграммой. Пока готовился праздничный обед, Миша показывал Москву Антону и его приятелям. На следующий день в дом постучался некий дворянин из Вятки и попросил Чеховых взять на постой его сына Николая Коробова, студента-медика. Николай был тихим и непорочным юношей, столь непохожим на своих темпераментных однокурсников, южан Савельева и Зембулатова, однако суровые студенческие будни и Грачевка накрепко связали их на всю жизнь.

Между тем финансовые дела в семействе Чеховых пошли на поправку. Евгения Яковлевна больше не обстирывала чужих людей, а Маша не готовила соседям обеды. За столом ели досыта, и хозяйке удавалось сводить концы с концами. Александр и Коля бывали в доме редко, а вскоре из семейного гнезда выпорхнул и Ваня. У Евгении Яковлевны с Феничкой теперь была женская прислуга. Прожив месяц в полуподвале, Чеховы переехали в дом поприличнее. В комнатах спали по двое, а одна служила столовой и гостиной.

Антон с друзьями записались в университет. Занятия у студентов-медиков проводились в просторных помещениях клиники на улице Рождественка, неподалеку от Грачевки. В те времена московская медицинская школа переживала расцвет – ее профессора приобретали мировую известность, а число выпускников, ежегодно заканчивающих университет после многотрудной учебы, достигло уже двух сотен. Первое поколение истинно русских специалистов вытесняло немецкую профессуру, которая прежде господствовала в российской медицине. Однако первокурсникам еще было рано слушать лекции таких корифеев, как Захарьин, Склифосовский и Остроумов: им преподавали доценты. Антону предстояло изучать неорганическую химию, физику, минералогию, ботанику и зоологию, а также богословие. Первокурсникам преподавали и «анатомию здорового человека». Нынешние студенты обычно имеют дело с вымоченными в формалине человеческими фрагментами, на которых уже поупражнялись десятки других будущих медиков, а в девятнадцатом веке студентам доставались трупы бедняков – висельников, утопленников, чахоточных, тифозных, умерших от голода, холода и алкогольного отравления, а также убитых или насмерть задавленных фабричными машинами. В анатомических театрах новички проходили испытание на прочность – даже будущие философы и филологи приходили туда закалять нервы. Чехов не единственный русский писатель, отточивший наблюдательность и проницательность во время препарирования трупов.

⁵⁰ См.: Чехова М. П. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления // Вокруг Чехова. М., 1990. С. 184–185.

Причины выбора медицины были вполне земные – профессия давала и заработок, и престиж. Учась в университете, Антон не провалил ни одного экзамена, но и звезд с неба не хватало. В терапии ему недоставало решительности, однако талант диагноста и увлеченность судебной медициной пригодились в писательском деле. В дальнейшем его способность распознать неизлечимую болезнь и точно сказать, сколько протянет больной, вызывала у людей страх, а проведенные им вскрытия неизменно получали высокие отзывы специалистов. Отличился он также в психиатрии, в то время пребывавшей в младенческой поре развития. Хороший хирург из него вышел бы едва ли – не хватало жесткости в характере и ловкости в пальцах. Некоторые из близких даже сомневались в правильности выбора врачебной профессии. Гавриил Селиванов, например, писал: «Скажу Вам без лести, что мне приятно было получить Ваше письмо и знать, какую Вы себе избрали карьеру; но к сожалению моему, я прочитал письмо будущего доктора, который не в далеком будущем должен будет на своей профессии отправить несколько десятков человек в вечность <...> Я это говорю Вам не для того, чтобы обезоружить Вас на новом поприще, а для того, чтобы Вы, идя избранной дорогой, знали и помнили, что плохим доктором или дюжинным я бы Вас видеть не хотел»⁵¹.

Антон не прерывал нитей, связывавших его с Таганрогом. Он переписывался с Петей Кравцовым, а также с дядей Митрофаном, он хотел сохранить друзей детства. Да еще приходилось выказывать почтение отцам города, которые всегда неохотно раскошеливались, когда дело доходило до выдачи стипендий.

В Москве Антон вновь сошелся с друзьями из Колиного круга, которых он приобрел в свой приезд в 1877 году, на Пасху. Один из них, учитель черчения Константин Макаров, в конце 1879 года умрет от тифа; другой, Михаил Дюковский, станет восторженным почитателем талантов Коли и Антона, а также Машиним поклонником. Через Дюковского и Колю Антон подружился с двумя студентами художественного училища, которые в какой-то мере определяют его будущее, – с Францем Шехтелем, будущим архитектором и автором обложки первого сборника чеховских рассказов, и Исааком Левитаном, впоследствии ставшим гениальным русским пейзажистом.

Мостиком в литературу, в первую очередь в московские еженедельники, для Антона стал брат Александр, который тоже печатался в них и уже примелькался во многих редакциях. Хотя поначалу толку от него было мало – Александр изучал химию и математику и вместе с приятелями, богатыми, но беспутными братьями-сиротами Леонидом и Иваном Третьяковыми, пытался вести светский образ жизни. Опекун Третьяковых, инспектор народных училищ Московской губернии В. Малышев, помог найти работу для Вани. Он отправил его за тридцать верст от Москвы в уездный город Воскресенск, в приходское училище при фабрике Цурикова. Тот положил Ване приличный оклад и выделил дом, способный в летние месяцы вместить всех Чеховых, – с мая по август Антон, Маша и Миша были свободны от занятий. В свои восемнадцать лет Ваня, дотоле бывший в тягость родителям, теперь сам мог предоставить им кров. Павел Егорович был в восторге – Воскресенск находился как раз по дороге в известнейший Новоиерусалимский монастырь. Брат Митрофан радовался за московских родичей: «Как приятно, что вам есть случай часто бывать в Новом Иерусалиме <...> Худо живу, много грешу, молитесь за меня».

Антон старался пробиться в еженедельные журналы. (Впрочем, рукопись «Безотцовщины», которую он посылал Александру на оценку, была к тому времени им уничтожена.) В октябре он отправил в «Будильник» – у старшего брата там были знакомства – рассказ «Скучающие филантропы», впервые подписанный псевдонимом «Чехонте» – такое прозвище дал ему отец Покровский. Дождаясь от «Будильника» обычного в таких случаях язвительного отзыва, он был удивлен, получив довольно вежливый отказ. Приближалось 24 декабря, день

⁵¹ ОР. 331 58 29. Письма Г. П. Селиванова А. П. Чехову. 1879–1880. Письмо от 5.09.1879.

ангела Евгении Яковлевны, но купить для матери именинный пирог Антону было не на что. Он снова взялся за перо и написал рассказ «Письмо к ученому соседу», в котором спародировал докучливое и пышное пустословие отца и деда. Рассказ был принят журналом «Стрекоза», о чем новоиспеченный автор получил 13 января письменное уведомление.

В «Стрекозе» удалось продержаться лишь год. Ее редактора, И. Василевского, нельзя назвать открывателем талантов⁵² – лишь спустя два года журналы «Будильник» и «Зритель» стали публиковать рассказы Антона, хотя Александр и Коля были там своими людьми. Те пять копеек, которые Василевский платил за строчку авторам, были жалкие гроши: за шесть рассказов, напечатанных во второй половине 1880 года, Антон получил 32 рубля 25 копеек. Подобные журналы имели не менее двух тысяч подписчиков, и тысячи четыре экземпляров продавалось в розницу, всего лишь по 10–20 копеек за журнал. Поэтому никто из постоянных авторов не мог жить на гонорары от публикаций. Попав в эту ловушку, Антон, как и другие писатели, был вынужден сочинять по несколько рассказов в неделю и печатать их под разными псевдонимами в разных журналах – в результате получая не больше, чем зарабатывал Павел Егорович в амбаре у Гаврилова.

Из всего написанного Антоном для «Стрекозы» журнал отверг примерно столько же, сколько напечатал. Начинающий автор показал себя не хуже других, однако предпочел сосредоточиться на пародии. В юмореске «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?» Чехов высмеивает избитые литературные штампы, предпочитаемые пишущей братией, и тем самым предвосхищает свое неприятие подобных приемов в более зрелые годы: «Граф, графиня со следами когда-то бывшей красоты, сосед-барон, литератор-либерал, обедневший дворянин, музыкант-иностранец, тупоумные лакеи, няни, гувернантки, немец-управляющий, эсквайр и наследник из Америки. <...> Семь смертных грехов в начале и свадьба в конце».

Впрочем, в тот год Антон и читателей ничем не поразил, и семейного бюджета не поправил. Коля зарабатывал куда больше, а когда у него появлялись заказы на расписывание декораций или на портреты царя, он не только кутил на широкую ногу, но и приносил деньги домой. Однако Чеховы по-прежнему смотрели снизу вверх на богатую шуйскую родню, а брат Митрофан, даже находясь под впечатлением от увиденных в журналах фамилий племянников, все еще считал москвичей бедными родственниками.

Москвичи же никак не могли пустить корни – пока Антон учился в университете, они сменили десяток адресов. Весной 1880 года семья перебралась в новый дом – на той же Грачевке, принадлежащий священнику И. Приклонскому. Но даже при том, что кое-какой доход давали постояльцы, а у Вани была неплохая работа, Чеховых снова начали давить долги. В апреле Павел Егорович упрекал Антона: «Примером тому служит долг, не отданный два года, за взятый из Бакалейной Лавочки товар. Меня потрясает всякое неправильное действие и вредит моему здоровью. Я тогда рад и доволен, когда со стороны детей соблюдается скромность, умеренность и аккуратность в жизни. <...> Мишу я стал замечать, что он стал требовать, чего не заслуживает. <...> Жаль, что Коля не вникает в дело, пора уж ему образумиться и быть фундаментальным человеком. Художество бросил, а занялся таким делом, которое ему ничего не дает, ни денег, ни звания. Мне весьма неприятно, что наши с мамашей старанье и направление ему дано прямое, а он по своей собственной пошел воле и желанию, сбился с дороги и погряз в болото <...> Саша полжизни укоротил мне и потряс мое здоровье. Антоша, друг, что я написал заметь и дорожи этими словами и передай братьям. П. Чехов».

Сдавая экзамены в апрельскую сессию, Антон получил по анатомии лишь тройку (у Александра, также изучавшего естественные науки, этот предмет шел на «отлично»). Вместе с братом и сокурсниками он топил свои горести в пунше и коньяке, шатаясь по питейным

⁵² Судьба «Стрекозы» была переменчива. Однако после 1906 года, когда цензура практически прекратила существование, журнал, поменяв название на «Сатирикон», превратился в один из самых острых юмористических журналов Европы.

заведениям Сокольнического парка. Как-то, проведя веселую ночь с лоретками из «Салона де Варьете», Антон с Александром написали Коле хмельное послание, а в приписке к Ивану Антон дал хвастливую эротическую аллегория: «Переулки солил да в целомудрие кремтартара молотком лампы вбивал».

Дядя Митрофан не ведал об этом ни сном, ни духом. Получая от Антона реляции о его московском житье-бытье, он ходил с ними по домам и зачитывал за обедом соседям, священникам и родичам. На летние каникулы он позвал Антона в Таганрог, и тот с радостью принял приглашение. Да и таганрогские власти дали понять, что выделенную ему стипендию следует получить лично в руки. Сокурсники Антона в начале лета тоже разъехались по домам: Коробов отправился на Урал, Зембулатов – в Котломино. Что же до братьев Чеховых, то им не терпелось уехать подальше от чудачеств отца. Как-то раз, хватив лишку, он повздорил с постояльцем и потом пытался выгородить себя в письме к Антону: «Скандал непредвиденный. Дмитрий Тимофеевич [*Савельев*] хуже всякой бабы. Он у меня выпил три рюмочки, его и забрало, ну значит, никто ему не попадается, я очень жалею, что с ним разговаривал, он благодаря водочке повернул мои слова в дурную сторону, перековеркал наизнанку все. Бог с ним! Я его извиняю, но мне совестно перед Марией Егоровной [*Полеваевой*] и Каролиной Егоровной [*Шварцкопф*]]»⁵³.

В то время как Александр решил провести лето в загородной усадьбе богатого друга Леонида Третьякова, Антон отправился к Василию Зембулатову – будущие медики препарировали крыс и лягушек и бродили по степям. Лишь потом он появился в Таганроге, где первым делом забрал в городской управе стипендиальные 75 рублей, из которых 15 переслал отцу. И все же при отъезде в Москву 26 августа ему пришлось просить у Зембулатова аванс за квартиру – за месяц в Таганроге он порядком поиздержался.

В июле Коля и Антон, как представители «московских» Чеховых, вместе с Гавриилом Селивановым и дядей Митрофаном приняли участие в пышном мероприятии города Таганрога – свадьбе своего родича Онуфрия Лободы. Антон по случаю надел невероятных размеров шапокляк, который то и дело сдувало ветром по дороге в церковь. Коля отобразил событие в злой карикатуре, которую Антон снабдил едкими подписями. Таганрог надолго запомнил и свадьбу, и карикатуру, которая осенью была напечатана в журнале «Зритель». Антон с Колей предусмотрительно покинули Таганрог вскоре после свадьбы. Антон разлучился с родным городом почти на шесть лет.

Евгения Яковлевна отправилась с младшими отпрысками к Ване в Воскресенск. Оставшись в Москве, Павел Егорович одолевал Антона и Колю поручениями: навестить отца Василия Бандакова, узнать, что слышно о старой няне, заехать в Твердохлебово (ближний свет – 600 верст от Таганрога!) поклониться гробу деда, аккуратно осведомиться о благосостоянии кредиторов и, не последнее дело, купить «у Титова или на старом базаре у Яни» полведра сантурина вина, по четыре с полтиной за бочонок⁵⁴.

В те годы по окончании гимназии таганрогских сверстниц Чехова ожидала незавидная судьба – все сколько-нибудь предприимчивые и способные выпускники отправлялись на учебу в университеты Москвы, Петербурга или Харькова. Под неусыпным родительским оком барышням оставалось бренчать на фортепьяно да вышивать крестиком наволочки для подушек – из женихов в городе были лишь купеческие и чиновничьи сынки, честолюбием явно не страдавшие. Стать же акушеркой или учительницей для выпускницы гимназии означало обречь себя на тяжелый труд и лишения. Был еще один путь – сбежать с заезжим актером или музыкантом, покрыв семью несмываемым позором. Девичья душевная тоска прозвучит элегией в поздних чеховских рассказах, отмеченных темой провинциальной неволи.

⁵³ ОР. 331 81 20. Письма П. Е. Чехова А. П. Чехову. 1879–1885. Письмо от 18. 06. 1880.

⁵⁴ ОР. 331 81 16. Письмо П. Е. Чехова Н. П. Чехову от 23.08.1880.

В Москве, среди бездушных и расчетливых красоток, Антон скучал по бойким таганрогским гречанкам. В Таганрог они с Колей приехали в надежде на романтические приключения. Коля распускал перья перед Любочкой Камбуровой, называя ее «царица души моей, дифтерит помышлений моих, карбункул сердца моего», а сам волочился за ее подругой Котиком. Из всех таганрогских барышень наиболее смелой оказалась Липочка Агали. В октябре она писала: «Многоуважаемый Антоша или Антон Павлович! Спешу ответить на Ваше последнее письмо, за которое шлю Вам пребольшое спасибо, от себя и от Мама. Никто из Ваших знакомых барышень не решается Вам писать, боясь Вашей критики над их правописанием. Но я не боюсь, так как уверена, что Вы не будете смеяться надо мною, ведь Вы мой защитник»⁵⁵. Селиванов не без цинизма поздравил Колю: «Я очень рад, что так удачно и счастливо сложились Ваши дела. Вы, кроме того, что <нрзб.> приняли за Ваше дело, которое может с пользою увенчаться успехом, <нрзб.> поправить Ваши финансы и приобрели натуру, которою, если не ошибаюсь, Вы пользуетесь и вкось и впрямь, то есть на холсте и простыне – а она и не дурна собой – портрет я ее видел».

Из Таганрога Антон привез с собой в Москву человеческий череп и украсил им свою комнату в новом доме на Сретенке: в ноябре 1880 года семейство Чеховых перебралось в более пристойный особняк в Головином переулке. Домохозяйка, госпожа Голуб, явно прониклась симпатией к Антону. А чеховские квартиранты Коробов, Савельев и Зембулатов съехали, найдя себе хозяев поспокойнее.

Второй курс университета был нелегким – с утра студенты резали трупы, а по вечерам штудировали, фармакологию. В начале 1881 года медицина отнимала у Антона гораздо больше времени, чем литература. В еженедельниках к начинающему автору несколько охладели: «Стрекоза», отказывая ему, не стеснялась в выражениях, а ее редактор Василевский заявил напрямик: «Не расцвев – увядаете. Очень жаль». На поиски более благосклонного печатного органа ушло полгода. В популярные издания начала вмешиваться политика. Цензура в том году стала столь суровой, что журналы, в которых Антон напечатал свои первые вещи, оказались под угрозой закрытия. Журнал «Свет и тени» был приостановлен на полгода из-за рисунка на обложке, изображавшего виселицу, сооруженную из перьев и чернильниц. Надпись под ним гласила: «Наше оружие. Для разрешения насущных вопросов».

У публики отпало настроение шутить. К весне атмосфера стала еще более гнетущей. Первого марта в Петербурге народовольцы убили императора Александра II. По городу прокатилась волна арестов, а перед послами иностранных держав устроили варварский спектакль: виновные были казнены на виселице пьяным палачом. Московских профессоров, призвавших Александра III отсрочить исполнение смертного приговора, лишили места. И хотя царская семья была убеждена, что Бог наказал Александра II за прелюбодеяние и подрыв самодержавия, это не облегчило участи заговорщиков. Александр III, солдафон по натуре и поклонник Бахуса, сделал блюстителем нравов своего наставника, прокурора Священного синода Победоносцева. Последний считался интеллектуалом – он взял на себя смелость наставлять Достоевского в его работе над «Братьями Карамазовыми». Он держался взглядов, что государство существует лишь для того, чтобы готовить граждан к загробной жизни, а необузданная пресса, по его мнению, нисколько не помогала спасению души. Число фискалов умножилось многократно. Анисим Петров, приехавший к Чеховым на месяц из Таганрога, похоже, следовал указаниям свыше⁵⁶.

Студенчество заволновалось. По воспоминаниям Николая Коробова, Антон «активного участия в общественной и политической жизни студенчества не принимал». Однако по поводу

⁵⁵ ОР. 331 35 9. Письма О. и П. Агали А. П. Чехову. 1880–1881.

⁵⁶ ОР. 331 55 21. Письма Анисима (Онисима) Петрова А. П. Чехову. Чехов лишь раз использовал имя Анисим в своих сочинениях, окрестив так малограмотного и явно тронутного умом взяточника-полицейского в повести «В овраге» (1899).

антисемитизма он высказался открыто. Когда его бывший одноклассник Соломон Крамарев, жалуясь на притеснение евреев в университете Харькова, написал ему: «Жидов бьют теперь всюду и везде, отчего не нарадуются сердца таких христиан, как ты, например»⁵⁷, Антон выразил ему горячую поддержку: «Приезжай учиться и поучать в Москву: таганрожцам повезет в Москве. <...> Биконсфильдов, Ротшильдов и Крамаревых не бьют и не будут бить. <...> Когда в Харькове будут тебя бить, напиши мне: я приеду. Люблю бить вашего брата-эксплуататора».

Той же весной Антон утвердил себя главой семьи, строго выговорив Александру за пьянство и семейные склоки: «„Быть пьяным“ не значит иметь право срать другому на голову». Напечатать ничего не удалось – возможно, он был занят своей первой (из уцелевших) пьесой – громоздкой мелодрамой, получившей известность по имени главного героя: «Платонов». Из Мишиных воспоминаний (которые, впрочем, больше похожи на легенду) следует, что ему дважды пришлось переписывать текст и передавать его актрисе Ермоловой. Она пьесу отвергла, и Антон больше никогда не возвращался к рукописи. Ее сценическое воплощение было рассчитано на пять часов, а текст изобилует штампами и провинциализмами. И все-таки «Платонов» послужил исходной моделью для чеховской драматургии: в центре сюжета – идущее с молотка имение, которое никто не в силах спасти. Даже странные, доносящиеся из степной шахты звуки отзовутся позднее в «Вишневом саде». Главный герой, мечтая (как впоследствии дядя Ваня) о поприще то Гамлета, то Колумба, растрчивает жизнь в бессмысленных романах, а врачу не удается предотвратить самоубийства. Автору не хватает знания законов сцены, он грешит длиннотами и не блещет остроумием, однако в нелепости происходящего, в чувстве обреченности и во множестве литературных аллюзий, начиная с Шекспира и кончая Захер-Мазохом, безошибочно узнается Чехов-драматург. Пьеса показала, что Чехов способен на крупные, серьезные работы.

В июне 1881 года один из рассказов Антона был наконец принят «Будильником». Потом пройдут месяцы, прежде чем он станет постоянным автором журнала, однако, общаясь с редакцией, Антон сполна вкусил литературной поденщины и окунулся в журналистскую богему. Владельцем «Будильника» был бесталанный пройдоха, а один из редакторов, Петр Кичеев, был замешан в убийстве студента.

К лету жизнь стала спокойнее, и можно было подумать об отдыхе. Один лишь Ваня не мог покинуть своего места в Воскресенске, поскольку получил указание от Павла Егоровича: «Никуда не отлучайся <...> приготовься встретить с подобающей честью своих: Мамашу, брата и сестру». В конце июля Антон приехал в Воскресенск, где его ждали мать и младшие Чеховы. Здесь же, если судить по его письму к шуйскому родственнику, у него снова был сильнейший приступ «перитонита» – того самого, от которого он чуть не погиб, будучи мальчишкой. Оправившись, он взялся помогать врачам в больнице села Чикино, неподалеку от Воскресенска, и благодаря им же, особенно Петру Архангельскому, укрепился в своем призвании. Весь август напролет Антон заботливо ухаживал за больными крестьянами, бесконечной чередой тянувшими в больницу за помощью. Доктору Чехову пришлось иметь дело с рахитом, глистами, дизентерией, туберкулезом и сифилисом – болезнями, имевшими широкое распространение среди российского крестьянства.

⁵⁷ ОР. 331 48 49. Письма С. Крамарева А. П. Чехову. 1881–1904.

Глава 10

«Зритель»

сентябрь 1881–1882 года

В сентябре 1881 года студенты-медики приступили к изучению новых предметов – диагностики, акушерства и гинекологии. Тогда же они получили возможность иметь дело с живыми пациентами. Центральное место в учебной программе занимала венерология, скрывавшаяся под обобщающей формулировкой «кожные болезни» и приносявшая немалый доход многим практикующим врачам. В российских городах, как и во Франции, состояние здоровья проституток регулировалось обязательным медосмотром. В Москве их толпами гоняли на проверку в полицейский участок – девиц из публичного дома два раза, а «внештатных» желтобилетниц – раз в неделю. Начинаящий врач мог неплохо на этом заработать. С тем чтобы пресечь распространение сифилиса в городах, эту унизирующую процедуру, несмотря на протесты прогрессивных медиков, никто не собирался отменять. Как впоследствии выразился Антон, врач становился крупным специалистом «в этом департаменте».

Если у Чехова и были «проблемы с женщинами» в том смысле, что близость с ними непременно должна быть легкомысленной, порой анонимной и не предполагающей эмоциональной привязанности, то эти проблемы вполне могли иметь причиной его свидания с проститутками из «Салона де Варьете», Соболева переулка, с Малой Бронной, с которыми он встречался не только по долгу службы. Он никогда не отрекался от них: даже заведя знакомство с более пристойными женщинами, с ностальгией вспоминал студенческие годы и тогдашнее свое увлечение – балерину, благоухавшую конским потом. В первые три года московской жизни подругами Антона были безымянные обитательницы домов под красным фонарем.

Благодаря литературе чеховский круг общения стал намного шире. Его пригласили сотрудничать с журналом «Зритель», выходившим в Москве иногда раз в неделю, а иногда и чаще. Этот печатный орган на Страстном бульваре обеспечил работой четверых братьев Чеховых и стал для них своеобразным клубом: Александр служил здесь секретарем редакции, Коля подрабатывал иллюстратором, Антон регулярно поставлял юмористические рассказы, а Миша, забегавший туда после школы, иногда делал переводы и сервировал чай. Всеволод Давыдов, основатель журнала и его главный редактор, был, в отличие от Кичеева из «Будильника», вполне в здравом уме и более доброжелателен, чем Василевский из «Стрекозы».

Лучшие свои работы Коля создал, будучи в «Зрителе», где его любили не только коллеги, но и секретарша Анна Ипатьева-Гольден, прожившая с ним семь лет в гражданском браке. В жизнь Антона вошла тема «трех сестер», и в последующее десятилетие братьев Чеховых свяжут отношения по крайней мере с пятью сестринскими трио. Анна, Анастасия и Наталья Гольден оставили в жизни братьев особенно глубокий след. Анастасия Путята-Гольден, как и ее сестра Анна, работала в редакции секретаршей и сожительствовала с Николаем Пушкиревым, редактором журналов «Свет и тени» и «Мирской толк»⁵⁸. Только младшая из сестер, Наталья, была не замужем. Встретив Антона, она полюбила его на всю жизнь, в то время как его ответных чувств хватило лишь на два года. Анна и Анастасия были статными блондинками, которых недоброжелатели окрестили кличками «кувалда номер один» и «кувалда номер два». Наталья Гольден на них не походила – это была хрупкая девушка еврейской наружности с вьющимися темными волосами и носом с горбинкой. О происхождении сестер Гольден

⁵⁸ Муж Анастасии, Н. А. Путята, был соредактором журнала «Свет и тени».

известно лишь то, что они были из семьи евреев-выкрестов. В начале восьмидесятых годов эти женщины с несколько скандальной репутацией накрепко привязали к себе и Антона, и Колю⁵⁹.

Брат Александр нашел свою любовь в другой редакции. На писанный им рассказ «Карл и Эмилия» произвел сильное впечатление на сотрудников «Будильника», а сам автор покорила сердце секретарши Анны Хрущевой-Сокольниковой. Она вытеснила из жизни Александра сестер Полеваевых, стала его гражданской женой и родила ему троих детей. Поседевшая и располневшая, Анна была на восемь лет старше Александра и к тому же страдала туберкулезом. От первого брака она уже имела троих детей и поскольку была виновницей развода, то по законам русской православной церкви не могла повторно выйти замуж⁶⁰. Павел Егорович, с одобрения Евгении Яковлевны и Антона, отказался признать детей Анны и Александра своими внуками.

Евреев же Павел Егорович уважал и отмечал еврейскую Пасху столь же истово, как и православную. Незамужняя Наталья Гольден возражений у него не вызывала, равно как и то, что Антон иногда ночевал у нее дома. Антон оставался у Натальи под предлогом подготовки к экзаменам: так или иначе, в доме Чеховых он жил в одной комнате с Мишей и об уединении не могло быть и речи. Вскоре Антон и Наталья стали называть друг друга «Наташеву» и «Антошеву»⁶¹.

Итак, любовь и литература связали Колю и Антона со «Зрителем», а Александра – с «Будильником». Благодаря Анне Сокольниковой Антон через год печатал свои рассказы и в «Будильнике», а через Анастасию Путятю-Гольден познакомился с редактором «Света и тени» и «Мирского толка» и стал сотрудничать с этими журналами.

Богемный мир московских еженедельников и кафешантанов, таких как «Салон де Варьете», куда навещалась пишущая братия, давал Антону возможность не только повеселиться, но и излить на бумаге критическую желчь. Одна из подобных заметок появилась в октябре после его визита в «Салон» в компании двух богатых родичей из Шуи – Ивана Лядова и его шурина Гундобина, которого Чехов окрестил Мухтаром в честь турецкого генерала, воевавшего с русскими на Кавказе. Подпиши Антон статью своим настоящим именем, и для всех Чеховых двери «Салона» были бы навсегда закрыты. В заметке Антон живописует барышень «Салона», всех этих Бланш, Мими, Фанни и Эмм, приехавших в Россию в поисках счастья и успеха и оказавшихся в сомнительных кафешантанах, куда пришли развлечься Коля, Иван Иванович и Мухтар. Главный критический выпад автор, скрывшийся под псевдонимом Антоша, приберег под конец заметки – он советует хозяевам брать деньги с посетителей не за вход, а за выход, и тогда выручка «Салона» возрастет куда быстрее. Антон не раз направлял против «Салона» свое сатирическое перо – возможно, по этой причине заведение было в конце концов закрыто и заново открылось в 1883 году под названием «Театр-Буфф». Сарказм чеховской заметки несколько не вяжется с Колиной иллюстрацией в полный разворот, на которой любовно изображены кокетливые «хозяйки», лихие танцовщицы канкана и азартные картежники.

В сентябре, все еще под впечатлением от шумной семейной свадьбы, тетушка Марфа Лобода поздравляла Антона с писательским успехом. Ей было невдомек, какой сюрприз готовили для своих родичей племянники. Недолго Таганрог восхищался молодыми талантами. В октябрьском выпуске «Зрителя» (в том самом, где была напечатана сатира «Салон де Варьете») появилась Колина карикатура «Свадебный сезон» с подписями Антона. Члены семейства Лобода, Чеховы и Гавриил Селиванов увидели свои физиономии среди гостей: пья-

⁵⁹ Несмотря на то, что сестры Гольден были тесно связаны с Чеховыми, младшие братья Антона, как и его сестра, вычеркнули их имена если не из своей памяти, то из своих воспоминаний.

⁶⁰ ОР. 331 82 12. Документы А. И. Хрущевой-Сокольниковой, урожд. Александровой.

⁶¹ От *фр.* «Natash-chez-vous» и «Antosh-chez-vous», т. е. «Наташа у вас» и «Антоша у вас».

ный Митрофан, жених Онуфрий Лобода («Глуп как пробка... женится из-за приданого»). Гавриила Селиванова Антон назвал Дон Жуаном. Скандал разразился после того, как в Таганрог приехал Александр. Он советовал в письме Коле и Антону: «Если вам обоим дороги ваши бока, то не советую вам ездить в Таганрог. Лободины, Селиванов, сродники и южики – все сплошь серьезно обозлены на вас за „Свадьбу“ в „Зрителе“. Здесь на эту карикатуру смотрят, как на выражение чернейшей неблагодарности за гостеприимство. Узнал я это сице: вчера приехал Селиванов, и я сегодня побывал у него. <...> Он скоро объяснился следующей речью: „Я вам скажу, что это со стороны Антона Павловича и Николая Павловича низко и недобросовестно почерпать материалы для своих карикатур из тех домов, где их принимали, как родных. <...> Я не знаю, чем я заслужил это оскорбление“».

Антон эти волнения ничуть не тронули – он ответил, что «лободинские номера нам все не нравятся, начиная с Ивана Ильича и кончая им, Аносей [*Онуфрием*]». У Чехова вообще был своего рода моральный изъян – несмотря на отзывчивость и способность к глубокому сопереживанию, он никогда не мог попить, за что обижаются на него люди, чью частную жизнь он выставил на посмеище. Митрофан Егорович, по всей видимости, никогда в жизни не напивался допьяна и карикатуру в «Зрителе» счел предательством – как это издевательство можно увязать с Антошиными заверениями в любви? Тетя Марфа прекратила переписку с ним на несколько лет; не отвечал на письма Антона и Гавриил Селиванов. Милейшая Липочка Агали – возможно, та самая красавица, которая была высмеяна в карикатуре как «царица бала», – тоже перестала писать ему. Еще не раз Антон в своих рассказах смущал и унижал близких ему людей, но никогда не признавал этого и тем более не раскаивался в том, как скверно он с ними обошелся.

Впрочем, теперь он избрал для своих нападков цель куда более солидную. Двадцать шестого ноября 1881 года после гастролей по Америке и в Вене в Москву пожаловала знаменитая французская актриса Сара Бернар, собираясь дать в Большом театре двенадцать спектаклей «Дама с камелиями» Дюма-сына. Московские критики отзывались о ней не слишком лестно, однако больше всего ей досталось от Антоши Чехонте в ноябрьских и декабрьских выпусках «Зрителя»⁶². Отказав Саре Бернар и актерском таланте, Чехов объявил ее безжизненной, скучной и не достойной его пера, плати ему редактор хоть 50 копеек за строчку. Приговор его был жестоким: «В ней нет огонька, который один в состоянии трогать нас до горячих слез, до обморока. Каждый вздох Сары Бернар, вся ее игра – есть не что иное, как безукоризненно и умно заученный урок».

Потом и в собственной пьесе Чехова появится похожая актриса. Аркадина в «Чайке» – это любующая собой эгоистка, которую следует поставить на свое место. Рецензии на выступления Сары Бернар стали первым пушечным залпом в войну, которую Чехов как драматург, а впоследствии Станиславский как режиссер повели против театральных знаменитостей со всей их претенциозностью. Как и в случае с «Салоном де Варьете», Антон благоволил к актрисам в частной жизни и не жаловал на публике.

Чехов постепенно утверждал себя как журналист. Наведываясь в «Будильник», он виделся там с самым отчаянным московским репортером Гиляровским, или дядей Гиляем – человеком, на котором держался лучший печатный орган столицы «Московская газета». Колю с Антоном как-то пригласили войти в основатели Московского гимнастического общества (в те годы Антон был широкоплеч и мускулист). Первым, кого они увидели, придя в гимнастический зал, был чемпион России по боксу Селецкий в поединке с дядей Гиляем. В Гиляровском Антон увидел идеал всесторонне одаренной личности. Самому ему не довелось посещать воровские притоны у Хитрова рынка, пить ведрами водку, выкорчевывать вручную деревья,

⁶² Отзывы Чехова совпали с мнениями двух почитаемых им людей – И. Тургенева и его будущего издателя А. Суворина, однако узнать об этом ему доведется лишь пять лет спустя.

останавливать за задок несущийся экипаж, укрощать дикую лошадь, выводить из строя силомеры в саду «Эрмитаж», вносить на руках друзей в отходящий поезд и совершать какие-либо другие из легендарных подвигов дяди Гиляя, однако, вознамерившись впоследствии стать журналистом, исследователем и земледельцем, а также врачом и писателем в одном лице, Антон явно следовал примеру Гиляровского.

Насколько позволяла бдительная цензура, Антон обращался к криминальным темам. В 1881–1882 годы три крупных скандала взбудоражили Россию: произошедшая 30 июня 1882 года на Московско-Курской железной дороге Кукуевская катастрофа, в которой под сорвавшимся с насыпи поездом погибли десятки пассажиров; дело Рыкова (тянувшееся вплоть до 1884 года), связанное с растратой миллионов рублей директорами банков, и арест таганрогских купцов и таможенников, замешанных в контрабанде. Во всех трех случаях виновные понесли столь мягкое наказание, что мало у кого после этого осталась вера в неподкупность властей. После Кукуевки люди стали опасаться путешествий по российским железным дорогам, а правительство запретило обсуждать в прессе подробности подобных катастроф. В рассказах Чехова зазвучала нота того мрачного недоверия к железной дороге, которую мы слышим в «Анне Карениной» или «Идиоте».

Дело таганрогской таможни напрямую коснулось семьи Чеховых. В июне 1881 года Александр окончил Московский университет. Желая поселиться одним домом с Анной Сокольниковой и подальше от строгого ока Павла Егоровича, он получил место в таганрогской таможне, освободившееся после ареста одного из проштрафившихся чиновников.

К середине 1882 года заработки Антона в «Зрителе» и «Будильнике» заметно поправили финансовое положение семьи. (И тем не менее он не отказался под Пасху порепетировать семилетнего сына сенатора А. Яковлева.) Его пригласил к сотрудничеству солидный иллюстрированный еженедельник «Москва», и в соавторстве с Колей он взялся писать роман-миниа-тюру «Зеленая коса», повествующий о жизни обитателей усадьбы на Черном море. И снова его персонажи были похожи на реальных людей: это художник Чехов, Мария Егоровна (очевидно, Полеваева), напоминающий самого Антона безымянный рассказчик – он обучает дочь героини немецкому языку и устройству ловушек для щеглов. «Зеленая коса» показала, что Чехов способен пародировать жанр бульварного романа, пользовавшегося у публики большим спросом. Следом и Курепин стал заманивать его предложением написать для «Будильника» стилизацию, которую бы публика приняла за чистую монету. В результате появилось сочинение под названием «Ненужная победа», которое журнал печатал с продолжением с июня по сентябрь и которое принесло Антоше Чехонте несколько сотен рублей. Пародия содержит все атрибуты бульварного романа – певица, с начала безвестная и несчастная, а потом увенчанная славой, и отчаянно влюбленный в нее благородный господин. Читатели приняли безделицу за переводной роман венгерского писателя Мора Йокаи⁶³. Работая над повестью, Антоша Чехонте нещадно эксплуатировал свой писательский талант.

Летом 1882 года, сдав университетские экзамены, Чехов сделал первый шаг на пути к серьезной литературе. Опубликованный в «Москве» рассказ «Барыня» изобилует расхожими штампами – это и эгоистичная сластолюбивая вдовушка, и злокозненный поляк-управляющий, и честный крестьянин, и бурная развязка, и обличительный гнев повествователя. Тем не менее рассказ предвосхищает более зрелые вещи – из «Барыни» вышли и поздние чеховские рассказы об угнетенном крестьянстве, и его проза середины восьмидесятых годов, один из мотивов которой – чувственность, переходящая в жестокость.

Успех настолько окрылил Чехова, что одного псевдонима ему показалось мало, и от «Антоши Чехонте» отпочковались «Человек без селезенки» и «Г-н Балдастов». Подрядив Колю иллюстратором, Антон собрал 160 страниц своих лучших рассказов, чтобы опубликовать

⁶³ В двадцатом веке из «Ненужной победы» выросло четыре киносценария.

их книгой. Продажей решил заниматься сам (альманах имел несколько вариантов названий – «Шалопай и благодущные», «Шалость» и «На досуге»). Однако 19 июня 1882 года цензор отклонил его прошение. В повторном прошении Антон указал, что рассказы уже печатались в подцензурных изданиях, и поначалу возражений не последовало, однако потом тучи на общественном небосклоне сгустились, и книга была отвергнута в корректурных листах.

Чтобы содержать семейство, Антону пришлось бы поставлять в московские еженедельники не меньше сотни рассказов в год. Ваня, однако, был уже материально независим, да и Александр, собираясь занять пост в таможне, мог рассчитывать на приличное жалованье. Между тем Маша и Миша продолжали учиться, а Коля и Павел Егорович семейный бюджет поправляли слабо. Были и другие иждивенцы: тетя Феничка, гончая Корбо и кот Федор Тимофеевич, которого принес в дом Александр, обнаружив в надворном туалете. Когда Федор Тимофеевич устраивался на коленях у Антона, тот умиротворялся, и именно к этому коту он впервые обратился со словами, которыми затем охарактеризовал и себя, и братьев: «Кто бы мог ожидать, что из нужника выйдет такой гений!»

Глава 11

Семейные осколки

1882–1883 годы

Двадцать пятого июля, не расплатившись с долгами и не сказав Чеховым, что у Анны пошел третий месяц беременности, а также оставив на Феничку собаку Корбо, Александр со своей невенчанной женой и ее сыном, подростком Шурой, отправились в Тулу. Там они задержались лишь на день, отдали Шуру на попечение родственникам Анны и двинулись дальше, в Таганрог. По дороге попадались знакомые лица: «В Туле, Антоша, я видел на вокзале твою невесту, иже во Грачиках, и ее маменьку. Об этой маменьке говорят, что, садясь в седло, сломала лошади спину». Александру родной город жены не понравился, и он послал Антону сочиненную им антиоду Туле:

Я в Тулу с трепетом въезжал,
Туда подруга дней моих сая
Меня влекла, не понимая
Что быть я в Туле не желал,
Что я от этого страдал.

В Таганроге поначалу все шло хорошо. Александр вернулся в город своего детства во всем великолепии: выпускник университета, государственный служащий и, похоже, женат на даме из благородных. Остановившись в гостинице «Европа», Александр заявился в лавку к Митрофану Егоровичу покупателем и попал в крепкие дядюшкины объятия. По законам гостеприимства, Митрофан и Людмила (к тому времени у них уже было четверо детей) забрали Александра с его половиной из гостиницы и поселили у себя – в обмен племянник стал обучать грамматике их двенадцатилетнего сына Георгия. Затем они, платя за постой, какое-то время жили у старых друзей, Агали. Однако вскоре до Таганрога дошел номер «Зрителя» с Колиной и Антоновой карикатурой свадьбы Лободы, и из всех земляков, кто был по-прежнему рад видеть Александра, осталась, пожалуй, лишь чеховская нянька Агафья.

Антон, впрочем, о Таганроге не вспоминал. Весь июль он провел в Москве, зарабатывая на хлеб насущный, а мать с младшими Чеховыми в это время гостила у Вани в Воскресенске. Павел Егорович частенько оставался ночевать дома, поэтому Коля с Антоном перебрались на дачу к Пушкиреву и спутнице его жизни Анастасии. Всеми покинутый, Павел Егорович стал призывать из Воскресенска жену с младшими детьми и угрожать старшим, что заявится к Пушкиреву. Пользуясь дружеским расположением редактора, Антон публиковал свои рассказы в его журналах. В «Мирском толке» стали подбирать вещи посерьезнее, и Антон предложил им рассказ «Живой товар», своей непреходящей темой любовного треугольника напоминающий «Вечного мужа» Достоевского: любовник замужней женщины обрекает себя на пожизненную заботу о ее супруге.

Осенью Пушкирев начал публиковать в «Мирском толке» доселе самое длинное из сочинений Чехова – «Цветы запоздалые». (Повесть была посвящена бывшему постояльцу Чеховых, студенту-медику Николаю Коробову.) Цветами запоздалыми автор назвал переживающее тяжелые времена благородное семейство. Сюжетная линия повести сыровата, но вполне определена. Главный герой разделяет потаенные мысли Чехова: доктор-простолюдин процветает, в то время как «цветы запоздалые» вянут и чахнут. Подобный сюжет, правда в несколько смягченном варианте, Антон вновь использовал в 1899 году в рассказе «Ионыч».

«Живой товар», «Цветы запоздалые» и «Барыня» стали серьезной заявкой – они принесли Чехову уважение, популярность и деньги. Между тем четвертый курс университета Антону дался тяжело. Студенты перешли к хирургии и внутренним болезням. Для практических занятий Чехов выбрал педиатрию – он писал историю болезни Екатерины Курнаковой, парализованной и страдающей врожденным сифилисом девочки, которую наблюдал три месяца⁶⁴. Напряженная учеба в сочетании с литературной поденщиной и активной личной жизнью потребовали от Чехова невероятных усилий и целеустремленности.

Однако чтобы сделать себе имя, писатель должен был печататься в Петербурге – считалось, что лишь столичная периодика имеет дело с серьезной литературой. Своим дебютом в Петербурге Чехов был обязан поэту Лиодору Пальмину, который успевал печататься всюду. Впервые увидев поэта в редакции «Будильника», Чехов принял его за бродягу – Пальмин был неряшлив в одежде, сутул и с оспинами на лице. Популярность Пальмин заработал на горстке стихов гражданского содержания и на элегантных переводах античных поэтов, хотя наиболее талантливо он проявил себя как импровизатор. Среди собратьев по перу он выделялся какой-то особой способностью к состраданию. Кочуя с квартиры на квартиру (в самых захолустных кварталах Москвы, чьи обитатели по вечерам предпочитали сидеть по домам) в компании прислуги Пелагеи, впоследствии ставшей его женой, Пальмин подбирал на улицах бродячих собак, кошек, уток и прочих бездомных тварей. Вдобавок поэт и его подруга крепко выпивали⁶⁵. Однако Чехов расположился к Пальмину не менее, чем к дяде Гиляю; симпатия между ними была взаимной.

В октябре навестить Пальмина приехал редактор петербургского еженедельника «Осколки» Николай Лейкин. Отобедав у Тестова, на выходе они повстречались с Колей и Антоном Чеховыми. Пальмин представил их Лейкину, который прослыл охотником за молодыми талантами. К середине ноября Лейкин принял к печати три чеховские вещицы, а две забраковал. Платил он по восемь копеек за строчку, новое сочинение требовал еженедельно и выделил Антону четверть своего журнала. Коля поставлял в журнал иллюстрированные развороты и рисунки для обложек. Лейкин был самым плодовитым из российских писателей-юмористов – его рассказы были известны каждому таганрогскому мальчишке. Как редактор он был беспощаден и вмешивался в текст, не ставя в известность авторов, однако благодаря умению отбиваться от цензуры он снискал себе немалое уважение и привлек к сотрудничеству даже таких крупных литераторов, как Николай Лесков.

Со временем, несмотря на еженедельный обмен откровенными письмами⁶⁶, Антона стало раздражать фанфаронство Лейкина и его чрезмерная требовательность. И все же этот богатый выскочка и чудаков не мог не восхищать своей любовью к детям и животным – он усыновил подброшенного под дверь младенца, а для двух своих гончих, Апеля и Рогульки, украсил новогоднюю елку кусками сырого мяса. Хотя Лейкин вызывал у Антона физическую неприязнь (коренастый и волосатый, он получил кличку «хромой черт») и всячески манипулировал им, начинающий писатель был благодарен своему редактору за признание его таланта. Лейкин требовал исключительных прав на сочинения Чехова, так что московским журналам доставалось все меньше его рассказов. Эта ревность заметно усилилась к концу года, когда подписчики решали, какой журнал предпочесть на будущее. Лейкин желал показать, что все, кто хочет читать рассказы Антоши Чехонте, должны покупать «Осколки». Однако двигали им исключительно меркантильные соображения, и единственное, в чем с ним соглашался Антон, было требование краткости, точности и возможно более скорого выполнения заказа. Именно под нача-

⁶⁴ Первая страница истории болезни Е. Курнаковой приводится в: *Гейзер И. Чехов и медицина*. М., 1960. С. 12.

⁶⁵ Фразу, с которой Пелагея каждый вечер обращалась к Пальмину, – «Вам не пора пиво пить?» – Чехов позднее вложил в уста кухарки доктора Рагина в рассказе «Палата № 6».

⁶⁶ ОР. 331 50 1а-м. 205 писем Н. А. Лейкина А. П. Чехову 1882–1897.

лом Лейкина, да еще при жестком попечительстве цензуры, Чехов стал вырабатывать в себе способность к упругой, ироничной фразе, живому диалогу и выразительной сжатости текста.

Жизнь Чехова теперь подчинилась новому ритму: «Осколки» выходили по субботам, так что во вторник кто-то из близких бежал на вокзал отправить в Петербург почтовым поездом очередное сочинение Антона, чтобы Лейкин успел набрать его, провести через цензуру и вовремя выпустить в свет. Порядок еще более ужесточился, когда Лейкин заказал Чехову еженедельную колонку под названием «Осколки московской жизни». Замысел ее состоял в том, чтобы выставить напоказ продажность и провинциальность московских нравов и позабавить петербургских читателей, которые лишний раз желали убедиться в том, что они живут в Европе, а Москва – это все-таки Азия. Подобные тексты печатать под собственным именем было бы рискованно, и специально для них Чехов придумал псевдоним Рувер, а когда кто-то из московских журналистов чуть не напал на след автора, ему пришлось продолжить публикации под именем Улисс. Отдавая предпочтение петербургской прессе и нещадно высмеивая московскую, Чехов стал терять друзей в «Будильнике», где в редакционных сборищах он черпал материал для заметок в «Осколках»: предательство было оплачено по цене восемь копеек за строчку. В Москве, пользуясь дружеской близостью с сестрами Гольден, Антон продолжал печататься в «Зрителе», где Давыдов за строку платил ему столько же. Любая московская публикация, особенно в конце года, была для Лейкина как нож в спину, и тот нередко обвинял Чехова и Пальмина в том, что их «журналистский блуд» стоил ему немалого числа подписчиков.

У Антона появились новые знакомства в более рафинированных кругах. Сестра Маша, которая была для братьев плаксивой девчонкой, вдруг выросла и стала другом, которому можно доверить сердечную тайну. В мае 1882 года она окончила Филаретовское училище и записалась на престижные университетские курсы Герье, где лекции по истории читал знаменитый Ключевский. Новые Машины подруги, зачавшие в дом Чеховых, на фоне редакционных секретарш и особенно домохозяек, с которыми сожительствовали братья, казались воплощенным целомудрием. Однако лишь самые смелые из курсисток смогли удержаться в том божественном водовороте, в котором кружились Антон и Коля, и даже вступить в соперничество с Анной и Натальей Гольден. Одной из них, Екатерине Юношевой, изучавшей энтомологию, Антон послал жука, который «умер от безнадежной любви», однако девушка предпочла Колю.

Ольга Кундасова, известная как «астрономка», поскольку подрабатывала в московской обсерватории, тоже была курсисткой. В 1883 году у нее с Чеховым начался роман, который ни шатко ни валко тянулся два десятилетия. Ольга была, неизящна фигурой и к тому же чрезмерно нервозна, так что выдерживать ее в моменты высшего напряжения чувств Антону было непросто. Неизмеримо больше обаяния было в темпераментной и насмешливой еврейской студентке Дуне Эфрос. И ей, и Ольге пришлось пережить с Антоном немало душевных огорчений, но в результате они были вытеснены на периферию его личной жизни. Более интересные и менее божественные, чем предыдущие подруги трех братьев Чеховых, они держали себя с ними на равных и заметно изменили мнение Антона о женщинах. Той психологической глубине, которая появляется в лучших рассказах Чехова, напечатанных в «Осколках», мы обязаны женщинам, вошедшим в его жизнь благодаря Маше. Для Антона сестра стала секретарем, confidentкой и даже свахой, а также взяла на себя часть обязанностей главы семейства.

Между тем старшие братья Антона постепенно опускались на дно. Колина репутация многообещающего художника была подорвана его беспутством и прогрессирующим туберкулезом. Жалуясь на боль в груди, он стал принимать морфий и все чаще прикладывался к бутылке, однако в семье продолжали закрывать на это глаза. В Таганроге не складывалась жизнь и у Александра, который, чувствуя себя отвергнутым, исправно посылал родным письма, но редко получал на них ответы. Александр и Анна оказались не способны к ведению домашнего хозяйства, и их бедственное положение усугублялось тем, что Александр не смог предъ-

явить таможене надлежащие документы об окончании университетского курса, так что жалование ему пока выплачивали не полностью. Денег едва хватало на стол и топливо для обогрева жилья.

Поначалу же все обещало благополучие. Дядя Митрофан и тетя Людмила окружили молодых дружеской заботой. Анна была принята таганрогскими дамами, и Людмила доверила ей сокровенные семейные тайны. Александр поддразнивал Антона: «Тетушка даже сообщила моей половине кое-что об общем благе, доставляемом ей дядею. Естественно, эти подробности знаю и я, но от вас утаю, ибо они на деле высказывают полную противоположность тем медленным движениям, которые проделываешь ты, Антоша, сложив известным образом пальцы».

Беременность Анны становилась заметнее. Будущие родители уклонялись от ответов на вопросы о крещении ребенка, и это смущало и настораживало Митрофана и Людмилу. В октябре Александр, проживавший в то время на Конторской улице – той самой, на которой жил мальчиком, взывал к Ване: «Пиши мне, дабы не дать заглухнуть существующей между нами связи. Анна беременна и зовет тебя на крестины <...> Чадо же свое отдам учиться непременно к тебе в школу с правами драть не более пяти раз в сутки»⁶⁷. Чтобы выманить в Таганрог Колю, Александр прибегал к самым убедительным из известных ему доводов: «Там – Николка, слушай! – была Любовь Александровна <...> Камбурова. Она влюблена в тебя еще до сих пор. Ради Бога приезжай и совокупись с нею, ибо она ищет того, что по латыни называется *inter pedes... figura longa et obscura*. Молю тебя, приезжай»⁶⁸.

К Антону, как к начинающему гинекологу, Александр обратился за консультацией: беременность Анны не давала выхода его сексуальной энергии. Антон, приложив к письму денежное подношение, отвечал: «Медицина, возбраняя соитие, не возбраняет массажа». Сочувствие брата было довольно поверхностным – днем всего больше его занимала медицина, а ночью (к великой ярости Павла Егоровича, жалевшего керосин) – литература. Антон просил Александра и Анну присылать ему материал для рассказов – описание спиритического сеанса в Туле, детские стишки таганрогских гимназистов, фотографии.

Павел Егорович, которого ужасала беременность Анны, совсем отвернулся от сына. На первых порах Александр пытался воздействовать на него упреками: «Милый папа! <...> Меня печалит только то обстоятельство, что Вы не прислали Ане поклона, зная хорошо, что если я не обвенчан с нею, то не по моей вине». В канун нового, 1883 года он пытается оказать на родителя моральное давление:

«Глубоко поразили меня и *оскорбили* слова Ваши. „Ты не оправдал себя перед ними ни любовью, ни доверием“. Я удивляюсь, неужели же в Вашем родительском сердце нашлось так мало теплоты, что Вы не задумываясь бросили в меня незаслуженным комком грязи!! Что Вы хотели достичь этим упреком – я не знаю, но что Вы безжалостно отравили мне остатки праздников – это не подлежит никакому сомнению. Весь декабрь месяц я хворал и на праздниках стал поправляться. Упрек Ваш расстроил, оскорбил, обидел меня и встревожил <...> Сегодня я утвержден в Петербурге Начальником Привозного стола и Переводчиком Таможни. Страдания мои окончились. <...> Как жаль, что Ваш упрек пришел как раз в тот момент, когда я в первый раз вздохнул свободно».

В середине февраля Анна родила дочь. Павел Егорович свою первую внучку признать отказался и ее матери не написал ни слова. Никто из дядьев, включая Антона, не обрадовался рождению Марии (родители звали девочку Мосей). Александр жаловался, что Митрофан и Людмила не согласились быть восприемниками при крещении дочери. Митрофан не мог допустить расспросов соседей в связи с тем, что священника вызвали на дом. Отцу Федору

⁶⁷ РГАЛИ. 2540 1149. Письма Ал. П. Чехова И. П. Чехову.

⁶⁸ См.: ОР. 331 32 8. Письма Ал. Чехова А. П. Чехову. 1882. «*Inter pedes... figura longa et obscura*» – «между ног... длинный и загадочный предмет» (*лат.*).

Покровскому Людмила сказала, что Александр и Анна обвенчались в Петербурге. Александру пришлось принять условия дяди Митрофана: ребенок должен ежедневно бывать в церкви и соблюдать посты. Людмила объявила, что Павел Егорович не позволяет им потворствовать греху. Александра все это довело до слез.

В конце февраля Антон отправил брату резкое послание, занявшее десять страниц: «Не знаю, чего ты хочешь от отца? Враг он курения табаку и незаконного сожительства – ты хочешь сделать его другом? С матерью и теткой можно проделать эту штуку, а с отцом нет. Он такой же кремень, как раскольники, ничем не хуже, и не сдвинешь ты его с места. <...> Что такое твое сожительство с твоей точки зрения? Это твое гнездо, твоя теплынь, твое горе и радость, твоя поэзия, а ты носишься с этой поэзией, как с украденным арбузом, глядишь на всякого подозрительно (как, мол, он об этом думает?) <...> Тебе интересно, как я думаю, как Николай, как отец? Да какое тебе дело?»

В Александре, как и в Коле, Антон обнаружил черту, которая вызывала у него резкое неприятие: свои высокие амбиции они сочетали с низменными поступками. Коля брался за престижные заказы – расписывать декорации для театра Лентовского в саду «Эрмитаж» или иллюстрировать Достоевского – и в результате не выполнял их, жалуясь, что его не понимают. Не пройдет и года, предсказывал Антон, как Коля себя погубит. Обоих братьев, по его мнению, сгубила жалость к самим себе. Его же звезда продолжала восходить, и 3 февраля он не без торжества писал Александру: «Становлюсь популярным и уже читал на себя критики. Медицина моя идет crescendo. Умею врачевать и не верю себе, что умею... Не найдешь, любезный, ни одной болезни, которую я не взялся бы лечить. Скоро экзамены. Ежели перейду в V курс, то, значит, *finita la commedia*».

Семейство Чеховых распадалось. Александр связал себя с Таганрогом. Коля съехал и поселился в отвратительных «Восточных» меблированных комнатах. Ваня весь год не выезжал из Воскресенска. Маша старалась как можно больше времени проводить на курсах или с подругами. Лишь Миша сидел дома и готовился к экзаменам на аттестат зрелости. Антон чувствовал себя свободным человеком – за исключением, пожалуй, тех дней, когда Павел Егорович ночевал дома. Тогда Антон искал убежища у художников – Левитана и Коли – или у Натальи Гольден, где занимался медициной или сочинительством и где никто не упрекал его в чрезмерном расходовании керосина. А между тем несостоятельный должник наставлял сыновей в правильном обращении с финансами: «Коля и Антоша, вот Вы довели до последнего дня, я Вам говорил несколько раз, что 10 руб. нужно приготовить за квартиру, Вы знаете, что откладывать нельзя, а я люблю Аккуратность. Вы меня поставили в неловкое положение. Краснеть пред хозяином не в моих летах, я Человек с Характером, положительный. Лучше себе отказать в чем-нибудь, а долги вовремя обязательно надо платить»⁶⁹.

⁶⁹ ОР. 331 81 16. Письмо П. Е. Чехова А. и Н. Чеховым ст 2.01. 1883.

Глава 12

Смерть Моси 1883–1884 года

В то время как Александр и Коля все чаще искали повода дать нолю пьяным слезам, Антон все больше погружался в работу. В марте 1883 года он каждую неделю поставлял по рассказу в журналы «Осколки» и «Зритель». И одновременно сдавал экзамены: по оперативной хирургии он получил у Склифосовского «хорошо», а по гинекологии – «отлично»⁷⁰.

В связи с приближающимся коронаванием Александра III некоторые университетские экзамены были перенесены на сентябрь. Антон наконец получил передышку и смог обратиться к семье и искусствам. Его нетерпимость к праздным и нерадивым не стала меньше – театральные актеры страдали тем же недостатком, который раздражал его в братьях. Современный театр, как ему казалось, – это Александр и Коля вместе взятые и в еще большем масштабе, и с этим следовало бороться. В письме к драматургу Канаеву он негодовал: «Мы пришли к соглашению, что у наших гг. актеров все есть, но не хватает одного только: воспитанности, интеллигентности, или, если позволите так выразиться, джентльменства в хорошем смысле этого слова <...> И, бранясь таким манером, я высказал Вам свою боязнь за будущность нового театра. Театр не портерная и не татарский ресторан».

Антон воззвал к родительским чувствам Павла Егоровича, и тот, не без задней мысли, наконец признал семью Александра: «Милый сын Саша! Необходимо нужно к Празднику Маше дипломат, без которого она не может быть. Я не имею средств ей сшить. Потрудись прислать обещанное заблаговременно. Мы все здоровы, Мамаша болеет зубами. Писем от тебя нет. Поклон Анне Ивановне, поцелуй Мане, тебе благословение. Твой любящий отец П. Чехов»⁷¹.

Маше так и не пришлось пощеголять в обновке, но Александру все-таки досталась малая толика отеческой любви. Пропустив пару стаканчиков, Павел Егорович даже хвастался, что его сыну в таможне выдали мундир. На те 60 рублей, что поступали из «Осколков», семья зажила припеваючи – у Чеховых появилась прислуга и фортепьяно. Лидия Уткина, владелица «Будильника», платила Коле натурой: из заработанного им Чеховы всю жизнь хранили у себя письменный стол, подсвечник и настенные часы.

Под Пасху Антон принял участие в Александре, убедив Лейкина опубликовать его рассказы. Поначалу Лейкин и не понял, что автор, которого рекомендует Антон, – его брат: «Если [Агопород] Единицын псевдоним, то сообщите, кто». Находясь за две тысячи верст от Петербурга, Александр едва ли смог бы вернуться в писательские круги без помощи брата. К тому же прошел слух, что государственным служащим запретят сотрудничать с прессой, а поскольку действие некоторых его рассказов происходит в таможне, то ему было необходимо прикрытие. Антон предупреждал его о превратностях профессии журналиста, о том, что поневоле надо общаться с разными жуликами, о жалких заработках, которые тут же растрачиваются на иждивенцев. Но Александр не внял его словам и приободрился духом. С ним были его любимая жена и дочь; он уже послал за своей собакой и за Надей, дочерью Анны от первого мужа; даже подумывал выписать тетю Феничку и поручить ей хозяйство. В апреле он писал Ване: «Дочка растет <...> радует меня очень <...> Завел кур, дрожу над каждым яйцом <...> сильно напоминаю своего фатера. Анна настолько прилепилась ко мне, что стала со мной нераздельною, и я вполне доволен своей судьбою».

⁷⁰ Краткие сведения об учебе Антона можно почерпнуть в книге: Меве Е. Медицина в творчестве А. П. Чехова. Киев, 1989.

⁷¹ ОР. 331 81 13. Письма П. Е. Чехова Ал. П. Чехову. 1874–1894. Письмо от 22.03.1883. Дипломат – тип длинной дамской накидки, обычно расшитой тесьмой, стеклярусом или бисером.

Постепенно и Антон благорасположился к брату; в длинном письме от 17 апреля он открыто заговорил о своих отношениях с женщинами и о сексе. Он даже предложил Александру соавторство в своей докторской диссертации, которую собрался писать после получения врачебного диплома. Уже придумав название – «История полового авторитета», он решил создать нечто подобное «Происхождению видов» Ч. Дарвина. Проследив развитие живых организмов от насекомых до человека, Антон сделал вывод, что, чем выше уровень общественного развития млекопитающих, тем более ярко выражено у них равноправие полов, и все-таки он был убежден, что даже высокообразованная женская особь занимает более низкую ступень развития: «Она не мыслитель. <...> Нужно помогать природе, как помогает природе человек, создавая головы Ньютонов, головы, приближающиеся к совершенному организму. Если понял меня, что: 1) Задача, как видишь, слишком солидная, не похожая на <...> наших женских эмансипаторов-публицистов и измерителей черепов. <...> История женских университетов. Тут курьез: за все 30 лет своего существования женщины-медики (превосходные медики!) не дали ни одной серьезной диссертации, из чего явствует, что на поприще творчества – они швах».

Антон прочел и потенциально феминистские рассуждения Г. Спенсера, и Захер-Мазоха, однако ближе всего по духу ему было женоненавистничество Шопенгауэра, ярко проявившееся в его «Эссе о женщинах». Отношения с женским полом стали доставлять Чехову много беспокойства и в личной жизни. Нельзя сказать, что он отличался чрезмерными половыми потребностями; его беспорядочные связи с женщинами скорее можно объяснить тем, что он быстро терял к ним интерес. Зоологи могли бы сравнить сексуальность Антона с поведением гепарда, который способен совокупляться только с незнакомой самкой. Не исключено, что быстро проходящий интерес Чехова к женщине был либо следствием, либо причиной его частых визитов в публичные дома. Его не возбуждали женщины, которые ему нравились (или, что даже хуже, женщины, которые его возбуждали, ему не нравились), – и это было предметом постоянной тревоги – вплоть до той поры, пока болезнь не ослабила его настолько, что он вообще потерял интерес к интимной сфере. Об этом он писал Александру и Анне: «Чу, что Гершка? Оплодотворяет? Молодец он, а вот у меня дела куда как плохи! Месяца два уж не до того, заработался и забыл про женский полонез, да и денег жалко. С одной бабой никак не свяжусь, хоть и много случаев представляется... Раз тарахнешь, а в другорядь не попадешь. Все инструменты имею, а не действую – в земле талант... Мне бы теперь гречаночку... Простите меня, ревнивая Анна Ивановна, что я Вашему больному о гречаночках пишу...»⁷²

Некоторым отвлечением для Антона были студенческие шалости – правда, и они порой заканчивались печально. Как-то раз Антон, Коля, Левитан и еще один студент-художник скупил у лавочника апельсины и стали продавать их на улице так дешево, что лавочник вызвал полицию и студентов забрали в участок. Приехав после экзаменов к Ване в Воскресенск, Антон, Коля, Миша и еще трое молодых врачей из больницы в Чикино отправились пешком за 30 верст в Саввинский монастырь, а затем наведались к коллеге, доктору Персидскому, который работал в Звенигороде. За чаем у Персидского в саду они запели популярную в то время, но запрещенную песню на слова Некрасова «Укажи мне такую обитель». Откуда ни возьмись появился полицейский и составил протокол. Несмотря на вмешательство «Русской газеты» и влиятельных друзей, московский генерал-губернатор уволил Персидского из звенигородской больницы. Чехов впервые столкнулся с несправедливостью – и в его прозе зазвучали ноты негодования.

Летом Антон завел знакомства с людьми из высшего общества. В то время как Александр и Коля тянули его вниз, Ваня, заботясь о его репутации, представил его офицерам расквартированного в Воскресенске батальона – поручикам Егорову, Рудольфу и Эдуарду Тышко и пол-

⁷² Этот фрагмент (письмо от 13.05.1883) снят в ПССП. См.: «Куранты». 1993. 8 сент. С. 9.

ковнику Маевскому, отцу троих детей. Эдуард Тышко, дамский угодник, которого прозвали Тышечка в шапочке, был ранен в турецкую войну и появлялся на публике исключительно в черном шелковом головном уборе, скрывающем шрамы. Он близко сошелся с семейством Чеховых. Дружба с офицерами была подвергнута испытанию на прочность, когда поручик Егоров сделал предложение Маше. Идеал семейной жизни он, очевидно, почерпнул в «Домострое». Машу это озадачило, и она обратилась за советом к Антону. Тот в результате попросил Егорова оставить Машу в покое. Поэтому неудивительно, что поручик не очень любезно обошелся с Чеховым, когда на следующее лето Евгения Яковлевна сняла у него домик под дачу. Об этом она жаловалась Маше: «Мы хотим переехать из этой паршивой квартиры, так как Егоров ничего нам не оставил, всю посуду придется везти из Москвы <...> Вся мебель у него запечатана». Лишь семь лет спустя поручик Егоров восстановил с Антоном дружеские отношения.

Пригодились Ваниным братьям и другие его Воскресенские знакомства. Как-то раз после рождественского бала в сильную метель Ваню подвез до дому на санях один из гостей. Незнакомца звали Алексеем Киселевым, а в трех верстах от Воскресенска вверх по реке Истра у него было имение Бабкино. Киселев, обедневший дворянин, тосковавший по своей бурной молодости, был человек со связями. Жена его, Мария, женщина строгих нравов, занималась домашним сочинительством. Киселевы очаровались Машей и Антоном, и между ними завязалась долготная дружба. Перед Антоном впервые предстали два новых мира – офицерство, столь мастерски запечатленное им в «Трех сестрах», и потерявшее былое величие помещичье дворянство. В Бабкине Маша обучилась благородным манерам. Сблизился Антон и с интеллигенцией, например Павлом Голохвастовым, мировым судьей и славянофилом, а также с его женой, писавшей пьесы. Киселевы и Чеховы вместе удили рыбу и играли в крокет. Антон заигрывал с их горничными и молочницами. Однако, в отличие от прочих дачников, он еще и работал – помогал доктору Архангельскому в клинике села Чижино. Как видно из рассказов 1883 года, Антон приобрел не только светский, но и врачебный опыт.

В отсутствие Антона Павел Егорович посылал в Воскресенск ворчливые письма: «Мы тебя ждем с нетерпением, пора за квартиру платить деньги <...> Хороши дети, оставили Мать болящую, гуляют. Хорошо, что Бог спас, а у Вас и жалости нет. Павел Терпящий».

Евгения Яковлевна тоже намеревалась покинуть московскую квартиру. Антон убедил Александра, что пользы от нее в Таганроге будет больше, чем от Фенички: «Мать сильно просится к тебе. Возьми ее к себе, коли можешь. Мать еще бойка и не так тяжела, как тетка». Мать покорно подчинилась принятому сыновьями решению, но все обернулось самым скверным образом. В доме Александра царил невыразимый хаос. Прислуга делала что хотела. Месячное жалованье Александра разлеталось в считанные дни. Анна была никудышной хозяйкой – дом зарос грязью. Евгения Яковлевна, и прежде терявшаяся в критических ситуациях, даже не имела возможности спокойно выпить чашку кофе. Людмила с Митрофаном помочь ей не могли – они уехали в Москву проведать Павла Егоровича. Не прошло и недели, как мать семейства запаниковала: «Антоша, пришли мне ради Бога хоть рубль, да скорей, у отца боюсь просить. Мне хлеба к чаю покупать, а и когда и поужинать что-нибудь. <...> Пожалуйста, пришли мне денег на проезд хоть с Митрофаном Егоровичем. Все равно, мне нельзя без них выехать. Я им отдала сундук плетеный, такая тоска, боюсь, чтобы не заболеть. <...> Я такого горя в жизни еще не испытывала <...> Саша наш такой несчастный, каких мало бывает, хоть бы Коля приехал. Е. Чехова. Пожалуйста, отвечайте, да никому не напоминайте, что я жалуюсь»⁷³.

Проку от Евгении Яковлевны не было никакого – она сама нуждалась в поддержке и защите. Через две недели мать семейства вернулась в Москву, выпросив у сыновей денег на билет.

⁷³ ОР. 331 33 12 в. Письма Е. Я. Чеховой А. П. Чехову. Письмо от 2.07. 1883.

Антон перебрался из Воскресенска в Москву, откуда было легче бесперебойно слать Лейкину многочисленные рассказы. Между тем из Таганрога вслед за Евгенией Яковлевной приехали Анна, Александр и маленькая Мося, так что Антон, нуждавшийся в тишине и покое, искал его у Наташеву или у Пальмина в московском пригороде Богородское. Там он и писал. Лейкин не позволял Антону экспериментировать с новыми формами и бывал недоволен, когда что-либо из его новинок попадало в московские еженедельники, – он смирился лишь со «Зрителем», поскольку там сошлись интересы всех братьев Чеховых. За весь год Лейкин отверг лишь один из написанных Антоном рассказов – «Он понял», очаровательную вещицу, действие которой происходит в Воскресенске. Крестьянина, подстрелившего скворца, задерживают как браконьера, однако ему удастся доказать, что охота на птиц для него столь же неискоренимое пристрастие, как и алкоголь для обвиняющего его помещика. В конце 1883 года Чехову удалось опубликовать рассказ в журнале «Природа и охота», причем впервые он сделал это под своим настоящим именем⁷⁴.

Из всего, что было написано в том году, особенно выделяются два рассказа. Один из них, предназначенный для «Будильника», – «Приданое». Его героиня лишается приданого из-за пьяницы дяди, и рассказчик способен лишь пассивно посочувствовать ей. Концовка – «Где же Манечка?» – свидетельствует о зарождении типичного чеховского слабовольного героя. Рассказом «Дочь Альбиона» Чехов наконец завоевал признание читателей «Осколков». Русские и до этого рассказа посмеивались над чопорностью англичанок – Чехов сам когда-то писал, что англичанин произошел от замороженной рыбы, но «Дочь Альбиона» привлекала еще и поэзией «рыбачьего» рассказа, основанного на впечатлениях Антона, проведенного лето в Бабкине. В этом рассказе не в первый и не в последний раз ироничное отношение Чехова к герою или героине уравнивается лирическим описанием природы.

Лейкин старался выкачать как можно больше из своего самого популярного автора. «Осколки московской жизни» теперь печатались каждую неделю и под двумя псевдонимами. Антон порой давал материал для половины выпуска. Коля, хотя и не такой надежный, по-прежнему оставался лучшим иллюстратором; Лейкин посылал ему из Петербурга высококачественную бумагу сорта «торшон».

Август подходил к концу, а в сентябре у Антона начинался его последний университетский год. Он жаловался Лейкину: «Пишу при самых гнусных условиях <...> в соседней комнате кричит детиньш приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери вслух „Запечатленного ангела“... Кто-то завел шкатулку, и я слышу „Елену Прекрасную“... Хочется удрать на дачу, но уже час ночи... Для пишущего человека гнусней этой обстановки и придумать трудно что-либо другое. Постель моя занята приехавшим сродственником, который то и дело подходит ко мне и заводит речь о медицине. „У дочки, должно быть, резь в животе – оттого и кричит“... Я имею большое несчастье быть медиком, и нет того индивидуя, который не считал бы нужным „потолковать“ со мной о медицине. <...> Даю себе честное слово не иметь никогда детей».

Небеса взяли на заметку эти его слова.

Порядок в семье восстановился, лишь когда Евгения Яковлевна вернулась с дачи, а Александр с семьей уехал в Таганрог. Возобновив университетские занятия, Антон и Коля снова стали общаться с Машинными курсистками. Екатерина Юношева получила от Коли шутивное «Последнее прости»; Антон тоже приложил к стихам руку – при всей неотразимости братьев Чеховых Муза в их поэзии, увы, не ночевала:

Как дым мечтательной сигары,

⁷⁴ Редактор журнала Сабанеев, брат преподавателя, читавшего Чехову лекции по химии, за эту публикацию автору не заплатил.

Носилась ты в моих мечтах,
Неся с собой любви удары
С улыбкой пламенной в устах⁷⁵.

Коля недолго пробыл в кругу семьи, предпочтя скрываться от кредиторов и властей за широкой юбкой Анны Ипатьевой-Гольден. С тех пор Антон с ним больше не сотрудничал.

В конце ноября Коля уехал из Москвы погостить в Таганроге у брата Александра. Тем временем Павел Егорович обнаружил у себя пропажу ценного документа и, догадавшись, кто виноват, просил Колю вмешаться: «Кланяйся Саше. Жалко погибшему созданию и живущим с ним, Он похитил мое Венчалное Свидетельство и по нем живет, я этим огорчаюсь, привези его, возьми от Него непременно. Беззаконно живущие беззаконно и погибнут»⁷⁶. Заключительная сентенция Павла Егоровича стала семейной поговоркой.

Антон в этих дрязгах участия не принимал – его манили более широкие горизонты. В Петербурге же Лейкин начал потихоньку приподнимать завесу над тайной имени своего самого популярного автора, Антоши Чехонте. Восьмого октября в Москву вместе с Лейкиным прибыл Николай Лесков (лишь его да Островского Павел Егорович признавал писателями), который не привечал начинающих литераторов. Лейкин не устоял и познакомил его с Чеховым. Антон устроил ему экскурсию по публичным домам в Соболевом переулке, которая завершилась в «Салоне де Варьете». Оттуда, описывая этот эпизод Антон брату Александру, они поехали на извозчике: «Обращается ко мне полупьяный и спрашивает: – „Знаешь, кто я такой? – Знаю. – Нет, не знаешь... Я мистик... – И это знаю“. – Таращит на меня свои старческие глаза и пророчествует: – „Ты умрешь раньше своего брата. – Может быть. – Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши“».

Агностицизм Антона и религиозность Лескова не помешали духовному сближению писателей: ни один из учеников Лескова, кроме Чехова, не унаследовал его рассказчицкого дара, его способности показать, как среда формирует характер, с иронией взглянуть на перипетии человеческой судьбы и привнести оттенок мистицизма в описание природы. И как бы ни были мрачны обстоятельства их последующих встреч (Лесков врачей близко к себе не подпускал, а Антон никогда не чувствовал себя уютно в Петербурге), их знакомство определило писательскую участь Чехова – ему было суждено продолжить лесковские традиции.

Видели в Антоне своего последователя и писатели рангом пониже. Одним из них был литературный поденщик Ф. Попудогло (в тридцать семь лет уже безнадежно больной), который к тому же был уверен, что лишь Антон смог верно определить его болезнь. Умер он 14 октября 1883 года и перед смертью завещал Чехову свою библиотеку⁷⁷. Весьма привязан был к Антону и Лиодор Пальмин, хотя, как и Лесков, врачей он не жаловал. Свои симпатии он выражал в незамысловатых виршах:

Сижу один я в тишине,
Причем Калашникова пиво
Юмористически игриво
В стакане искрится на дне...
Простите шалость беглой рифмы,
Как математик логарифмы,
Всегда могу ее искать⁷⁸.

⁷⁵ Цит. по: ПССП. Т. XVIII. С. 82–83.

⁷⁶ ОР. 331 81 15. Письмо П. Е. Чехова Н. П. Чехову от 2. 12.1883.

⁷⁷ К сожалению, эти книги Чехову не пригодились, и вся библиотека, за исключением старинного словаря морских терминов, которые Антон использовал для создания в своих рассказах комического эффекта, была продана старьевщику.

⁷⁸ ОР. 331 55 8. Письма Л. И. Пальмина А. П. Чехову. 1883–1886.

Время от времени Пальмин шутливо информировал господина Упокой, как он величал Чехова, о своем новом адресе, например: «У Успенья на Могильцах (не думайте, что Мертвый переулок, д. Грובהа и квартира Крестопоклонникова. Я знаю – это для всякого, особенно молодого доктора, адрес подходящий)».

В последний год учебы Антон получил представление об уровне смертности в больницах: он вел пациентов с момента поступления и вплоть до их выздоровления или смерти. Он также должен был написать полную историю болезни для профессора в клинике нервных болезней, а в терапевтической клинике – для профессора Остроумова (чьим пациентом он станет впоследствии). Выпускная сессия началась в январе и стала мучительным испытанием: студентам следовало пересдать экзамены всех предыдущих курсов (всего семьдесят пять) и кроме этого защитить диплом. История нервной болезни, которую вел Чехов, показывает, что он строго следовал принципам медицины своего времени. Молодой писарь железнодорожного ведомства Булычев в течение шести недель проходил лечение с диагнозом «импотенция, истечение семени и психосоматические боли в позвоночнике». По заключению Чехова, причиной болезни явились частые мастурбации в подростковом возрасте, – и он прописал больному чилибуховый орех, бромистый калий и ежедневные ванны с понижением температуры на один градус⁷⁹. Современный врач причину мужского бессилия Булычева вывел бы из его страха – рукоблудие считалось грехом, однако Чехов вслед за своими профессорами видел в онанизме пагубную привычку, избавиться от которой помогали проститутки, холодные ванны и успокоительные капли.

Вскрытие, проведенное Антоном в московском полицейском участке 24 января 1884 года, оказалось более сложной задачей. И хотя профессор Нейдинг оценил работу лишь на тройку с плюсом, протокол, составленный Антоном, даст ему материал для целого ряда рассказов: «Крестьянин Ефим Ефимов жил в работниках в магазине Третьякова; вел нетрезвую жизнь. 20 января он был в бане. Возвратившись оттуда – пил чай и ужинал, затем лег спать. В 8 часов утра 21 января он сказал, что пойдет, по обыкновению, в город, но часов в 9 утра его нашли мертвым, висевшим на кушаке в ретиреде при доме Осипова. Труп был одет в той одежде, которую покойный носил обыкновенно. Один конец кушака был обмотан вокруг шеи, а другой был привязан к деревянному бруску на расстоянии 3 аршина от пола. <...> Что касается, наконец, до решения вопроса о состоянии умственных способностей Ефимова в момент совершения им (преступления) самоубийства, мы имеем лишь очень мало данных: присутствие спиртного запаха при вскрытии полостей черепа, груди, брюха дают нам право предположить, что в момент совершения самоубийства Ефимов был, по всей вероятности, в нетрезвом состоянии»⁸⁰.

Упражнения в криминалистике имели и литературную параллель. К большому неудовольствию Лейкина, Чехов заработал в «Стрекозе» 39 рублей за детективный рассказ «Шведская спичка», который был напечатан в ежегодном альманахе журнала. Как и другие чеховские произведения подобного жанра, в ту пору пользовавшегося в России большой популярностью, рассказ весьма оригинален по замыслу. Следователь Дюковский (для него Чехов взял напрокат фамилию друга) с помощью единственной улики, каковой оказалась обыкновенная спичка, обнаруживает, что убитый вовсе не убит, а жив-здоров и прячется от всех у подруги.

В январе 1884 года, как раз накануне произведенного Антоном вскрытия, из Таганрога пришли тревожные телеграммы: Мося перестала есть, впала в коматозное состояние, ее частично парализовало. Таганрогские врачи делали ей инъекции каломеля, пепсина и мускуса, ставили холодные компрессы и давали бромистый калий. Рецепты, которые послал Антон теле-

⁷⁹ РГАЛИ. 549 1 10. Заметки Чехова к истории болезни с комментарием доктора Россолимо (Ок. 1920 г.).

⁸⁰ См.: А. П. Чехов: Сб. документов и материалов / Под ред. А. Б. Дермана. М., 1947. С. 20–23.

графом, уже не понадобились. Первого февраля пополуночи, как раз в то время, когда Антон с Машей веселились на балу, Мося умерла. Александр писал Антону: «Нет сил. Внутри и вне меня все кричит одно: Мося! Мося! и Мося!.. Анна сошла с ума. Она не мыслит, не сознает, но чувствует потерю. Все лицо ее – зеркало страдания. Был гробовщик. У трупа шел торг; шла речь об овальном и простом гробике, о газетовой и атласной обивке».

Сочувствия родственников Александр и Анна так и не дождались – «беззаконно живущие незаконно и погибнут». Двадцатого февраля Павел Егорович писал Антону: «Антоша, будь так добр, обрати внимание на Сашу, уговори его, чтобы он оставил Анну Ивановну, пора уже очнуться от сумасшествия. <...> Он меня никогда не слушал, а ты больше имеешь влияния на него, уговори его, пусть он оставит эту Обузу. Теперь легко оставить Анну Ивановну, дитя умерло и дело невенчанное. Если он дорожит моею жизнью и уважает как родного Отца, то может себя преодолеть <...> Ведь он не понимает, что оскорблять Отца и Мать есть тяжкий грех. Долго или коротко, за это надо будет поплатиться перед Богом. Шутка ли собрать такой кагал и нагло приехать без спросу в нашу семью, нарушать покой и порядок в доме. <...> Вот Бог отнял дитя, которое он любил, следовательно, дела его неудачные, ему нужно идти честной дорогой как человеку просвещенному и понимающему, что худо и что хорошо. Разыгрывать Комедию и составить из своей жизни какой-то роман вовсе не годится. Нас оскорбляет Это ужасное Преступление и Несчастье».

Из неопубликованных дневников Александра, которые он назвал «Мои ежедневные, подневные и вообще скоро преходящие мысли», видно, что его посещали похожие мысли: «Анна <...> никогда меня не понимала и не поймет. С Анной без Моси я жить не могу. Без Моси Анна невысказана» (1 февраля 1884 г.)⁸¹.

Павел Егорович все-таки поборол в себе неприязненные чувства к сыну. Весной Александру удалось добиться перевода в Москву (основанием послужило «нездоровье отца»). Сначала он с Анной, а также ее детьми от Сокольникова Шурой и Надей жили в Москве, а потом вместе со всеми Чеховыми перебрались на лето в Воскресенск. Судя по его дневниковым записям, будущее не предвещало Анне ничего хорошего: «Благодаря случаю оказался свободен на весь день. Ни жены, ни детей ее не было со мной, т. е. около меня, целый день. Уж и отпраздновал я этот день! С Антоном наболтался о научных предметах вволю, с Николаем о художестве, с Иваном поспорил!» (25 марта 1884 г.) Однако Александр оставался с Анной вплоть до самой ее смерти – по его собственным признанию, из чистого сострадания. В то время она уже пятый месяц носила под сердцем его второго ребенка. Смерть Моси Антон принял близко к сердцу, хотя и скрыл это от брата. В альбом, подаренный ему годом спустя благодарным пациентом, он вклеил фотографию несчастной девочки.

⁸¹ Цит. по: ПССП. Письма. Т. 2. С. 473.

Глава 13

Дипломированный врач июнь 1884 – апрель 1885 года

Шестнадцатого июня 1884 года ректор университета Боголепов выдал Чехову удостоверение лекаря; благодаря этому документу он освобождался от военной службы, податного состояния и получал кое-какие дворянские привилегии. Но Антону хотелось утвердить себя и в качестве профессионального писателя. Отобрав свои лучшие работы, он при содействии Лейкина заказал в типографии 1200 экземпляров сборника под названием «Сказки Мельпомены». Тираж обошелся ему в 200 рублей, которые надлежало вернуть в течение четырех месяцев по выходе книги. Сборник принес Чехову 500 рублей – в 10 раз больше той суммы, что заплатил ему в мае Лейкин. Он был замечен критикой, но чтобы показать себя в Петербурге, Антону нужны были 100 рублей на билет и гостиницу. Однако Лейкин считал, что Чехов еще не вполне созрел для столицы. Пока он пригласил его вместе с Пальминым в поездку по карельским озерам. Антон от приглашения отказался.

В мае Чехов довольно часто бывал у Пальмина, навещая его в компании Коли и сестер Гольден. Он упражнялся в диагностике, анализируя состояние поэта и его сожительницы, а заодно и качество ее ужасной стряпни, и накануне своего последнего экзамена сообщил Лейкину, что Пальмин скоро умрет от алкоголизма. Вопреки мрачному прогнозу, поэт женился на своей Пелагее и протянул еще семь лет.

Романисту Болеславу Маркевичу повезло в этом смысле меньше. В июне Чехов жил неподалеку от Нового Иерусалима, занимаясь рыбной ловлей, сбором грибов, сочинительством, и через день ассистировал доктору Розанову в Воскресенской больнице. Маркевич снимал прекрасную дачу у Киселевых в поместье Баблино. В августе Антон поделился наблюдениями с Лейкиным: «Этот камер-юнкер болен грудной жабой и, вероятно, скоро даст материал для некролога». В ноябре Маркевич покорно отправился к праотцам, а Киселевы предложили Чеховым освободившийся после него флигель.

В тот год дачный сезон в Воскресенске был омрачен дьявольскими Колиными выходками, а Ваня и вовсе лишился из-за него места. На Пасху Коля привез глиняные горшки и, привязав их над дверями школы, к всеобщему восторгу учеников вызволил благовест, который помнил еще со времен Таганрога. Проходившая мимо школьная директриса тут же уволила Ваню за богопротивный поступок. Коля перебрался к Пушкаревым, у которых в то время жили и две сестры Гольден, а потом появился в Москве, где покуражился над Павлом Егоровичем. Вместе с Александром они сочинили от имени отца письмо Евгении Яковлевне: «Евочка! Маевский мне сюда прислал копию насчет Ивана и написал, чтобы он был в Москве не позже 12 числа сего месяца. Коля наш дома не живет жаль погибшего создания пошел по стопам Саше! Братец Митрофан Георгиевич пишет, что Бог им дал Дочь, Людмила Павловна больна, помолитесь за нее. Напрасна завели свиней, везде серут. Ф. Я. Кланяется. У ней Коля взял все деньги что Алеша принес и она ничего ни покупать ни в лавки не бирет. Приехал Елис. Михайловна. Иван Галактионович поступил на место, получает 2500 руб. жалованья. Слава Богу! Из Шуи тревожные известия, Любовь Степановна больна. Приезжайте домой варенье варить надо. П. Чехов».

Неделей позже Коля доставил семье более крупные неприятности, и в этот раз Павел Егорович действительно написал письмо – Антону. По приговору суда Колино имущество в доме Чеховых подлежало распродаже для покрытия его долгов, и в дом полетели судебные повестки. Павел Егорович, только что прибывший на дверь табличку «Доктор А. П. Чехов», сокрушался, что ее позорит висящее рядом объявление об аукционе. В результате с судеб-

ными приставами расплатился Антон, и Коля в письме рассыпался перед отцом мелким бесом: «Милый и дорогой папа! <...> Я теперь только узнал, какие на свете бывают *подлые* недобросовестные люди. Во всем виновата моя неопытность и доверчивость. Мне очень хотелось для семьи (в особенности для Маши) устроить свою квартиру по возможности изящной. <...> Что же сделала недобросовестная Уткина? Она за эти деньги присылала мне не те вещи, которые я выбрал, а какую-то старую рухлядь, не дала мне купленных мною штор, занавесей и т. п. и в одно прекрасное утро, не предупредив меня, присылает сразу судебного пристава <...> Все это привело меня в болезненное состояние, я стал раздражителен и до того возненавидел стены нашего дома с наклейкой, до того возненавидел этот портрет, ворчанье тети, что быть дома мне очень тяжело <...> Страдание мое усиливается еще тем, что я невольно обидел вас, моего бедного, дорогого отца, которого я люблю от всей души»⁸². После этой истории Коля окончательно потерял доверие родных.

Между тем у братьев Чеховых сменилось женское окружение. После сестер Гольден в их жизнь вошло новое трио – сестры Марковы, Елена, Елизавета и Маргарита, которые отдыхали: на даче тетушки Л. Гамбурцевой под Звенигородом⁸³. Для Коли и Антона они были просто Нелли, Лили и Рита, и между молодыми людьми завязалось шутовое ухаживание. Нелли пыталась отбить Колю у Анны Гольден; Лиля, пока не стала в 1886 году госпожой Сахаровой, играла в театре Корша, однако дружбу с Колей и Антоном она сохранила на долгие годы; Рита вскоре вышла замуж и стала баронессой Спенглер, но часто навещалась в гости к Маше и Антону. Сестры Марковы заметно потеснили сестер Гольден. У Коли завязалась интрижка с Нелли (правда, вскоре Анна Гольден снова прибрала его к рукам), а Лиля подарила Антону свою невинность⁸⁴.

Однако врачебные обязанности не позволяли Антону забыть в женском обществе. Отпросившись у доктора Розанова, чтобы подработать на вскрытиях, Антон докладывал Лейкину: «Ездил на заливчатской тройке купно с дряхлым, еле дышащим и за ветхостью никуда не годным судебным следователем, маленьким, седеньким и добрейшим существом, мечтающим уже 25 лет о месте члена суда. Вскрывал я вместе с уездным врачом на поле, под зеленью молодого дуба, на проселочной дороге... Покойник „не тутошний“, и мужики, на земле которых было найдено тело, Христом Богом, со слезами молили нас, чтоб мы не вскрывали в их деревне... „Бабы и ребята спать от страху не будут...“ <...> Труп в красной рубахе, новых портах, прикрыт простыней... На простыне полотенце с образком. Требуем у десятского воды... Вода есть – пруд под боком, но никто не дает ведра: запоганим. <...> Вскрытие дает в результате перелом 20 ребер, отек легкого и спиртной запах желудка. Смерть насильственная, происшедшая от задушения. Пьяного давили в грудь чем-то тяжелым, вероятно, хорошим мужицким коленом». Пятнадцатилетний опыт патолого-анатомических трудов впоследствии конденсируется в рассказе 1899 года «По делам службы».

Павел Григорьевич Розанов, врач милостью Божьей, продолжит карьеру как специалист по самоубийствам. Двое других врачей – П. Архангельский из больницы села Чижино и П. Куркин из звенигородской земской лечебницы – на долгие годы станут друзьями Антона, хотя нельзя сказать, что он произвел на них впечатление своим врачебным искусством. Двадцать второго июня в Воскресенскую лечебницу привезли на операцию мальчика с неопустившимся яичком. Ребенок корчился от боли, и у Антона сдали нервы – он срочно вызвал Розанова, который и закончил операцию. Однако ему ничто не помешало посмеяться над некомпетентностью врачей: в рассказе «Хирургия», написанном в августе для «Осколков», студент вместо

⁸² ОР. 331 82 15. Письма Н. П. Чехова П. Е. Чехову. 1879–1887.

⁸³ Была еще и четвертая, совсем юная сестра Нина. См.: РГАЛИ. 549 1 352 и 549 3 1: Воспоминания Е. Марковой-Сахаровой и Н. Марковой о братьях Чеховых.

⁸⁴ См.: ОР. 331 82 21. Письма Н. П. Чехова А. П. Чехову. 1883–1889; ОР 33147 45 в. Письма А. С. Киселева А. П. Чехову. 1886.

больного зуба удаляет здоровый, а между строк проступает наставление, услышанное Антоном от доктора Архангельского: «Рви здоровые, авось доберешься до больного».

В Москву Антон вернулся с намерением писать и заниматься врачебной практикой. Городской врач мог зарабатывать до 10 000 рублей в год, беря по пять рублей за прием, и при этом держать экипаж для визитов к больным. Начав практику осенью 1884 года, Чехов на первых порах не мог похвастаться доходами. Пациенты, кто по бедности, кто по старой дружбе, расплачивались с ним картинкой, иностранной монеткой или вышитой подушечкой. Больше всех, пожалуй, пользовался его расположением Пальмин: «Податель сего муж моей кухарки, человек недужный, которому напутствие эскулапа во всяком случае не помешает. <...> Значит, мышьяк ему и нужен. <...> Прилагаю при этом и самый рецепт. Или подмахните его, или, осмотрев прилагаемого пациента, и пропишите ему что-нибудь в этом роде». Не отставал от Чехова и Лейкин со своей бессонницей, всевозможными болями и списками необходимых лекарств. В сентябре Антон просил Лейкина, посвященного в планы городских властей Петербурга, разузнать, не найдется ли там вакансии врача.

Поскольку адреса врачей можно было узнать в любой аптеке, пациенты не заставили себя ждать. Антон не без страха в душе стал пользоваться их от тифа, чахотки и поносов, опасаясь залечить их до смерти и заразиться самому. Пациенты привязывались к нему, и отделаться от них, как это с легкостью удавалось героям его рассказов, было далеко не просто. Вот типичное письмо одной из пациенток: «Добрейший Антон Павлович! Убедительно прошу Вас уделить хоть один час навестить меня и успокоить мои нервы, мне нужно посоветоваться с Вами, надеюсь, Вы будете так любезны, что не откажете в моей просьбе. У меня заболела Девушка, боюсь, не прилипчива ли эта болезнь, посылала ее в лечебницу, но она так недогадлива, ничего не спросила, Вы знаете, у меня дети, которых жизнь для меня дороже всего в свете. Я уже две ночи не сплю, мысли все „мрачные“, жду Вас сегодня вечером, чем премного обяжете уважающую Вас Любовь Данковскую»⁸⁵.

Одновременно Антон решил заняться социальными проблемами здравоохранения: призвав на помощь двух коллег, обходил с пачкой опросников публичные дома Соболева переулка. Приходилось искать и другие источники дохода – без них семейство Чеховых прокормить себя не могло. Антон убеждал Ваню, который все еще искал работу, устроиться в Москве и жить общим котлом на «твое жалованье, мои доходишки». Преодолев отвращение, Чехов обратился к Липскерову, редактору московской скандальной газеты «Новости дня» (или, как он называл ее, «Пакости дня»)⁸⁶. Даже такие юдофилы, как Чехов, называли Липскерова «еврюгой» за его жадность. Липскеров согласился печатать первый и последний чеховский роман «Драма на охоте»; он тянулся с августа 1884 года по апрель 1885-го и оплачивался по три рубля за номер. Однако деньги доставались Антону редко: Маша, которую он отрядил для выбивания гонораров из главного редактора, часто возвращалась с билетом в театр или парой брюк, пошитых портным Липскерова.

«Драму на охоте» незаслуженно недооценивают. Как и два года назад, Чехов прибегнул к пародии на мелодраму с ее аристократами, прозябающими в своих упадочных поместьях, роковыми красавицами в красном и плетущими интриги поляками. Однако роман вышел замечательным – он не только превышает по длине все прочие чеховские произведения, но и превосходит сюжеты Агаты Кристи: следователь Камышев, который подтасовал факты, чтобы найти обвиняемого, сам разоблачается (очевидно, благодаря смекалке редактора «Новостей дня») как убийца, а в мистических пейзажах российского юга угадываются декорации «Чер-

⁸⁵ ОР. 331 42 7. Письма Л. Данковской А. П. Чехову. 1884. Октябрь.

⁸⁶ «Новости дня» Чеховы получали вплоть до середины восьмидесятых годов. Сначала газета попадала в руки Евгении Яковлевны, которая, прочитав ее, к великому неудовольствию Павла Егоровича, никогда не клала на место.

ного монаха» и «Вишневого сада». Рассказанная Чеховым история поэтична, оригинальна и вместе с тем не лишена элемента скандальности.

Подобные отклонения Лейкина беспокоили, но он был доволен растущим реноме Чехова. «Сказки Мельпомены» собрали несколько положительных рецензий. В конце сентября Лейкин появился в Москве, виделся, как он сказал поэту Трефолеву, «со столпами моих „Осколков“, Чехонте и Пальминым, пображничал с ними, дал им родительское наставление о том, что именно нужно для журнала, и вообще поговорил по душе». Антон строил далеко идущие планы. Оставив идею диссертации «История полового авторитета», он начал подбирать библиографию для нового труда, «Врачебное дело в России». Однако по мере возрастания популярности его рассказов и эта идея была отринута. Чеховская сатира становилась все злее. Рассказ «Noli me tangere», позже переименованный в «Маску», который был опубликован в еженедельнике «Развлечение», привлек внимание Льва Толстого.

Между тем семейство Чеховых продолжало подъем по социальной лестнице. Услышав Колино музицирование, дирижер Шостаковский предложил ему свою дружбу. С ноября Чеховы стали устраивать журфиксы в истинно буржуазном стиле – по вторникам к ним собирались друзья на домашние концерты. Даже родоначальник (или, как прозвали его Антон с Александром, *tramontano*⁸⁷) стал вести себя приличнее. Роль хозяйки салона взяла на себя Маша; она звала к себе Дуню Эфрос, а также Лилу и Нелли Марковых, обещая, что кавалеры споют под гитару «Ночи безумные». Пальмин докладывал любопытному Лейкину: «Был на днях во вторник у Чеховых. У них по вторникам *soirée fixe*⁸⁸. <...> Несмотря на то что у них была весьма приятная компания, мне так нездоровилось, что я принужден был рано удрать от них».

А Лейкина распирала гордость от недавно пожалованного дворянства: «Мы не левой ногой сморкаемся». Наконец, он решил, что Антона не стыдно показать и в Петербурге. Чехов отправил к Лейкину Наталью Гольден, по-видимому, уполномочив ее подготовить свой назревающий переезд в Петербург. Лейкин разрывался между желанием предьявить публике своего протеже и опасением, что он может потерять на него монополию. И все-таки тщеславие властвовало над его же собственными интересами, и, пусть спустя год, он все-таки раскрыл псевдоним «Антоша Чехонте» своему покровителю Худекову, редактору престижной ежедневной «Петербургской газеты». Худеков, не теряя времени даром, заказал Чехову репортажи о деле Рыкова – громком судебном процессе по поводу хищений в Скопинском банке.

⁸⁷ Чужеземец, варвар (*ит.*).

⁸⁸ Вечеринки (*фр.*).

Глава 14

Бабкино

январь – июль 1885 года

«Петербургская газета» по достоинству оценила репортажи Чехова, освещавшие процесс по делу Рыкова. Сильное впечатление произвело на публику судебное заседание: на нем с прикусом ему блеском выступил адвокат Плевако⁸⁹. У Антона в день суда произошло легочное кровотечение – первый зловещий признак фатальной болезни. С мая Худеков будет регулярно заказывать Чехову рассказ в номер «Петербургской газеты», выходявшей по понедельникам. Поскольку, по его мнению, чеховская проза была «с душком», он предложил ему лишь семь копеек за строчку, однако его газета была одной из самых читаемых в стране, да к тому же неподцензурной, и ее авторам были не знакомы хождения по мукам, на которые были обречены газеты помельче. Одним словом, на те деньги, что давал Петербург, жить было можно. И все же, чтобы добиться признания в столичных литературных кругах, Антону надо было объявиться в них собственной персоной, хотя в выборе главного дела жизни он по-прежнему колебался между литературой и медициной. В марте Лейкин убеждал его, что даже для поиска врачебного места ему все равно стоит перебраться в Петербург.

В своем отношении к профессии врача Антон разделял мрачный юмор Пальмина и видел в ней в основном отрицательные стороны: зачем бороться с эпидемией холеры, если только в Москве ежедневно от голода и холода умирает сто детей? К тому же общение с больными чревато опасностью. Так, в марте 1887 года чуть не умер от тифа новоиспеченный врач Николай Коробов. Спасая больных от холеры или дифтерии, врачи зачастую рисковали собственной жизнью⁹⁰, да и работать им приходилось на износ. Пациенты по поводу и без повода вызывали Антона за московские окраины. Даже хорошие знакомые порой не щадили его. В сильнейшие декабрьские морозы Михаил Дюковский писал ему: «Ради Бога, если есть возможность, съездите сегодня вечером к моему зятю Евграфу Дмитриевичу, я сейчас получил известие, что он сильно болен. Не отклоните, буду вечно благодарен. Адрес: Красное село, около Рязанского шлагбаума, дом Анисимова»⁹¹.

В канун Нового года Антон получил записку от Пальмина: «Сижу и пью водку у окна. У молодого человека глубокая рана на лопатке. Карбункул или что другое, определить – дело или г. Панихицина, или г. Грובהва, или г. Успокоева, или, наконец, гг. Червоточниковых, а не то знаменитого (в будущем) доктора Чехова <...> Приезжайте и свидетельствуйте и что-нибудь посоветуйте». Пальмин обычно расплачивался с Чеховым стишком, настоящее вознаграждение от него поступало редко. Но хуже всего были заигрывания пациентов. В начале 1885 года с Антоном пытались флиртовать три сестры, барышни Яновы. Впрочем, это трио вскоре распалось – в конце 1885 года разразилась эпидемия тифа и унесла одну из сестер (умирая, она держала Антона за руку)⁹².

Антон беспокоило и его собственное здоровье. Седьмого декабря он пишет Лейкину о новом кровотечении. Он как будто продолжал считать, что с легкими у него все в порядке и что

⁸⁹ Плевако заслужил себе громкую славу не только на адвокатском поприще. Оказавшись как-то раз вместе с полубезумным редактором «Будильника» Кичеевым в провинциальном городке, он во что бы то ни стало возжелал увидеть театральное представление. Заплатив в кассу 500 рублей – полный театральный сбор, – он потребовал, чтобы актеры были вызваны в театр, и, пока они разыгрывали пьесу, Плевако с Кичеевым наблюдали за ними, спрятавшись на галерке.

⁹⁰ Как Чехов, так и Лесков отразили в своих рассказах реальный эпизод: в мае 1883 года, отсосав из горла больного ребенка дифтеритные пленки, заразился и умер от этой болезни доктор Иларион Дуброво.

⁹¹ ОР. 331 42 54. Письма М. М. Дюковского А. П. Чехову. 1884–1893.

⁹² ОР. 331 64 46а. Письма М. С. Яновой А. П. Чехову. 1885–1886.

это лишь лопнул в горле сосуд. Однако судя по тому, что Чехов сказал бывшему школьному приятелю, журналисту Сергеенко, «кровохарканье (не чахоточное)», он, скорее всего, догадывался об истинном положении вещей. Знакомым он то и дело жаловался на переутомление, Лиле Марковой писал о том, что его мучают боли. В декабре на спиритическом сеансе дух Тургенева возвестил, очевидно, обращаясь к Антону: «Жизнь твоя близится к закату». В январе в письме к дяде Митрофану, поздравляя его с избранием в гласные таганрогской городской думы, Антон почти не скрывает беспокойства: «В декабре я заболел кровохарканьем и порешил, взявши денег у литературного фонда, ехать за границу лечиться. Теперь я стал несколько здоровее, но думаю все-таки, что без поездки не обойтись».

В начале 1885 года жизнь в доме Чеховых стала поспокойнее, даже при том, что к ним на постой, смирившись с выходками Павла Егоровича, вернулся недоучившийся Дмитрий Савельев. Феничку Павел Егорович отправил под опеку ее родного сына, а Коле дорога в родительский дом была заказана. Антон тоже Колю не приглашал и лишь напоминал ему о долгах. Дяде Митрофану он нарисовал в письме картину семейной идиллии: «Мамаша жива, здорова, и по-прежнему из ее комнаты слышится ропот. Но даже и она, вечно ропщущая, стала сознаваться, что в Таганроге мы не жили так, как теперь живем в Москве. Расходами ее никто не попрекает, болезней в доме нет... Если нет роскоши, то нет и недостатков. Иван сейчас в театре. Служит он в Москве и доволен. Это один из приличнейших и солиднейших членов нашей семьи. <... > Трудолюбив и честен. Николай собирается жениться. Маша в этом году оканчивает курс...»

Александр, наконец, подыскал в Петербурге место в департаменте таможенных сборов и, выколов кое-какие деньги из Давыдова, редактора прекратившего свое существование «Зрителя», покинул Москву. Двадцать шестого августа его жена Анна, к неудовольствию старших Чеховых, родила мальчика, которого назвали в честь Коли, и Александр пристроил ее на время к родственникам в Туле. Теперь у него в Петербурге была работа, дающая право на пенсию, бесплатная квартира и топливо, прислуга, кормилица для младенца и вдобавок уже много чего повидавшая гончая Гершка. Лейкин печатал его рассказы, а сам Александр выступал еще как агент Антона, но жизнь свою он так и не смог наладить, ибо совершенно был неспособен удерживать в руках деньги. После Пасхи стало ясно, что истрадавшаяся от ревности и от чахотки Анна снова ждет ребенка. Между тем их кормилица слегла в постель с приступами лихорадки и, чтобы ухаживать за ней, в квартире поселился ее муж. Горничная Катька то и дело воровала из чулана продукты. От нечистой невской воды у Александра расстроилось пищеварение. Он жаловался Антону: «Метеоризм до того силен, что я пишу тебе это письмо при свете газового рожка, вставленного в anus».

Коля перестал появляться в училище и, не имея ни освобождения от воинской повинности, ни паспорта, ушел в подполье. Разыскать его было можно лишь через Анну Ипатьеву-Гольден. Своих заказов он тоже не выполнял, что доводило до белого каления Лейкина. Весной в это дело решил вмешаться Антон. Он вознамерился увезти Колю в Бабкино, подальше от Анны Гольден: «Экий надувало мой художник! Я заберу его с собой на дачу, сниму там с него сапоги – и на ключ».

В Бабкине Чеховы собирались поселиться под боком у своих хозяев Киселевых, которые к их приезду отремонтировали бывшую дачу Маркевича (в письме к Лейкину Антон высказывал опасение: «Тень его будет являться ко мне по ночам!»). Шестого мая Антон, Маша и Евгения Яковлевна – Коля, Ваня и Миша отправлялись следом – выехали на летний отдых. До Воскресенска железная дорога в ту пору еще не дотягивала, и от ближайшей станции до места надо было целый день трястись в экипаже. Переправляясь через Истру в темноте, чуть не свалились в воду – Маша с Евгенией Яковлевной даже закричали от страха. Во флигеле все было подготовлено к их приезду, включая пепельницы и сигаретницы. В кустах заливались соловьи. Лейкин не одобрял этих побегов за город, Антон же, напротив, старался выманить того на природу: «Чувствую себя на эмпиреях и занимаюсь благоглупостями: ем, пью, сплю, ужу рыбу,

был раз на охоте... Сегодня утром на жерлицу поймал налима, а третьего дня мой соохотник убил зайчиху. Со мной живет художник Левитан (не тот [Адо́льф], а другой – пейзажист), ярый стрелок. Он-то и убил зайца. <...> Если будете летом в Москве и приедете на богомолье в Новый Иерусалим, то обещаю Вам нечто такое, чего Вы нигде и никогда не видели... Роскошь природа! Так бы взял и съел ее...»

Хотя самые беззаботные из рассказов Чехова были написаны летом 1885 года в Бабкине, он не оставлял и врачебной профессии. Приглаждая за безалаберным Колей, Антон взялся опекать и Левитана. Художник жил через речку у гончарных дел мастера в деревне Максимовка.хлопот с ним тоже было хоть отбавляй. Когда Миша с Антоном пришли навестить его, он бросился на них с револьвером. Антон поделился новостями с Лейкиным (а тот – со всем Петербургом): «С беднягой творится что-то недоброе. Психоз какой-то начинается. Хотел на Святой с ним во Владимирскую губернию съездить, проветрить его (он же и подбил меня), а прихожу к нему в назначенный для отъезда день, мне говорят, что он на Кавказ уехал... <...> Хотел вешаться... Взял я его с собой на дачу и теперь прогуливаю...»

Коля начал принимать опиум и тоже нуждался в уходе, но по-прежнему редко показывался на глаза. В начале июня Павел Егорович писал Александру: «Любезный сын Саша. <...> Коли я давно не видел, с тех пор как наши уехали в Бабкино. Говорят, он в Москве <...> Женщина приходила от Анны Александровны Ипатьевой за Бельем Николая Павловича из дачи близ Петровско-Разумовского, говорила, что он у них живет. <...> Вот что значит увлекаться женщинами, они слабого человека с ума сведут. Оттоль он предался лени, пьянству и распутству, значит, ему нипочем наши предпринятые труды и заботы наши к его воспитанию. Горе матери, она испечалилась за ним».

Коля в Бабкине все-таки появился, и Антон весь июнь не решался покинуть его больше чем на несколько часов, чтобы брат снова не вернулся в объятия Анны Гольден, к вину и наркотикам.

Миша – полная противоположность старшим братьям – с успехом закончил школу. Десятого мая Антон писал, зазывая его в Бабкино: «Перед моими глазами расстилается необыкновенно теплый, ласкающий пейзаж: речка, вдаль лес, Сафонтьево, кусочек Киселевского дома...» Далее следовало подробное описание всевозможной рыбы – ершей, пескарей, окуней, карпов, голавлей и налимов, а также просьбы привезти побольше рыболовных снастей. Эта чеховская страсть проникла во многие его рассказы, пьесы и письма. Хотя в тот год он был не единственным заядлым рыболовом на реке Истра: незадачливого и простодушного крестьянина Никиту арестовали за свинченные с железнодорожного полотна гайки; он собирался пустить их на грузила для ловли налимов и – попал в рассказ Чехова «Злоумышленник».

Рыбалка настраивала Антона на лирический лад – поэтичность рассказа «Налим» основана исключительно на его пристрастии посидеть с удочкой на утренней зорьке. Благотворным оказалось для Антона и время, проведенное с Левитаном, – после совместных прогулок с ружьем, удочкой или мольбертом пейзаж, увиденный глазами художника, приобрел особую притягательную силу и в рассказах Чехова. Общение с Киселевыми тоже обогащало его: они делились с ним забавными историями из жизни людей искусства, а Мария Владимировна зачитывала вслух выдержки из французских журналов и романов – все это давало материал для «Осколков». Алексей Сергеевич, послушный муж своей жены, оживлялся в разудалой компании Левитана («Левиафана»), Антона и Коли. Двадцатого сентября Киселев писал Антону: «Благодарю Вас, дорогой Антон Павлович, за точное исполнение комиссии и за присылку точного изображения Ваших побочных детей, которых сходство с Вами громадное. Сейчас же снес карточку Дуняше (скотнице) и показал ей, на что Вы способны и что ее ждет впереди, быв от Вас беременной и оставленной Вами на произвол судьбы».

Спустя три месяца, в январе 1886 года, Киселев жаловался: «Разница между нашими письмами и Вашими, дорогой Антон Павлович, та, что Вы мои можете смело читать барышням, а я Ваши должен по прочтении бросать в камин, чтобы не попадались на глаза – жене»⁹³.

В начале июня доктор Архангельский оставил Антона за главного в чикинской больнице, и тому пришлось делать вскрытие умершего крестьянина. В середине лета спокойная жизнь была нарушена чеховскими неумными подопечными. Снова исчез Коля. Лейкин докладывал Антону: «На днях был у меня на даче Ваш брат Николай Павлович вместе с Александром Павловичем. Очень просил тем для рисунков. <...> Хороший художник, но журнального дела с ним вести нельзя, ибо в слове своем не тверд»⁹⁴. Неделию спустя Коля опять появился у Лейкина в Петербурге; был навеселе и, взяв темы для рисунков и 32 рубля аванса, снова пропал. Двадцатого июля его видели в Москве, в редакции «Будильника». После этого он никому не показывался на глаза до середины октября. В середине июня покинул Бабкино и Левитан; он слег в Москве с «катаральной лихорадкой» – так он называл свой туберкулез. Антону он оставил охотничью собаку Весту и два рубля за постой. Вместе с Колей Левитан подрядился расписывать оперные декорации. Они неплохо дополняли друг друга: экспансивный трудоголик Левитан, с неохотой изображавший человеческие фигуры, и шалопай Коля, недолюбливавший пейзажи. Левитана, как и Колю, за город больше не тянуло, и он оправдывался перед Антоном: «Ехать теперь в деревню бессмысленно: это отравить себя – Москва покажется в тысячу раз гаже, чем теперь, а я уже немного привык к ней. <...> В Москве я пробуду еще недели полторы или две, если выдержу, конечно, а я в этом сомневаюсь; но, во всяком случае, я скоро увижу бабкинских милых жителей и, между прочим, Вашу гнусную физиономию».

В Бабкине стояла жара; у Антона снова шла горлом кровь. Тем не менее в середине июля он поехал в Москву попрощаться с Александром, который, получив должность секретаря в новороссийской таможне, направлялся туда из Петербурга вместе с Анной, маленьким Колей и собакой. С ними ехал и Ваня, чтобы в дальней поездке помочь Александру ухаживать за его болезненной женой. Александр и Антон расставались более чем на год.

Несмотря на бесконечные помехи, Антон снова ощутил на себе чудодействие Бабкина: в Петербург был отправлен рассказ «Егерь». Короткий и незамысловатый, он был написан как эпитафия Тургеневу, чьи писательские приемы наследовал Антон, однако многим в нем он был обязан схватчивому взгляду Левитана и красоте бабкинских пейзажей. Отношения между героями предвосхищают коллизии поздних чеховских рассказов о любви. Типичная чеховская пара – апатичный мужчина и разочаровавшаяся в нем женщина не могут найти общего языка, в то время как окружающая их природа живет своей собственной жизнью. «Егерь» был опубликован в «Петербургской газете» 18 июля и сочувственно встречен столичной публикой.

⁹³ При сохранившихся 80 письмах Киселева Антону писем от Антона к Киселеву уцелело лишь 20. Остается только догадываться о содержании этих брошенных в камин писем, однако образчики Киселевских опусов, которые, по его мнению, Чехов мог смело читать барышням, возможно, дадут представление о том, какого уровня могли быть послания Антона: Погибла молодость в пленительных утехах, Изношенный, больной – теперь валяюсь я, Как ветхие штаны, в заплатках и прорехах, Удела старости не обойти никак! К могиле каждый день все ближе нас подводит, Тупеют память, ум, желудок и елдак, И волос с головы на жопу переходит.

⁹⁴ ОР. 331 50 IV г. Письма Н. А. Лейкина А. П. Чехову. 1885–1886.

Глава 15

Притяжение Петербурга август 1885 – январь 1886 года

Осенью Антона вновь закружила суматошная городская жизнь. Не заставили себя ждать и барышни. Среди Машиных подруг выделялась вспыльчивая Дуня Эфрос. В Москве, где отношение властей к евреям было крайне враждебным, она принципиально не желала русифицировать свое еврейское имя, Реве-Хаве. Впрочем, в то время у Антона амурных увлечений было предостаточно – и его бывшая домохозяйка госпожа Голуб, и домохозяйка его друзей, баронесса Аглаида Шеппинг, и, как поговаривали, Бланш, барышня из сада Эрмитаж. Его более серьезная привязанность, тридцатилетняя Наталья Гольден, еще весной переехала из Москвы в Петербург, откуда она прислала игривое прощальное послание:

«Подлюга Антошеву, насилиу-то я дождалась давно желанного письма. Чувствую, что живется Вам весело-вольготно на Москве, и рада, и завидно. Слышала я, что Вы имели намерение побывать в Питере. Но! Но! сознайся. Вас удержала м-м Голубь? Эта лошадинообразная дама? <...> Замуж я еще не вышла, но, вероятно, скоро выйду и прошу Вас к себе на свадьбу. Если желаете, то можете взять с собой свою графиню Шеппинг, только Вам придется захватить свой матрац на пружинах, ибо здесь нет таких ужасных размеров женщин, а потому Вам с ней не на чем будет *заниматься*. Так как Вы уже превратились совершенно в беспутного человека (с моим отъездом), то едва ли Вы обойдетесь без —. Я же не могу больше принадлежать Вам, так как нашла себе подходящего тигрика. Сегодня у вас бал, воображаю, как Вы отчаянно кокетничаете с Эфрос и Юношевой. Чья возьмет, это интересно! Правда ли, что у Эфрос нос увеличился на 2 дюйма, это ужасно жаль, она будет целовать Вас и какие у Вас будут дети, все это меня ужасно беспокоит. Слышала также, что Юношева пополнела в грудях, опять неприятность! Как она будет носиться в очаровательном вальсе особенно с таким страстным южанином, как Дмитрий Михайлович (*sic!*) Савельев, я боюсь за него. Судя по его письму, с ним творится что-то недоброе. Антошеву, если сами Вы окончательно погибли в нравственном отношении, то не губите Ваших товарищей, да еще женатых. Негодяй! Не советую Вам жениться, Вы еще очень молоды, Вы, так сказать, дитя, да и невесты нет подходящей <...> Я рада, что Вы иногда вспоминаете мою особу, хотя и не думаю, чтобы это случалось с Вами часто. Вы пишете мне ерунду, а главное, что меня интересует (больше всего), Ваше здоровье, об этом ни слова. У Вас две болезни, влюбчивость и кровохарканье, первая не опасна, о второй прошу сообщать самым подробным образом, иначе я не буду вести с Вами переписку. Надеюсь, что это возможно. Итак, Антошеву, хотя Вы не забыли скелетика, но я верю, если приедете в Питер, то не забыл, если нет, то забыл. <...> Жду от Вас письма по возможности скоро. Пишите по магазинному адресу и заказным, я буду присылать марки, а то боюсь, что пропадать будут. Прощайте, Антошеву. Ваша Наташа. Рада, что медицина улыбается, авось меньше будете писать и будете здоровее»⁹⁵.

Наталья была не единственной женщиной, кто посылал Антону марки для ответного письма, но ни одно из них не сохранилось. Между тем Дуня Эфрос могла занимать освободившееся место – Чехова с Петербургом связывали исключительно литературные дела.

Антону пришлось просидеть в Бабкине все лето – «Петербургская газета» задерживала гонорары, а с Киселевыми жить было дешевле. Когда Чеховы вернулись в Москву, им пришлось съехать из просторной, удобной и недорогой квартиры. Одиннадцатого октября, дождавшись, когда в новой квартире высохнут покрашенные полы, Чеховы перебрались на Большую

⁹⁵ ОР. 331 62 27. Письмо Н. А. Гольден А. П. Чехову (помечено Чеховым 1885 годом).

Якиманку в дом госпожи Лебедевой. Прожив на одном месте пять лет – самый долгий срок в жизни Антона, – Чеховы вновь превратились в кочевников. Новая квартира была небольшой (и слишком тесной для званных вечеров), но гораздо более дешевой (40 рублей в месяц), к тому же от нее было ближе к гавриловскому амбару. На дверь прибили медную табличку «Доктор А. П. Чехов», и здесь Антона можно было застать в любой день недели, кроме вторника, четверга (во второй половине дня) и субботы. Спустя месяц Антон жаловался Лейкину: «Новая квартира оказалась дрянью: сыро и холодно. Если не уйду из нее, то, наверное, в моей груди разыграется прошлогодний вопль: кашель и кровохарканье. <...> Жить семейно ужасно скверно». Случалось, что Чеховы не могли найти денег на дрова – «Петербургская газета» месяцами не платила Антону. Он снова начал давать рассказы в «Будильник» и за гонораром являлся в редакцию лично.

По мере уменьшения чеховской семьи ссоры в ней возникали реже. Миша, поступивший в университет на юридический факультет, получил от Павла Егоровича 15 августа, в Машины именины, последнюю распекацию: «В Москве вместо образованного, столько учившегося в Гимназии, ты вышел невежею, характер у тебя в Москве вместо скромного вышел нетерпеливый и грубый, для чего же Вас образовывать?»⁹⁶ Несколькими строками ниже он сменил гнев на милость и, поздравляя Машу с днем ангела, приложил к письму пятирублевую бумажку. Павел Егорович возобновил переписку и с Александром. Вернувшийся из Новороссийска Ваня представил отцу полный доклад о поездке. Александр, тронутый тем, что получил отцовское прощение, прислал приветливое письмо, подробно изложив столь дорогие для сердца родителя сведения о ценах на продукты и о церковных службах в Новороссийске. Приписку к письму отважилась сделать и Анна: «Спешу воспользоваться данным мне Вами позволением написать Вам несколько строк о нашем житье. <...> Саша водки не пьет и по Вашему совету пьет вино, по немного. Приезжайте к нам на будущее лето, непременно приезжайте, к тому времени, Бог даст, мы совершенно устроимся и примем Вас, как следует принять дорогого гостя»⁹⁷. Однако письма Александра братьям были не столь умильны. Зазывая Ваню в Новороссийск поискать там учительское место или же самому открыть училище, он самыми черными красками рисует картину своего житья-бытья. Не вылезая из долгов, в Новороссийске он жил более скверно, чем в Таганроге, где на худой конец можно было рассчитывать на помощь родственников. Здесь же у него не было «ни стола, ни стула <...> одни голые стены да Колькины засранные пеленки, они же и полотенца». Из досок Александр соорудил кровать и стул, который, однако, сломался. Лишь работа не требовала от него больших усилий: «В 8 часов вечером я уже пьян и сплю <...> Пью здорово, даже самому совестно <...> Нанял себе прислугу, но через 3 дня прогнал ее <...> Я распорядился, чтобы в сортире только срали, а мочиться рекомендую на свежем воздухе <...> Вместо двух девчонок я нанял прислугу, но такую, что ей-же-ей я когда-нибудь ночью ошибусь и вместо Анны залезу на нее. Этим я не хочу сказать пошлости, но выражаю удивление ее формами. Положительно Тициановская баба из картины *Weib, Wein und Gesang*»⁹⁸.

Александр писал Антону, что в Новороссийске не хватает докторов, что земля дешева, и называл расценки за визит и за квартиру. Однако расписанное им же самим убожество новороссийской жизни едва ли могло прельстить Антона или Ваню, и они отказались от братова приглашения. Не пощадил Александр и Машины нежных ушей, доложив ей 18 декабря, что хочет «зажить другою жизнью, где бы тебя не пилили день и ночь, где бы не досаждали старческим кашлем и рваными чулками со сквозящими грязными пальцами»⁹⁹.

⁹⁶ ОР. 331 73 10. Письмо П. Е. Чехова М. П. Чехову от 11.08.1885.

⁹⁷ ОР. 331 311. Приписка А. И. Сокольниковой к письму Ал. П. Чехова П. Е. Чехову.

⁹⁸ *Welb, Wein und Gesang* – баба, вино и песня (нем.).

⁹⁹ ОР. 331 82 2. Письма Ал. П. Чехова М. П. Чеховой. 1883–1887.

Коля по-прежнему где-то скрывался, перебиваясь карикатурами в «Будильнике» и авансами от Лейкина. Куда-то пропал и Пальмин – ни Антон, ни Лейкин ничего не слышали о нем с марта. Четырнадцатого сентября Антон оправдывался перед редактором «Осколков» за Колины прегрешения: «Все дело не в выпивательстве, а в *femme*. Женщина! Половой инстинкт мешает работать больше, чем водка... Пойдет слабый человек к бабе, завалится в ее перину и лежит с ней, пока рези в пахах не начнутся... Николаева баба – это жирный кусок мяса, любящий выпить и закусить... Перед *coitus* всегда пьет и ест, и любовнику трудно удержаться, чтобы самому не выпить и не закусить пикулей (у них всегда пикули!). Агафопода тоже крутит баба... Когда эти две бабы отстанут, черт их знает!»

Семейство Чеховых жило теперь таким составом: Антон, Евгения Яковлевна, Маша, Миша, тетя Феничка и – когда не ночевал у Гаврилова в амбаре – Павел Егорович. Коля перебрался от Анны Гольден в какие-то скверные мебелишки. Ваня же, напротив, получив место смотрителя в казенной начальной школе, имел теперь пятикомнатную квартиру на Арбате с бесплатными дровами и освещением, прислугу и, к великой радости Павла Егоровича, фуражку с кокардой и учительский фрак. Александр был за тридевять земель в Новороссийске. В конце ноября Чеховы перебрались в более просторную квартиру на той же Якиманке – в дом Клименкова, напротив церкви Святого Иоанна Воина. Впервые у каждого члена семьи была своя комната. Возобновились и званые вечера по вторникам. Чеховские друзья, будь то чудаковатый Пальмин или кокетливые сестры Марковы, полюбили этот гостеприимный дом. Единственной помехой был живущий этажом выше кухмистер Петр Подпорин, который сдавал свое помещение в аренду под свадьбы, балы и обеды, и над головами Чеховых то и дело слышалась музыка с пением и плясками или поминальные причитания.

К концу 1885 года с Антоном еще теснее сошелся Лейкин: он даже стал доверять ему сокровенные тайны. Ему не терпелось похвастаться недавно купленным имением, расположенным на месте впадения в Неву реки Тосны и окруженным сосновым бором, откуда в лейкинскую усадьбу забежали волки. Лейкин навязывал Антону всевозможные советы, например как лечить Колю от алкоголизма молоком. В декабре же, будучи в Москве, он наконец решил, что Антону пора в Петербург. Лейкин познакомил Чехова с незаурядными персонами, сыгравшими знаменательную роль в его последующей жизни, – маститым романистом Григоровичем, газетным магнатом и издателем Сувориным и его ведущим журналистом, острым на язык Виктором Бурениным. Поскольку Лейкин ни на шаг не отпускал своего протеже, а в литературных кругах над редактором «Осколков» посмеивались, репутация Антона несколько пострадала. В этот приезд Суворин с Григоровичем приняли его прохладно, а Худеков и вовсе не явился на условленную встречу. Единственная польза его визита в Петербург была в том, что Лейкин согласился опубликовать том его избранных сочинений под названием «Пестрые рассказы»¹⁰⁰.

Две проведенные в Петербурге недели положили начало новой дружбе – Чехов сблизился с Виктором Билибиным. Недавно окончив университетский курс по юридическому факультету, он служил в департаменте почт и телеграфов и одновременно секретарствовал в редакции «Осколков», поставляя туда же передовицы под псевдонимом «Игрек». Билибин был старше Чехова на год, наивен, любознателен и добродушен. Между ними сразу установилось доверие, хотя Билибину претила чеховская богемность. Антон же считал, что Билибин излишне мягок, и критиковал его за «ватность»: «Если Вы не пугаетесь сравнений, то Вы как фельетонист подобны любовнику, которому женщина говорит: „Ты нежно берешь... Грубее нужно!“ (А рггггг: женщина та же курица – она любит, чтобы в оный момент ее били.) Вы именно нежно берете...» Однако при всей своей мягкости Билибин, как Вергилий, уверенно провел Антона

¹⁰⁰ Антон затруднялся в выборе заглавия и советовался об этом с заместителем Лейкина, Билибиным, однако предложенное им было в духе Лейкина: «Кошки и карасы», «Цветы и собаки». Сам Лейкин рекомендовал назвать книгу «В водовороте» или «Куклы и личины», а Чехов, отчаявшись, придумал: «Покупайте книгу, а то по морде!»

по всем кругам столичного литературного мира. И лишь с ним Антон поделился сомнениями в Дуне Эфрос как в возможной своей избраннице.

Билибин не питал иллюзий насчет своего работодателя и предупредил Антона о том, что Лейкин двоедушен: возможно, он и рад был познакомить Антона с петербургскими издателями, однако не имеет не малейшего намерения выпускать его из рук. Это предупреждение Антон передал Александру: «Был я в Питере и, живя у Лейкина, пережил все те муки, про которые в писании сказано: „до конца претерпех“... <...> на Лейкина не надейся. Он всячески подставляет мне ножку в „Петербургской газете“. Подставит и тебе».

Вернувшись в Москву, Антон решил как следует встряхнуться после лейкинского приема и провел Рождество, Новый год, Татьянин день и собственные именины в буйном разгуле. Провожая уходящий год, в свои двадцать шесть лет он прощался и с уходящей молодостью.

Были и другие причины для гуляний – один за другим играли свадьбы его друзья. Уже обвенчался Дмитрий Савельев, и черед был за Николаем Коробовым. О своей женитьбе в наступившем 1886 году объявили московский приятель художник Александр Янов, доктор Розанов из Воскресенска и Виктор Билибин. Розанов попросил Антона быть шафером, а Машу – подружкой невесты. Антон одолжил 25 рублей и взял напрокат визитку. В день свадьбы Розанова он писал в Петербург Лейкину: «Сегодня у нас Татьяна. К вечеру буду без задних ног. Сейчас облачаюсь во все фракное и еду шаферствовать: доктор женится на поповне – соединение начал умерщвляющих с отпевающими». В Татьянин день он получил письмо от А. Киселева, который предложил рецепт от похмелья:

½ унции-дристунции
2 драхмы-засирахмы
Вместе все сложить
И говнофлеру подложить¹⁰¹.

Впрочем, Киселев был недалек от истины. Через два дня после свадьбы Антон писал молодожену Розанову: «До сих пор еще не пришел в чувство после Татьяны. У вас на свадьбе я нализался важно, не щадя живота. От вас поехали с Сергеем Павловичем [Успенским] в „Эрмитаж“, оттуда к Вельде, от Вельде в Salon... В результате: пустое портмоне, переменные калоши, тяжелая голова, мальчики в глазах и отчаянный пессимизм. Не-ет, нужно жениться!»

Киселев сделал вид, что поведение Антона его скорее шокировало, чем вызвало зависть: «Вашей развращенности нет пределов, после великого таинства – венчания – Вы попадаете в непотребные номера и занимаетесь прелюбодеянием».

Проснувшись на рассвете 18 января 1886 года после шумного празднования собственных именин, Антон с раскалывающейся от похмелья головой решил серьезно взяться за ум.

¹⁰¹ ОР. 331 47 45 в. Письма А. С. Киселева А. П. Чехову. 1886.

Глава 16

Помолвка

январь 1886 года

Мысли о женитьбе посещали Чехова довольно часто, однако прежде чем он решится на этот шаг, пройдут долгие пятнадцать лет. Своим поведением он напоминает гоголевского Подколесина, который, увидев наконец долгожданную невесту, сбегает от нее, выпрыгнув в окно. При этом Антон всегда имел возможность с близкого расстояния наблюдать чужую семейную жизнь – и сорокалетний брачный союз родителей, и греховные связи Александра и Николая. На свадьбах ему то и дело приходилось выступать в роли шафера, вслед за чем возникало желание последовать примеру жениха. Вот что писал он 14 января доктору Розанову на третий день после его венчания: «Если Варвара Ивановна не найдет мне невесты, то я обязательно застрелюсь. <...> Пора уж и меня забрать в ежовые, как Вас забрали... <...> Помните? Чижик, новая самоварная труба и пахучее глицериновое мыло – симптомы, по коим узнается квартира женатого... <...> У меня женится трое приятелей...»

Придя в себя после продолжительных празднеств, Антон сочинил полный драматизма монолог «О вреде табака», а потом написал Билибину: «На днях я познакомился с очень эффектной француженкой, дочерью бедных, но благородных буржуа. Зовут ее не совсем прилично: M-lle Sirout». Четыре дня спустя Билибин получил еще одно письмо: «Вчера, провожая домой одну барышню, сделал ей предложение. Хочу из огня да в полымя... Благословите жениться».

О своей помолвке Антон сообщил одному Билибину. Маша, близкая подруга Дуни Эфрос, могла лишь догадываться о происходящем. В письмах же Лейкину Антон вообще отвергал мысли о женитьбе и мрачно описывал 19 января шумную свадьбу этажом выше у кухмистра Подпорина: «Над моей головой идет пляс. Играет оркестр. Свадьба. <...> Кто-то, стуча ногами, как лошадь, пробежал сейчас как раз над моей головой... Должно быть, шафер. Оркестр гремит... <...> Жениху, который собирается тараканить свою невесту, такая музыка должна быть приятна, мне же, немощному, она мешает спать».

Решив взять за себя Дуню Эфрос, Антон не мог рассчитывать на приданое, так как родители ее были небогаты. Не возникало у него пока и мыслей о потомстве (разве что о щенке от Апеля и Рогульки, обещанном Лейкиным). Александр с гордостью поведал брату, что наблюдал появление на свет своего второго сына (его назвали Антоном), а затем прибавил, что это зрелище отбило у него всякую охоту ложиться с Анной в постель. Картины чадолюбия и домовитости, разрисованные в таганрогских письмах старшего брата, отнюдь не вдохновляли Антона на женитьбу. К тому же Александр в следующем письме заметил: «Ты еще не женился. И не женись. <...> Я уже забыл, когда спал по-человечески».

Помолвка Чехова и Дуни Эфрос была тайной и краткой, и резкие перепады его настроения можно проследить по письмам к Билибину. Первого февраля Антон с Колей и Францем Шехтелем плясали на балу в казармах, где был расквартирован полк поручика Тышко, и, вернувшись домой, Антон писал Билибину о своем охлаждении к Дуне Эфрос: «Невесту Вашу поблагодарите за память и внимание и скажите ей, что женитьба моя, вероятно, – увы и ах! Цензура не пропускает... Моя она – еврейка. Хватит мужества у богатой жидашечки принять православие с его последствиями – ладно, не хватит – и не нужно. К тому же мы уже поссорились... Завтра помиримся, но через неделю опять поссоримся... С досады, что ей мешает религия, она ломает у меня на столе карандаши и фотографии – это характерно... Злючка страшная... Что я с ней разведусь через 1–2 года после свадьбы, это несомненно...»

Неистовый Дунин темперамент одновременно привлекал и отталкивал Чехова, и героини его рассказов, написанных в том году, именно ей обязаны своей чувственностью и напористостью. Четырнадцатого февраля Антон писал Билибину: «О моей женитьбе пока еще ничего не известно», а 11 марта все уже закончилось: «С невестой разошелся до *pes plus ultra*¹⁰². Вчера виделся с ней <...> пожаловался ей на безденежье, а она рассказала, что ее брат-жидок нарисовал трехрублевку так идеально, что иллюзия получилась полная: горничная подняла и положила в карман. Вот и все. Больше я Вам не буду о ней писать».

Больше о невесте Билибин Чехова и не спрашивал. Однако растревоженный его амурными приключениями, Билибин засыпал его вопросами о любви и сексе как в литературе, так и в жизни. Тот ответил: «таял, как жид перед червонцем, в компании Машиных хорошеньких подруг». Дуня Эфрос продолжала оставаться другом семьи, хотя спустя два года поссорилась и с Машей. Примирительный тон ее письма, присланного летом с кавказского курорта, послужит примером и другим отвергнутым чеховским невестам: «О богатой невесте для Вас, Антон Павлович, я думала еще до получения Вашего письма. Есть здесь одна ласковая купеческая дочка, недурненькая, довольно полненькая (Ваш вкус) и довольно глупенькая (тоже достоинство). Жаждет вырваться из-под опеки маменьки, которая ее страшно стесняет. Она даже одно время выпила 1 ½ ведра уксусу, чтобы быть бледной и испугать свою маменьку. Это она нам сама рассказала. Мне кажется, что она понравится Вам. Денег очень много»¹⁰³.

Национальность Дуни, несомненно, сыграла свою роль в сближении с ней Чехова, а потом и в разрыве. Как и многие уроженцы юга России, Антон восхищался евреями и испытывал к ним симпатию. Всегда принимая их сторону, он даже Билибина упрекал, что тот трижды употребил в письме слово «жид». Хотя сам нередко использовал это слово не только в нейтральном, но и в уничижительном смысле и считал евреев какой-то другой расой с совершенно неприемлемыми обычаями. Своих новых знакомых он делил на «евреев» и «неевреев», однако судя по высказываниям и поведению, он скорее принадлежал к юдофилам.

Циничный взгляд Антона на любовь и семейную жизнь проявляется в двух вещах, написанных им для «Осколков» в январе 1886 года. Одна из них – это условия читательского конкурса: «Кто напишет лучшее любовное письмо, тот в награду получит: фотографию хорошенькой женщины, свидетельство (за подписью редактора и судей конкурса) в том, что такой-то, тогда-то вышел победителем на конкурсе, и право быть записанным в число даровых подписчиков <...> Условия конкурса: 1) Участниками конкурса могут быть только лица мужского пола. 2) Письмо должно быть прислано в редакцию „Осколков“ не позже 1 марта сего года и снабжено адресом и фамилией автора. 3) В письме автор объясняется в любви; доказывает, что он действительно влюблен и страдает; проводит тут же, кстати, параллель между простым увлечением и настоящей любовью <...> 4) *Conditio sine qua non*¹⁰⁴: автор должен быть литератором, приличен, нежен, игрив и поэтичен. <...> Судьями будут назначены дамы».

В другом сочинении, «К сведению мужей», предлагаются шесть способов обольщения чужих жен. Цензура его не пропустила: «Несмотря, однако, на шутливый тон ее, по безнравственности самого предмета, неприличию сладострастных сцен и цинических намеков, цензор полагал бы к печати не позволять». Билибин, готовящий себя в мужья, сказал Чехову, что его юмореска оскорбительна: «„Атаку-то жен“ цензор не пропустил! А?.. Так Вам и надо. А еще жениться собирается»¹⁰⁵.

Так или иначе, но литературный успех привлекал Антона больше, чем Дуня Эфрос. В 1885 году он написал около сотни произведений – примерно столько же печатных листов,

¹⁰² Дальше некуда (*лат.*).

¹⁰³ ОР. 331 64 20. Три письма Е. И. Эфрос А. П. Чехову. 1886. Письмо от 27.06.1886.

¹⁰⁴ Обязательное условие (*лат.*).

¹⁰⁵ ОР. 331 36 756. Письма В. В. Билибина А. П. Чехову. 1886. Письмо от 22.01. 1886.

сколько создал за свое последнее и лучшее десятилетие. В 1886 году, уже регулярно сотрудничая с «Петербургской газетой», он стал объектом внимания серьезных читателей и писателей. Лейкин с его «Осколками» уже перестал быть ему полезен, поскольку не придавал значения отделке произведений. (Сам он сразу писал свои рассказы набело и призывал к этому других авторов.) К тому же в 1885 году «Осколки» подверглись столь жесткой цензуре, что их существование, а заодно и доходы Антона оказались под угрозой. Так что в пользу перехода к Худекову говорили не только творческие, но и практические соображения, хотя Чехов признавал за Лейкиным некоторые достоинства, о которых писал Билибину, уверенному как раз в обратном: «Где Вы найдете другого такого педанта, ярого письмописца, бегуна в цензурный комитет и проч.?»

Более не нуждаясь в наставничестве Лейкина, Антон продолжал вести с ним активную переписку, иногда с улыбкой, а иногда с раздражением читая его самовлюбленный вздор: «Все вожусь с желудком. Должно быть, здоровый катарисце. И висмут не помог. Прибавил гран кодеину на 10 порошков. <...> Вчера купил корову за 125 рублей. Корова очень хорошая. Хотел ее отправить к себе в усадьбу, но пожалел, оставил до Пасхи в городском помещении, тем более что лишнее стойло у меня есть. Теперь пьем молоко неподдельное».

Для желудка Чехов порекомендовал Лейкину мышьяк. (Мышьяк он также прописал и Билибину и вместе с Лейкиным посмеивался над тем, что он опасается принимать его.)

Гимназическое прошлое неожиданно подхлестнуло творческие амбиции Антона Чехова. Виктор Билибин обратил его внимание на талантливую повесть «Моя женитьба», напечатанную в октябрьском и ноябрьском номерах «Русского вестника» за 1885 год. Речь в ней шла о преподавателе, таганрогской гимназии, которого ради либеральничавшего актера покинула сначала нелюбимая жена, а вслед за ней любимая невестка. Автором оказался Федор Стулли, преподававший Антону географию. Рассказ так сильно подействовал на Чехова, что через несколько лет он воспользуется его названием и некоторыми мотивами в собственной прозе. Ученику захотелось превзойти своего школьного учителя.

В «Петербургской газете» Антон выгодно отличался умением тонко описывать природу, а также богатым опытом московской жизни и дачного времяпрепровождения – начиная с рыбной ловли и кончая вскрытием трупов. В таких рассказах, как «Мертвое тело» и «Унтер Пришибеев», либерализм взглядов нашел тонкое стилистическое выражение, столь нехарактерное для прежнего Антоши Чехонте. Иногда Чехов позволял себе брать патетические ноты. Рассказ «Горе», повествующий о старом токаре, который обморозился, отвозя в больницу умирающую жену, привел в восхищение Пальмина. Прочитав историю извозчика, который, потеряв сына, обращается за сочувствием к своей лошади (рассказ «Тоска»), в гениальность Антона поверил и брат Александр. Чехов научился быть серьезным – пока не в письмах, но в рассказах, где он мог скрыться за нейтральной и ироничной фигурой автора. Качественный скачок чеховской прозы наметился еще в рассказе «Художество», в котором пьяный крестьянин воздвигает крест на покрытой льдом реке. Достаточно типичный для творчества Чехова, рассказ был написан специально под праздник водосвятия и стоит первым в ряду ему подобных, развивающих тему создания грешным существом произведения искусства, исполненного религиозной тайны. Глубиной и разнообразием этих историй Чехов обязан, в частности, и Мопассану, пользовавшемуся в России широкой популярностью, – его «Милого друга» и «Жизнь» Антон с Билибиным обсуждали в письмах. Познакомившись с десятком чеховских рассказов, которые печатались в «Петербургской газете» по понедельникам, столичные критики сменили неприязнь к провинциальному автору, за спиной которого не было никакого влиятельного покровителя, на более терпимое отношение.

Глава 17

Признание

февраль – апрель 1886 года

Редактор «Будильника» Курепин, вернувшись после новогодних праздников из Петербурга, объявил Чехову, что крупнейший издатель Суворин хочет печатать его рассказы в субботнем приложении к «Новому времени». Чехов с готовностью согласился, о чем и было доложено Суворину. Пятнадцатого февраля в «Осколках» был опубликован рассказ «На чужбине», одна из лучших чеховских вещей юмористического жанра. Чрезвычайно забавный и вместе с тем трогательный и печальный, рассказ повествует о затруднительном положении, в которое попал французский гувернер: русский хозяин конфисковал у него паспорт, превратив своего гостя в раба. В тот же день состоялся дебют Антона в «Новом времени», и появившийся там рассказ «Панихида» затмил своим блеском московскую публикацию. Кажущаяся поначалу забавной историей, «Панихида» выходит за рамки юмористики: похоронивший дочь и убитый горем отец настаивает на том, чтобы ее поминали как блудницу. Рассказ открывает новую чеховскую тему – актер как изгой общества, а его трагизм берет свое начало в комедии ошибок. Суворин послал Антону телеграмму, в которой просил подписать рассказ настоящим именем. Чехов же до сих пор приберегал его для научных сочинений – лишь в журнале «Природа и охота» можно было найти подлинную фамилию автора. Уступив (правда, с неохотой) просьбе Суворина, Антон Чехов обрек на вымирание Антошу Чехонте.

Лейкин вынужден был смириться с потерей своего протеже: «Мне кажется, что Вам прямой расчет писать у Суворина, ибо он платит чуть не вдвое дороже, а Худекову посылать изредка <...> чтобы не порвать связь». (Суворин для начала положил Чехову 12 копеек за строчку и выделил ему в три раза больше места, чем тот имел у Лейкина, так что один рассказ мог принести сто рублей.) Подобные трения возникали между Чеховым и Лейкиным и раньше, и не только на почве его московских публикаций. На лейкинское бахвальство своей мужской и редакторской мощью Антон отреагировал резко: «Член, разбивающий грецкие орехи, как мерило редакторских способностей, может послужить прекрасной темой для диссертации»¹⁰⁶. С середины апреля Худеков сократил отведенное Чехову в «Петербургской газете» место, чтобы печатать хронику. Антон начал демонстрировать преданность Суворину, послав ему поздравительную телеграмму по случаю десятилетия «Нового времени». На юбилейном собрании, на котором Суворин раздавал своим фаворитам золотые медали, был и Лейкин. Он не преминул извлечь пользу из новых связей Чехова, к тому же ему было лестно, что и Суворин, и Григорович «влюблены» в рассказы его подопечного. Дмитрий Григорович, первый из русских прозаиков правдиво описавший тяжелую участь русского крестьянства и уже лет сорок почитавший на лаврах, по-прежнему был вхож во многие редакторские кабинеты – настолько заразительным был его писательский энтузиазм.

Чехов предугадал суворинские вкусы. Газетчики «Нового времени» в своих репортажах и художественных публикациях любили подпустить натурализма и «клубнички». В двух чеховских рассказах, помещенных в «Новом времени» в феврале, героиней выступает темпераментная женщина, которая восстает против мужа: в «Агафье» она готова вынести его побои, проведя ночь со своим любимым, а в «Ведьме» она нагоняет на мужа страх, колдовством заманивая в избу потерявших дорогу путников. По словам Билибина, Суворин был «просто в восторге».

¹⁰⁶ Письмо А. П. Чехова Н. А. Лейкину от 28.12.1885. Купюра в ПССП. См.: Куранты. 1993 8 сент. С. 9.

Самого же его, как и других, более благонаправленных чеховских друзей, например архитектора Франца Шехтеля, рассказы эти несколько покорили; даже у Григоровича, известного сластолюбца, были на этот счет некоторые сомнения. В конце марта Чехов посылает Суворину рассказ «Кошмар», в котором выражается гражданская озабоченность бедственным положением священников и врачей и не чувствуется никакого «душка». История затронула струны в душе Суворина – в рассказе жена доктора сама стирает белье, и это звучит в унисон с излюбленной темой воспоминаний Суворина о прожитой в нужде молодости: его первая жена своими руками мыла в доме полы.

Новое творческое направление, избранное Чеховым, получило признание 25 марта 1886 года. Григорович, который еще прошлым летом восхищался «Егерем», теперь отбросил всякие сомнения в том, что открыл гения и нашел себе преемника. Об этом он долго беседовал с Сувориным, а потом написал Антону свое знаменитое письмо:

«Милостивый государь Антон Павлович,

Около года тому назад я случайно прочел в „Петербургской газете“ Ваш рассказ; названия его теперь не припомню; помню только, что меня поразили в нем черты особенной своеобразности, а главное – замечательная верность, правдивость в изображении действующих лиц и также при описании природы. С тех пор я читал все, что было подписано *Чехонте*, хотя внутренне сердился за человека, который так еще мало себя ценит, что считает нужным прибегать к псевдониму. Читая Вас, я постоянно советовал Суворину и Буренину следовать моему примеру. Они меня послушали и теперь, вместе со мною, не сомневаются, что у Вас настоящий талант – талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения. Я не журналист, не издатель; пользоваться Вами я могу только читая Вас; если я говорю о Вашем таланте, говорю по убеждению. Мне минуло уже 65 лет; но я сохранил еще столько любви к литературе, с такой горячностью слежу за ее успехом, так радуюсь всегда, когда встречаю в ней что-нибудь живое, даровитое, что не мог – как видите – утерпеть и протягиваю Вам обе руки. Но это еще не все; вот что хочу прибавить: по разнообразным свойствам Вашего несомненного таланта, верному чувству внутреннего анализа, мастерству в описательном роде (метель, ночь и местность в „Агафье“ и т. д.), чувству пластичности, где в нескольких строчках является полная картина: тучки на угасающей заре – „как пепел на потухающих углях...“ и т. д. – Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. Для этого вот что нужно: уважение к таланту, который дается так редко. Бросьте срочную работу. Я не знаю Ваших средств; если у Вас их мало, голодайте лучше, как мы в свое время голодали, поберегите Ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в один присест, но писанного в счастливые часы внутреннего настроения. Один такой труд будет во сто раз выше оценен сотни прекрасных рассказов, разбросанных в разное время по газетам; Вы сразу возьмете приз и станете на видную точку в глазах чутких людей и затем всей читающей публики. В основу Ваших рассказов часто взят мотив несколько цинического оттенка: к чему это? Правдивость, реализм не только не исключают изящества, – но выигрывают от последнего. Вы настолько сильно владеете формой и чувством пластики, что нет особой надобности говорить, например, о грязных ногах с вывороченными ногтями и о пупке у дьячка. Детали эти ровно ничего не прибавляют к

художественной красоте описания, а только портят впечатление в глазах читателя со вкусом. Простите мне великодушно такие замечания; я решился их высказать потому только, что истинно верю в Ваш талант и желаю ему ото всей души полного развития и полного выражения. На днях говорили мне, выходит книга с Вашими рассказами; если она будет под псевдонимом *Че-хон-те*, – убедительно прошу Вас телеграфировать издателю, чтобы он поставил на ней настоящее Ваше имя. После последних рассказов в „Новом времени“ и успеха „Егеря“ оно будет иметь больше успеха. Мне приятно было бы иметь удостоверение, что Вы не сердитесь на мои замечания, но принимаете их как следует к сердцу точно так же, как я пишу Вам неавторитетно, – по простоте чистого сердца.

Жму Вам дружески руку и желаю Вам всего лучшего. Уважающий Вас Д. Григорович».

Антон, всю жизнь относившийся с опаской и настороженностью к собственному отцу, раскрыл свою душу патриархам русской литературы. Лесков, Григорович, Толстой, а также сам себя сделавший Суворин пробудили в нем чувство сыновней преданности. Их знаки внимания он ставил выше обожания поклонниц. Поделившись радостью с дядей Митрофаном и Билибиным, Антон отправил обратной почтой взволнованное ответное письмо:

«Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния. Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе. Как Вы приласкали мою молодость, так пусть Бог успокоит Вашу старость, я же не найду ни слов, ни дел, чтобы благодарить Вас. Вы знаете, какими глазами обыкновенные люди глядят на таких избранных, как Вы; можете поэтому судить, что составляет для моего самолюбия Ваше письмо. Оно выше всякого диплома, а для начинающего писателя оно – гонорар за настоящее и будущее. Я как в чад. Нет у меня сил судить, заслужена мной эта высокая награда или нет... Повторяю только, что она меня поразила.

Если у меня есть дар, который следует уважать, то, каюсь перед чистотою Вашего сердца, я доселе не уважал его. Я чувствовал, что он у меня есть, но привык считать его ничтожным. Чтоб быть к себе несправедливым, крайне мнительным и подозрительным, для организма достаточно причин чисто внешнего свойства... А таких причин, как теперь припоминаю, у меня достаточно. Все мои близкие всегда относились снисходительно к моему авторству и не переставали дружески советовать мне не менять настоящее дело на бумагомаранье. У меня в Москве сотни знакомых, между ними десятка два пишущих, и я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видел во мне художника. В Москве есть так называемый „литературный кружок“: таланты и посредственности всяких возрастов и мастей собираются раз в неделю в кабинете ресторана и прогуливают здесь свои языки. Если пойти мне туда и прочесть хотя кусочек из Вашего письма, то мне засмеются в лицо. За пять лет моего шатанья по газетам я успел проникнуться этим общим взглядом на свою литературную мелкость, скоро привык снисходительно смотреть на свои работы и – пошла писать! Это первая причина... Вторая – я врач и по уши втянулся в свою медицину, так что поговорка о двух зайцах никому другому не мешала так спать, как мне.

Пишу все это для того только, чтобы хотя немного оправдаться перед Вами в своем тяжком грехе. Доселе относился я к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я *ни одного* своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а „Егеря“, который Вам понравился, я писал в купальне! Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, нимало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом... Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, Бог знает почему, берег и тщательно прятал.

Первое, что толкнуло меня к самокритике, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я начал собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки веры в собственную литературную путевость у меня не было.

Но вот неожиданно-негаданно явилось ко мне Ваше письмо. Простите за сравнение, оно подействовало на меня как губернаторский приказ „выехать из города в 24 часа!“, т. е. я вдруг почувствовал обязательную потребность спешить, скорее выбраться оттуда, куда завяз...

Я с Вами во всем согласен. Циничности, на которые Вы мне указываете, я почувствовал сам, когда увидел „Ведьму“ в печати. Напиши я этот рассказ не в сутки, а в 3–4 дня, у меня бы их не было...

От срочной работы избавлюсь, но не скоро... Выбиться из колеи, в которую я попал, нет возможности. Я не прочь голодать, как уж голодал, но не во мне дело... Письму я отдаю досуг, часа 2–3 в день и кусочек ночи, т. е. время, годное только для мелкой работы. Летом, когда у меня досуга больше и проживать приходится меньше, я возьмусь за серьезное дело.

Поставить на книжке мое настоящее имя нельзя, потому что уже поздно: виньетка готова и книга напечатана. Мне многие петербуржцы еще до вас советовали не портить книги псевдонимом, но я не послушался, вероятно, из самолюбия. Книжка моя мне очень не нравится. Это винегрет, беспорядочный сброд студенческих работишек, ощищенных цензурой и редакторами юмористических изданий. Я верю, что, прочитав ее, многие разочаруются. Знай я, что меня читают и что за мной следите Вы, я не стал бы печатать этой книги.

Вся надежда на будущее. Мне еще только 26 лет. Может быть, успею что-нибудь сделать, хотя время бежит быстро.

Простите за длинное письмо и не вменяйте человеку в вину, что он первый раз в жизни дерзнул побаловать себя таким наслаждением, как письмо к Григоровичу.

Пришлите мне, если можно, Вашу карточку. Я так обласкан и взбудоражен Вами, что, кажется, не лист, а целую стопу написал бы Вам. Дай Бог Вам счастья и здоровья, и верьте искренности глубоко уважающего Вас и благодарного А. Чехова».

Хотя Лейкин по-прежнему уверял Антона: «Мой дом, мой стол – к Вашим услугам», тот решил встретиться в Петербурге со своими новыми покровителями без его участия. После прохладного приема, оказанного ему Сувориным и другими в прошлый приезд в Петербург, у Антона появились основания не доверять редактору «Осколков». В письме к Александру он назвал Лейкина «дядей лжи». Шехтель, работавший над обложкой к сборнику «Пестрые

рассказы», сообщал Антону: «Предположение, что Лейкин действует во вред Вам и, следовательно, в свою пользу, не лишено, как оказывается, основания».

К Пасхе Антон послал Суворину самый тонкий и лиричный из всех до сих пор написанных рассказов, «Святою ночью», пронизанный безграничной любовью автора к архаичному языку церковной службы – пожалуй, кроме Чехова, лишь Лескову удавалось столь же мастерски сочетать его с современным литературным слогом. Описывая торжество святого воскресения, Чехов, похоже, стремится преодолеть и собственный религиозный скептицизм.

Впрочем, победному визиту Чехова в Петербург препятствовали по крайней мере четыре причины: Пасха, нездоровье, нужда и Колино отвратительное поведение. Лишь дважды, в 1878 и 1879 годах, Антон справлял Пасху вдали от семьи. И в этот раз он остался в Москве до Светлого понедельника, 14 апреля. Под Пасху, как это всегда случалось по весне, состояние здоровья Чехова заметно ухудшалось: когда в деревьях пробуждались соки, легкие Антона начинали исторгать кровь. Шестого апреля Антон признался Лейкину что у него открылось кровохарканье и совсем нет сил писать, однако он боится «подвергнуть себя зондировке коллег». При этом ни родственники, ни друзья не желали оставить Антона в покое. Получив письмо от Гиляровского, где тот писал о сломанной ноге, ужасных ожогах и ранах, Антон бросился на помощь, но обнаружил у него лишь рожистое воспаление кожи. Ваня с его расстроенным желудком и кашляющая тетя Феничка тоже держали Антона в Москве. Не хватало денег на билет, хотя Суворин, в отличие от Худекова, расплачивался с авторами вовремя. Пятого мая городской суд потребовал от Антона уплаты 50 рублей в счет Колиных долгов – всего художник задолжал не менее трех тысяч.

Безответственность старших братьев стала серьезной помехой в жизни Антона. Обоим им он делал строгие внушения, а 6 апреля сердито написал Александру: «Ты пишешь, „жгут, режут, точут и пияют“. Т. е. долги требуют? Милый мой, да ведь нужно же долги платить! Нужно во что бы то ни стало, хотя бы армяшкам, хотя ценою голодухи... Если университетские и пишущие люди видят в долгах страдания, то что же остается остальным? <...> Я по себе сужу, а на моей шее семья, которая гораздо больше твоей, и провизия в Москве в 10 раз дороже, чем вас. За квартиру ты платишь столько, сколько я за пианино, одеваюсь я не лучше тебя...»

Одновременно получил от Антона ультиматум и брат Николай: «По-моему, ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, поделаясь последней копейкой, искренен; ты чужд зависти и ненависти, простодушен, жалеешь людей и животных, не ехиден, не злопамятен, доверчив... Ты одарен свыше тем, чего нет у других: у тебя талант. <...> На земле один художник приходится только на 2 000 000... <...> Недостаток же у тебя только один. В нем и твоя ложная почва, и твое горе, и твой катар кишок. Это – твоя крайняя невоспитанность. <...> Сказывается плоть мещанская, выросшая на розгах, у рейнского погребца, на подачках. Победить ее трудно, ужасно трудно! Воспитанные люди, по-моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям: 1) Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... <...> 2) <...> Они ночей не спят, чтобы <...> платить за братьев-студентов, одевать мать... 3) Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги».

Заканчивалась тирада следующим: «Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт... Спать с бабой, дышать ей в рот, слышать вечно ее мочеиспускание, выносить ее логику, не отходить от нее ни на шаг – и все из-за чего! Воспитанные же в этом отношении не так кухонны. Им нужны от женщины не постель, не лошадиный пот, ни звуки мочеиспускания, ни ум, выражающийся в умение надуть фальшивой беременностью и лгать без устали... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть не дыркой, а матерью... Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что

они не свиньи. <...> Иди к нам, разбей графин с водкой и ложись читать... хотя бы Тургенева, которого ты не читал... Хуевое самолюбие надо бросить, ибо ты не маленький... 30 лет скоро! Пора! Жду. Мы все ждем...»

Колино шалопайство вредило не только родным. Франц Шехтель, доверившись художнику, предложил ему восстанавливать иконы в церкви, но в результате был вынужден платить штраф за просрочку. Коля же, взяв деньги и материалы, исчез. Шехтель зывал к Антону: «Рву на себе волосы и зубы с отчаяния: Николай сгинул и замел за собою всякий след, по которому можно было бы добраться до него»¹⁰⁷.

Наконец, в Пасхальное воскресенье Колю обнаружили, но ни денег, ни материалов при нем не оказалось. Антон сделал для брата все, что было в его силах. Он уже собрался в Петербург: 27 апреля должны были выйти в свет «Пестрые рассказы», к тому же поездка имела целью и денежные дела. Если Суворин платил ему по 87 рублей за рассказ, то почему бы и Худекову не поднять расценки? На том же настаивал и Лейкин: «Не худо бы Вам после Фоминой приехать в Петербург и повидаться с Сувориным и Григоровичем. Я бы это сделал ради литературных связей, которые необходимы для пишущего человека». Двадцать пятого апреля Антон вышел из московского поезда на столичный перрон: ему предстояла многообещающая встреча с великими мира сего.

¹⁰⁷ ОР. 331 63 25а. Письма Ф. Шехтеля А. П. Чехову. 1885–1886. Совместные попытки образумить Николая сдружили Шехтеля с семейством Чеховых. Когда Шехтель припозднился с эскизом обложки, Антон в качестве наказания предложил ему на выбор «десять казней Египетских». Шехтель выбрал казнь номер десять: «Парочку циркисток, живых и свежих (ко мне на дом)». «Когда же, – вопрошал в ответном письме Антон, – будем тараканиться с циркистками?»

Часть III

Сторож брату своему

*И снабжал Иосиф отца своего, и братьев
своих, и весь дом отца своего хлебом,
по потребностям каждого семейства.*
Бытие, 47, 12

Глава 18

Суворины

апрель – август 1886 года

В апреле Антон Чехов снова встретился с Сувориным, и в этот раз их связала крепкая дружба, которую впоследствии разрушит расхождение во взглядах, поначалу вызывавшее взаимный интерес. Суворин сразу почувствовал в Чехове редкостный талант и душевную тонкость, а Чехов нашел в Суворине тактичного покровителя. На то, чтобы Суворин убедился в твердости чеховской натуры, а Чехов – в слабости суворинского характера, уйдет двенадцать долгих лет. А пока они были нужны друг другу: газета «Новое время» нуждалась в литературном гении, а Чехову надо было торить дорогу в петербургские писательские круги. В последующее десятилетие лишь с Сувориным Чехов был предельно откровенен – тот отвечал ему взаимностью и, несмотря на разницу в возрасте, был с Чеховым на равных.

У Суворина, солдатского сына, рожденного в российской глубинке (Бобровский уезд Воронежской губернии соседствовал с краями, откуда пошел чеховский род), с Чеховым было много общего – свой путь наверх он прокладывал сквозь тернии учительства и репортерства; пробовал себя в литературной критике и драматургии. В конце шестидесятых годов он приобрел известность как либерал, а в конце семидесятых, числя себя другом Достоевского, устремился в политику, сделав свою газету самой читаемой, самой почитаемой и самой порицаемой за ее близость к правящим кругам, за национализм, а также за обширный раздел объявлений, в которых молодые безработные француженки «искали себе места». При этом он сохранил независимость: у номинального редактора газеты, М. Федорова, всегда был наготове чемоданчик с вещами – на случай, если иной журналистский выпад Суворина будет чреват тюремным заключением. Суворин вырастал в могучего издателя и владельца обширной сети книжных киосков на российских железных дорогах.

Натура у Алексея Сергеевича Суворина была сложная – человек большого ума, он был лишен остроумия; в своих передовицах высказывал верноподданнические, а в дневнике – анархистские взгляды. Его пороки были продолжением его же достоинств: антисемитский бред «Нового времени» совмещался с привязанностью к пожилой еврейке, учившей музыку суворинских детей и нашедшей приют в его доме. Даже злейшие из суворинских врагов говорили, что он боится лишь смерти и газеты-конкурента. Театральный критик А. Кутель вспоминал: «Когда он в своей меховой шапке, расстегнутой шубе и с крепкой палкой являлся с мороза за кулисы театра, мне почти каждый раз приходила в голову фигура Грозного царя Ивана Васильевича... Что-то лисье в нижней челюсти, в оскале рта и острое в линиях лба... <...> Мефистофель Антокольского... <...> Его сила, секрет его влияния и острота его взгляда были в том, что он, подобно одному из крупнейших политических и философских гениев, очень глубоко проникал в дурную сторону человеческой натуры <...> В том, как он угощал Чехова, как он

глядел на него, как обволакивал его взглядом, было что-то напоминающее богатого содержателя, вывозящего в свет свою новую „штучку“».

Первая жена Суворина, Анна Ивановна, погибла в обстоятельствах, вызвавших сочувствие даже его врагов. Однажды сентябрьским вечером 1873 года ничего не подозревавший Суворин был вызван в отель «Бельвю», где в одном из номеров обнаружил жену, которая умерла от огнестрельной раны, нанесенной ей любовником. Через четыре года Суворин снова женился, и снова на Анне Ивановне, однокласснице дочери, бывшей на двадцать два года его моложе. По натуре кокетка, молодая жена тем не менее защищала интересы мужа с яростью тигрицы. Суворин отвел ей в своей жизни третье место – после газеты и театра. Несчастья преследовали его семью одно за другим: в 1885 году погибла от диабета сбежавшая с любовником старшая дочь Александра, а следом умер малыш Григорий, третий ребенок от второго брака¹⁰⁸. Суворин пережил четверых своих детей и любимого зятя. Он замкнулся в себе, его мучила бессонница. Он редко ложился спать, не дождавшись утреннего выпуска газеты, и ночи напролет просиживал в кабинете, довольствуясь чашкой кофе и порцией цыпленка. Или же одиноко бродил по проспектам и кладбищам Петербурга. Когда его семейная жизнь совсем расстроилась, он удалился в загородное поместье, оставив дела сыну Алексею, «Дофину», который в результате и подорвал могущество его газетной империи.

Как и у Антона Чехова, любовь Суворина к своей родне порой сменялась раздражением. Как и Антон, Суворин в одиночестве искал компании, а в компании – одиночества. Суворин, впрочем, отличался изрядным кумовством. Антон Чехов был не первым из выпускников таганрогской гимназии, которого Суворин взял под крыло, – его финансовый управляющий Алексей Коломнин покинул Таганрог десятью годами раньше Чехова и женился на суворинской дочери. Его брат, Петр Коломнин, заведовал типографией Суворина. Взяв под покровительство Антона, Суворин не раз предлагал работу Александру, Ване, Майе и Мише Чеховым. Вскоре в суворинском доме у Антона появилась собственная двухкомнатная квартира, а младшую дочь Настю, тогда еще девятилетнюю девочку, Суворин прочил Чехову в жены.

Сорок лет спустя Анна Ивановна Суворина вспоминала первый визит Антона Чехова в их дом: «У нас в квартире, вопреки обычаю, зал был предоставлен детям в их полное распоряжение. <...> в одном из его углов стояла большая клетка с всегда леною сосною, где жили и умножались до 50 канареек и чижей, зал был на солнце; птицы там заливались, дети, конечно, шумели, да еще надо добавить, что и собаки тоже принимали участие <...> Явился Чехов <...> прямо на „ярмарку“...<...> Улыбаясь познакомился со мною, со всеми детьми, – и мы сели с ним около клетки на диванчик. Он спросил у детей название всех собак, сказал, что сам очень любит собак, причем насмешил нас <...> Мы разговаривали довольно долго. <...> Чехов был высокого роста, тонкий, очень стройный, с темно-русыми волнистыми волосами, серыми, немного с поволокою чуть-чуть смеющимися глазами и с привлекательной улыбкою. Он говорил приятным мягким голосом и чуть-чуть улыбаясь, когда обращался к тому, с кем вел беседу. <...> Мы с Чеховым быстро подружились, никогда не ссорились, спорили же часто и чуть не до слез – я по крайней мере. Муж мой прямо обожал его, точно Антон Павлович околдовал его. Исполнить какое-нибудь желание его, не говоря о просьбе, для него было одно удовольствие»¹⁰⁹.

Антон завоевал сердца суворинских детей (на какое-то время – даже Дофина), его слуги Василия Юлова и французской гувернантки Эмили Бижон. Философ Василий Розанов, кстати, тоже получивший известность благодаря Суворину, с удивлением отмечал: «Совершенно исключительна была какая-то нежная любовь Суворина к Чехову <...> Мне кажется,

¹⁰⁸ Чехов был неплохо осведомлен о тайнах суворинского дома: его любовница Лили Маркова (по другим данным – ее тетка Е. В. Маркова) несколько лет служила у Сувориных гувернанткой. Редкий доктор Фауст был столь же хорошо подготовлен к встрече с Мефистофелем.

¹⁰⁹ См.: А. П. Чехов: Затерянные произведения. Неизданные письма. Новые воспоминания. Л., 1925. С. 185–195.

если бы Антон Павлович сказал ему: – „Пришла минута, нуждаюсь в квартире, столе, сапогах, покое и жене“, – то Суворин бы сказал ему: – „Располагайтесь во всем у меня“. Буквально»¹¹⁰.

Все это не могло не вызвать ревность у журналистов суворинского окружения. Одним из них был Виктор Буренин, закадычный друг и конфидент Суворина. Ему ничего не стоило скабрезной эпиграммой или едкой критикой уничтожить молодого литератора. История их знакомства началась лет двадцать назад. Суворин сидел в парке на скамейке, отчаявшись достать денег на акушерку для беременной жены. Буренин, тогда еще студент, разговорился с ним и в результате отдал ему всю бывшую при нем наличность. С тех пор они были неразлучны. Буренин, как и Григорович, убедил Суворина в том, что у Чехова большое будущее, однако пользуясь правом безнаказанно нападать даже на суворинских любимчиков, вскоре взялся и за него, и злобная клика газетчиков из «Нового времени» рассеяла по всему Петербургу семена неприязни к начинающему московскому писателю.

Тем не менее, весной 1886 года Антон был счастлив. Обеды в ресторанах с Сувориным, выходы в свет – все это опьяняло и лишало сна. Необходимость писать ради денег отступила, и Лейкин уже не мог рассчитывать на еженедельную чеховскую дань. Той весной в «Новом времени» появился лишь один рассказ Чехова – «Тайный советник». Трогательная история о том, как визит знатного родственника вызвал необычайное смятение в тихом сельском поместье, предвосхищает сюжет пьесы «Дядя Ваня». Впрочем, этот чеховский рассказ был лишен какого бы то ни было оттенка сенсационности, которого всегда ожидали читатели «Нового времени». В рассказе проступают воспоминания детства, проведенного в окрестностях Таганрога, и, пожалуй, впервые звучит ностальгия по невозвратным безмятежным дням, которой будет окрашена поздняя чеховская проза.

Между тем Антона зазывали к себе Киселев и все обитатели Бабкина. Там было хорошо, пели щеглы и звенели комары. Коля приехал туда с кистями и красками, в спешке оставив у Анны Гольден зубную щетку и пеньковые брюки. Надеясь, что художник в Коле возобладаст над любовником, Антон поначалу оставлял без внимания письма Франца Шехтеля, в которых тот негодовал по поводу Колиных пьяных разгулов. К концу апреля Коля совсем зарвался: он выпросил у управляющего театром «Эрмитаж» Лентовского сотню рублей и засел в Бабкине, время от времени выбираясь в Москву на очередную пьянку. Шехтель метал громы и молнии; пытаясь воззвать к Колиной совести, одно из писем к нему он послал в конверте с надписью «С вложением 3000 рублей»: «Друже! Пальта у меня два, а денег ни хуя – впрочем, будут на днях, пока тебе есть в чем выехать – приехал бы на минуту ко мне»¹¹¹.

Жаловался Шехтель Антону и на беспутного Левитана, хотя женщины не отвлекали того от живописи. Шехтель сетовал: «Левитан, конечно, пишет и вздыхает по своей бесштанной красавице, но несчастный он все-таки человек; сколько приходится ему истратить на щелок, ждановскую жидкость Лодиколон и на всякие другие дезинфицирующие специи и сколько положит труда, чтобы уснастить ими свою любвеобильную половку и сделать ее достойной для восприятия его ахалтекинских ласок».

Левитан появился в Бабкине позже всех – он задержался в Крыму, откуда писал Чехову: «Да скажите, с чего Вы взяли, что я поехал с женщиной? Тараканство здесь есть, но оно и было здесь до меня. Да потом, я вовсе не езжу на благородном животном таракании, оно у меня было рядом (а здесь, увы, нет)»¹¹².

Десятого мая Антон вернулся из Петербурга в Москву и на следующий день вместе с матерью, сестрой и Мишей отправился в Бабкино. Тут и началось настоящее веселье. Моло-

¹¹⁰ Розанов В. В. Мимолетное. СПб., 1994. С. 133–134.

¹¹¹ ОР. 331 63 25е. Два письма Ф. О. Шехтеля Н. П. Чехову. 1886.

¹¹² ОР. 331 49 25а. Письма И. И. Левитана А. П. Чехову. 1885–1886. (Купюра в: Федоров-Давыдов А., Шапиро А. Левитан: Письма, документы, воспоминания. М., 1956).

дежь занималась живописью, удила рыбу, проводила время за играми. Левитан наряжался диким чеченцем, а братья Чеховы устраивали шутейные судебные процессы над Колей по делу о пьяных дебошах. На забаву киселевским детям Антон сочинял рифмованные бессмыслицы под названием «Сапоги всмятку». При этом он находил время для лечения крестьян и писал в «Осколки», «Петербургскую газету» и «Новое время» ставшие классикой юмористические рассказы, такие как «Роман с контрабасом». Тогда же был написан и первый философский рассказ, «Скука жизни», в котором идеалисты и циники ведут спор о том, что надлежит делать русскому человеку, наделенному чувством гражданского долга. У Чехова, в отличие от Достоевского и Толстого, никто не выигрывает спора, неизбежно заходящего в идеологический тупик. В то лето Антон пытался выработать новый тип рассказа, раскрывающего тщетность всяческих речей и умствований. В 1886 году он написал гораздо меньше по сравнению с прошлым годом, однако все это время готовил себя к серьезной работе над прозой, которая была уже на подходе.

Едва только Антону удалось вытащить Колю из постели Анны Гольден и московских пьяных вертепов, как на горизонте появился брат Александр. Двадцать первого мая он надиктовал Антону письмо, к которому его жена добавила отчаянный постскрипtum: «Антон Павлович, ради Бога придумайте, что нам делать, Саша ослеп вдруг вчера в 5 часов вечера, он после обеда лег спать, по обыкновению выпив порядочно, потом проснулся в 5 часов, вышел из своей комнаты поиграть с детьми и велел подать себе воды, выпил воду, сел на постель и говорит мне, что ничего не видит, я даже сразу и не поверила».

Коля решил, что Александр всех разыгрывает, однако вскоре в эту историю пришлось поверить: Александру дали отпуск для прохождения лечения в Москве и Петербурге. Третьего июня он появился в Москве в доме у Вани. Оттуда же Павел Егорович писал Антону: «Прошу моих детей беречь глаза больше всего, занимайтесь писанием больше днем, а не ночью, действуйте разумно, – без глаз плохо, милостыню просить и пособия – это большое несчастье. Коля и Миша, берегите глаза, Вам еще нужно долго жить и быть полезными Обществу и себе. Мне неприятно видеть, если вы потеряете хорошее зрение. Саша ничего не видит, подают ему хлеб и ложку и все. Вот последствия своей воли и влечения своего разума на худое, увещаний моих он не послушал».

Александр, его жена Анна, их незаконные дети, а также дети Анны от первого брака, которых она время от времени брала к себе в дом, прожили два месяца с Павлом Егоровичем и Ваней в его казенной квартире. Павел Егорович спокойствия не возмущал. Александр лечился от алкоголизма, и постепенно к нему возвращалось зрение. Десятого июля он писал Антону: «Сообщу кстати курьез, от которого меня тошнит, мутит и в груди шевелится легонькая струнка чего-то совестливого. Вообрази себе, что после ужина я наярываю свою „мать своих детей“ во весь свой лошадиный репiс. Отец в это время читал свой „Правильник“ и вдруг вздумал войти со свечою, узнать, заперты ли окна. Можешь себе представить мое положение! Одна картина стоит кисти десяти Левитанов и проповедей ста тысяч Байдаковых. Но фатер не смутился. Он степенно подошел к окну, запер его, будто ничего не заметил, догадался потушить свечу и вышел впотьмах. Мне показалось даже, что он помолился на икону, но утверждать это не смею»¹¹³.

В середине июля Коля снова пропал – на этот раз он отправился в Таганрог к кузену Георгию и дяде Митрофану. В Бабкино заявился Александр с семьей. Антон пришел в ужас – он мечтал совсем о другой компании. Он безнадежно пытался выманить из Москвы Шехтеля, осыпая его упреками: «Житье в городе летом – это хуже педерастии и безнравственнее мужеложства». Затем, сделав вид, что ему необходимо подменить в больнице доктора Успенского, перебрался в Звенигород. После поездки в Петербург Антон стал тяготиться своими братьями. Между тем ветренная писательская слава пока поднесла ему горькую пилюлю: престижный жур-

¹¹³ ОР. 331 32 12. (Купюра в: Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова.)

нал «Северный вестник» напечатал анонимную рецензию на «Пестрые рассказы», в которой предрекал гибель молодого таланта: «Кончается тем, что он обращается в выжатый лимон, и, подобно выжатому лимону, ему приходится в полном забвении умирать где-то под забором <...> Вообще книга г. Чехова, как ни весело ее читать, представляет собою весьма печальное и трагическое зрелище самоубийства молодого таланта, который изводит себя медленною смертью газетного царства». Полагая, что автором рецензии был Н. Михайловский, Чехов затаил на него обиду на всю жизнь¹¹⁴.

Чем больше на Антона нападали, тем сильнее он нуждался в сестре Маше. Закончив высшие женские курсы, она обрела профессию по крайней мере на ближайшие два десятилетия, а вместе с нею и уверенность в себе. Маша устроилась преподавать в частную женскую гимназию Ржевской, чьи родственники были владельцами молочной фермы и магазинов, отчего гимназию Чехов в шутку прозвал «молочной», а классных дам – «коровками». Маша переросла уже и роль посредницы, через которую Антон знакомился с интересными и независимыми девушками. Евгения Яковлевна уступила ей место хозяйки дома. В начале августа именно Маша поехала из Бабкина в Москву подыскать для семьи квартиру потише. Как это часто бывало в девятнадцатом веке, сестра для своих братьев была прислужницей, к которой те, впрочем, относились с обожанием. Двоюродный брат Георгий писал Антону: «Я заключил из всех симпатичных рассказов дорогого Михалика [*Михаила Павловича*], что она есть у вас богиня чего-то доброго, хорошего и милого»¹¹⁵.

Богиня богиней, но прислужница должна знать свое место: летом в Бабкине впервые произошло столкновение семейных интересов. Левитан взялся учить Машу живописи, и из-под ее кисти стали выходить неплохие акварельные пейзажи и портреты. Левитан, имевший сотни связей с сотнями женщин, сделать предложение руки и сердца решился лишь однажды. Вот как вспоминала об этом семьдесят лет спустя девятностидвухлетняя Мария Павловна Чехова: «Вдруг Левитан бух передо мной на колени и... объяснение в любви. <...> Я не нашла ничего лучшего, как повернуться и убежать. Целый день я, расстроенная, сидела в своей комнате и плакала, уткнувшись в подушку. К обеду, как всегда, пришел Левитан. Я не вышла. Антон Павлович спросил окружающих, почему меня нет. <...> Антон Павлович встал из-за стола и пришел ко мне. „Чего ты ревешь?“ Я рассказала ему о случившемся и призналась, что не знаю, как и что нужно сказать теперь Левитану. Брат ответил мне так: „Ты, конечно, если хочешь, можешь выйти за него замуж, но имей в виду, что ему нужны женщины бальзаковского возраста, а не такие, как ты“».

Когда бы Маша ни заговаривала с Антоном о претендентах на ее руку, его реакция была отрицательной. И хотя он никогда открыто не возражал против ее замужества, его молчание, а также (при необходимости) кое-какие закулисные хлопоты явно свидетельствовали о его неодобрении и даже сильном беспокойстве по этому поводу.

Сестру Машу удержать от брака Антону было под силу, а вот собственных подруг удержать подле себя ему не удалось. Дуня Эфрос, хотя и приняла от него привезенные из Петербурга шоколадные конфеты, предпочитала держаться на расстоянии. Ольга Кундасова увлеклась профессором Бредихиным из московской обсерватории. Лили Маркова уехала в Уфу и затерялась там среди башкир. Вернувшись в Петербург, она приняла предложение художника А. Сахарова. Алексей Киселев, всегда видевший в личной жизни Антона много забавного, откликнулся на это событие виршами, которые декламировались по всему Бабкину:

¹¹⁴ Автор рецензии был А. Скабичевский.

¹¹⁵ ОР. 331 33 56. Письма Г. М. Чехова А. П. Чехову. Письмо от 30.04.1888.

А. П. ЧЕХОВУ

Сахаров женился
И уж как дивился,
Что дыру у Лили
Раньше просверлили!
Кто? узнать он хочет
И добьется толку —
А Антон хохочет
С Лилей втихомолку.
Едет он, не свищет,
И коли разыщет,
Как задаст трезвону
Блядуну Антону!
Трепку, да такую,
Чтоб не забывать
И в дыру чужую
Слез не проливать¹¹⁶.

Подобные мысли, правда не столь игриво оформленные, приходили в голову и другим людям. Прочитав напечатанный в одном из августовских номеров «Нового времени» чеховский рассказ «Несчастье», Вера Билибина сказала мужу, что под видом Ильина, бесстыдного совратителя замужней героини, автор вывел самого себя. И вообще она не выходила, когда Антон появлялся у них в доме. Четыре года спустя Билибин оставил ее ради секретарши редакции «Осколков» Анны Соловьевой. У Веры не было никакого сомнения в том, что Антон оказал пагубное влияние на ее мужа.

¹¹⁶ ОР. 331 47 456. Письма А. С. Киселева А. П. Чехову. 1886.

Глава 19

Жизнь в «комоде»

сентябрь 1886 – март 1887 года

Новое жилье для семьи Маша с Мишей сняли за 650 рублей в год у доктора Корнеева. Это был двухэтажный дом в восемь комнат на Садовом кольце, пыльной улице, по которой раз в час проезжала конка. Антон поселился в доме 1 сентября 1886 года. Здесь Чеховы прожили четыре года (сейчас в этом доме, фасад которого напоминал Антону комод, открыт единственный в Москве чеховский музей). Антон расположился таким барином в собственных комнатах – спальне и кабинете. На первом этаже была просторная кухня, ведущая в комнаты для прислуги и кухарки. Наверху – Машина светелка, примыкавшая к гостиной: доносившиеся оттуда голоса ее подруг выманивали Антона из кабинета. Столовая тоже была на втором этаже, так что звук шагов по лестнице никогда не умолкал. А под лестницей дремала стареющая гончая Корбо. Павел Егорович навещался сюда ежедневно, хотя ночевать оставался либо при гавриловском амбаре, либо у Вани, жившего неподалеку.

Антон тратил больше, чем зарабатывал, – ему пришлось заложить часы и золотую турецкую монету, полученную в подарок от семейства Яновых за врачебную помощь. В рассказах, написанных в тот период, проступает озабоченность автора собственным статусом: в «Пассажира первого класса» посредственная актриса, любовница построившего мост инженера, становится центром внимания на церемонии открытия моста. Так и Антону казалось, что он заслуживает большего. В шуточной «Литературной табели о рангах», в которой Антон классифицировал русских писателей, высшее место «действительного государственного советника» осталось вакантным. Выше всех стоят Толстой с Гончаровым, следом идут Салтыков-Щедрин и Григорович, далее – драматург Островский, а за ним Лесков с поэтом Полонским. Журналисты «Нового времени» Буренин и Суворин поставлены в один ряд с истинным талантом, тогда еще молодым Всеволодом Гаршиным. Внизу же без всякого ранга оказался антисемитский писатель Окрейц по прозвищу Юдофоб Юдофобович.

Посетительницы дома-комода были фривольно обольстительны, однако, судя по переписке, завлечь Антона им не удалось. Лишь Мария Киселева удостоилась его внимания: она упрекала Чехова в моральном разложении и растрате таланта по пустякам. В письме к ней от 21 сентября он пытается развеять ее иллюзии относительно своего разгульного житья: «Во-первых, жизнь хмурая... Работы от утра до ночи, а толку мало...<...> у меня угарно и холодно...<...> Папиросы невозможны! Прежде чем закурить, я зажигаю лампу, сушу над ней папиросу и потом уж курю, причем лампа дымит и коптит, папироса трещит и темнеет, я обжигаю пальцы... просто хоть застрелиться в пору! <...> Пишу много и долго, но мечусь как угорелый: начинаю одно, не кончив другое... Докторскую вывеску не велю вывешивать до сих пор, а все-таки лечить приходится! Бррр... Боюсь тифа!»

Вслед за этим письмом 29 сентября в Бабкино полетело еще одно: «Живется серо, людей счастливых не видно. Николай у меня. Он серьезно болен (желудочное кровотечение, истощившее его до чертиков). <...> Всем скверно живется. Когда я бываю серьезен, то мне кажется, что люди, питающие отвращение к смерти, не логичны. Насколько я понимаю порядок вещей, жизнь состоит только из ужасов, дрязг и пошлостей, мешающихся и чередующихся...»

У самих Киселевых положение было отчаянным: денег не хватало даже на то, чтобы заплатить гувернантке. Двадцать четвертого сентября Алексей Киселев писал Чехову: «Посадил мою литераторшу и заставил ее написать слезливое письмо Пензенской Тетушке, выручай, дескать, меня, мужа и детей <...> Авось сжалится, пришлет не только для уплаты пятисот рублей, но и всем нам на бомбошки».

Письмо посеяло семена, из которых позже вырастет «Вишневый сад»: Гаев просит денег у ярославской тетушки, растратив свое состояние на леденцы.

Рассказы Антона, появившиеся осенью 1886 года, черпают и из семейного источника. Черты отцовского упрямства вперемежку с обидчивостью Чехов стал находить и у себя. В рассказе «Тяжелые люди», написанном в октябре для «Нового времени», описываются безобразные ссоры между отцом и сыном, вынужденными признать сходство характеров. Другой рассказ, «Мечты», повествует о том, как охранники конвоируют заключенного, понимая, что жить ему осталось считанные дни. Возможно, рассказ был навеян мыслями о Коле, а возможно, и о самом себе. Коля наконец вернулся в семью, предупредив брата отчаянной запиской: «Антон, вот уже пять дней как я лежу в постели. С тех пор как я был у Вас, меня беспощадно рвет до выпорота внутренностей». В то время врачи обманывали чахоточных больных объяснением, что кровотечение у них желудочное, а не легочное. Вот и Коля заблуждался: «Я даже думал, что у меня чахотка». Играя в прятки со смертью, Коля метался между Анной Гольден и родительским домом, а порой искал убежища в гнусных студенческих меблирашках. Пробыв на Садовой несколько дней, Коля снова исчез.

Александр целиком и полностью отдал себя на милость Суворину. Тот взял его к себе редактором и репортером, а затем подыскал ему еще одно редакторское место в журнале «Русское судоходство». Оттуда он вскоре был уволен, однако у Суворина он получал достаточно, чтобы к Рождеству привезти из Тулы свою семью. В Петербурге Александр стал для Антона литературным агентом – собирал по редакциям его гонорары, а заодно и сплетни. Лелеял он также мечту пробиться в редакторы «Нового времени» (если вдруг М. Федорова посадят в тюрьму). Но у Суворина на этот счет были свои соображения, и Александр остался у него в поденщиках.

В конце ноября, вдохновленный весенним визитом, Антон снова отправился в Петербург – снова к Суворину, именитым литераторам и очаровательным актрисам, чье общество вскружило ему голову, невзирая на скверный городской воздух и нездоровую невскую воду. В этот раз он захватил с собой Машу, которая была вне себя от радости. В столице новые чеховские рассказы «Ванька» и «На дороге», которые будут напечатаны под Рождество, произведут фурор: публика всегда была чувствительна к святочным историям об обездоленных детях, но эти новеллы взяли за душу даже критиков. Успех польстил чеховскому самолюбию: «В Питере я становлюсь модным, как Нана!»¹¹⁷ Впрочем, на литературу он по-прежнему смотрел как на блудодеяние и представлял себя этаким несвятой троицей: «Антоний и медицина Чеховы, жена-медицина, литература-любовница».

Вернувшись из Петербурга, Антон с удовольствием окунулся в новогодние празднества. В гости к Чеховым наведлся Григорович. Опьяненный женским весельем, он повел провожать домой актрису Дарью Мусину-Пушкину. Вспомнились грехи молодости – пикантная история о том, как он соблазнил на качелях будущую жену поэта А. К. Толстого. В Петербурге Григорович поделился впечатлениями с женой Суворина: «Анна Ивановна, голубушка моя, – если бы вы только знали, что там у Чеховых происходило! Вакханалия, душечка моя, настоящая вакханалия!»¹¹⁸

К Антону тянулись не только женщины, но и мужчины. Билибин писал ему: «Должен сообщить Вам по секрету, что я Вас люблю», но, как подкаблучный «муж ученой жены», был постепенно вытеснен из чеховского круга. Несчастливый брак и растущее недовольство Лейкиным (на которого он работал вплоть до смерти последнего в 1906 году) вызвали у Билибина множество мнимых болезней, и его место заняли другие почитатели. Новым учеником Чехова стал Александр Лазарев, писавший под псевдонимом Грузинский. Бывший преподава-

¹¹⁷ Персонаж романа Золя.

¹¹⁸ См.: Вокруг Чехова. М., 1990. С. 231.

тель провинциальной духовной семинарии и начинающий писатель, он появился в доме Чеховых в первый день 1887 года. С собой он привел близкого друга Николая Ежова, тоже учителя, мечтающего о писательской славе и столь же восхищенно отзывающегося о Чехове. Впрочем, пройдет несколько лет, и от этого восхищения не останется и следа – так и не смог Ежов примириться с чеховской славой и собственной посредственностью.

Приехала погостить и бывшая чеховская пассия: Саша Селиванова, таганрогская ученица Антона, теперь учительствовала в Харькове. Вернувшись домой, она писала Антону, Ване и Мише: «Сердце мое разрывается на части от тоски по вас. Нельзя, впрочем, сказать, что оно разорвалось ровно на три части. Одна из них больше. Угадайте, кто из вас причиной этому? Вот вы все отлично выполнили роль дачного мужа»¹¹⁹. В ответ полетела телеграмма Антона: «Ангел, душка, соскучился ужасно, приезжай скорее, жду ненаглядную. Твой любовник».

Пик январского веселья пришелся на двадцатисемилетие Антона: был устроен «бал с жидовками, индейками и Яшеньками»¹²⁰. Двоюродный брат Алексей Долженко пожаловал со скрипкой и цитрой. За новогодние праздники Антон написал лишь один рассказ, «Враги», отличающийся и литературными достоинствами, и мастерским использованием личного опыта: его герой в минуту личного горя едет по ложному вызову и в результате проникается ненавистью ко всему человечеству. Рассказ был напечатан в московском «Будильнике», и обозленный Лейкин, ничего не получивший для «Осколков» в декабре, когда надо было заманивать подписчиков, писал Антону накануне своего приезда в Москву: «Отлично Вы подкузьмили „Осколки“ <...> Конечно, Вы не журналист, не вполне понимаете, что Вы сделали для меня, но при личном свидании постараюсь объяснить Вам»¹²¹. Тем не менее редактор «Осколков» гостем пожаловал к Антону на именины.

Чехов больше не чувствовал зависимости от Лейкина. В письме дяде Митрофану он признался: «Я самый модный писатель». Лейкин же пытался охладить его пыл: «Последняя ваша вещичка в „Осколках“ опять премиленькая, а вот в „Новом времени“ неудачно. Вам маленькие рассказы лучше удаются. Это говорю не я один. <...> Ваша книга идет неважно». Он все старался не отпускать от себя Антона, заманивал в поездки то по северным озерам, то по южным краям – Антон на протяжении десяти лет уклонялся от этих приглашений, – обещал ему щенков, надоедал своей ипохондрией. Особенно тяготил Лейкина его большой живот. Антон в шутку посоветовал ему выдержать двухнедельный пост. Терпение его лопнуло через год, и в ответ на бесконечные жалобы Лейкина он выписал ему рецепт: «Найдите себе бонну-француженку 25–26 лет и от скуки тараканьте ее во все лопатки. Это хорошо для здоровья. А когда приедут к Вам Дальхевич и Билибин, то и они займутся бонной». Лейкин, один из самых плодовитых русских юмористов, был далек от понимания подобных шуток, однако Антону это сошло с рук. Вдобавок гонорар ему был увеличен до 11 копеек за строчку.

Между тем у Чехова возникли первые сомнения в Суворине. В «Новом времени» Буренин жестоко раскритиковал любимца либеральных студентов поэта Надсона за то, что он притворялся «калекой, недужным, чтоб жить за счет друзей». Последовавшие за этим кровотоечение и нервный паралич свели Надсона в могилу. Буренина объявили убийцей. В то же самое время Суворин ловко провернул коммерческую операцию с изданием десяти томника Пушкина тиражом в 40 000 экземпляров сразу же по истечении авторского права. Жестокость по отношению к умирающему поэту и быстрая нажива на авторских правах поэта уже умершего вызвали у публики одновременно неприятие его авантюризма и восхищение его деловой хваткой. Антон пришел в замешательство. Сам он почитал Надсона как поэта, гораздо большего, «чем все современные поэты вместе взятые». К тому же выяснилось, что Суворин не оставил

¹¹⁹ ОР. 331 58 31. Письма А. Л. Селивановой-Краузе А. П. Чехову. 1887–1895.

¹²⁰ Сестрами Яновыми.

¹²¹ ОР. 331 50 1д. Письма Н. А. Лейкина А. П. Чехову. 1887.

для него ни одного пушкинского десятитомника – а ведь Антон обещал подарить эти книги друзьям и родственникам.

Чехов пытался предугадать, что захотят получить от него новые столичные покровители. Двадцать девятого января Александр писал ему: «Все они складываются в моем сознании, как убеждение, что в тебе есть Божия искра и что они от тебя ждут – чего и сами не знают, но ждут. Одни требуют *большого, толстого*, другие – *серьезного*, третьи – *отделанного*, а Григорович боится, чтобы не произошло размена таланта на мелкую монету». Мария Киселева начала борьбу с «Новым временем» за душу Антона. В начале января она писала ему о рассказе «Тина», вызвавшем у нее отвращение: «Но мне лично досадно, что писатель *Вашего сорта*, т. е. не обделенный от Бога, показывает мне только одну „навозную кучу“ <...> Мне нестерпимо хотелось ругнуть и Вас, и Ваших мерзких редакторов, которые так равнодушно портят Ваш талант»¹²². Антон написал длинное ответное письмо в защиту своего права рыться в навозной куче: «Литератор должен быть так же объективен, как химик; он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые». И все-таки Мария Киселева своей цели добилась: мрачная чувственность чеховских рассказов, писанных им для «Нового времени», заметно пошла на убыль. В феврале Чехов напечатал совсем немного, а вслед за тем открыл в своем творчестве новое направление. Один из новых рассказов, «Верочка», пришелся по вкусу и Киселевой, и Суворину: его герой не находит в себе морального мужества ответить на признание в любви молодой девушки. Традиционная сцена расставания в саду еще не раз будет возникать в чеховских сочинениях вплоть до «Вишневого сада». Тонко переданное горькое чувство напрасной потери относит рассказ «Верочка» к одному из устойчивых чеховских архетипов.

Между тем Антону стало казаться, что источник его вдохновения скоро иссякнет. Он мечтал вернуться на юг, в края своего детства: в Таганроге он не был с июня 1880 года, с достопамятной свадьбы Онуфрия Лободы. Все звали его приехать – и простившие его дядя Митрофан с двоюродным братом Георгием, и братья Кравцовы. Вырвавшись из семейного круга и забравшись подальше от редакторов, Чехов хотел заняться поисками нового материала. Впрочем, не только творческие дела влекли Антона в дорогу: в Таганроге его дожидалась актриса, лелеявшая надежду заполучить его в мужа¹²³.

Для поездки Антону необходим был суворинский аванс, ради чего пришлось проехать в Петербург. Призывы о помощи, исходившие от старшего брата, стали еще одним предлогом для поездки, хотя и не столь очевидным. Александр чувствовал себя изгоем – Суворин запретил ему подписывать свои сочинения настоящим именем из боязни, что читатели начнут путать двух А. Чеховых. Александр, хоть и предлагал Коле убежище от кредиторов, дурных соблазнов и полиции, сам сидел без гроша, да еще к тому же истрепал взятый напрокат у Вани сюртук. Кончилось тем, что он отбил в Москву телеграмму с известием, что неизлечимо болен. Восьмого марта Антон отправился в Петербург ночным поездом. Из гостиницы на Невском проспекте он докладывал в письме членам семьи: «Ехал я, понятно, в самом напряженном состоянии. Снились мне гробы и факельщики, мерещились тифы, доктора и проч... Вообще ночь была подлая... Единственным утешением служила для меня милая и дорогая Анна¹²⁴, которой я занимался во всю дорогу. <...> Александр абсолютно здоров. Он пал духом, испугался и, вообразив себя больным, послал ту телеграмму».

¹²² ОР. 331 47 48. Письма М. В. Киселевой А. П. Чехову. 1886–1900.

¹²³ Актриса Мария Доленко. Не дождавшись от Антона предложения руки и сердца, Доленко вышла замуж за соседа Чеховых Николая Агали. В рассказе «Огни» Чехов отразил этот автобиографический эпизод. См.: *Волошина М. С. Загадка «Николая и Маши»* // Чеховские чтения в Ялте. М., 1997. С. 267–277.

¹²⁴ Роман «Анна Каренина».

Цель поездки была достигнута: Антон проговорил с Сувориным до часу ночи и ушел от него с тремястами рублями в кармане. Франц Шехтель обещал достать ему даровой билет до Таганрога и обратно. Антон писал ему: «Как бы там ни было, будь хоть землетрясение, а я уеду, ибо долее мои нервы не выдержат». Собрав по редакциям гонорары, он наставлял Машу: «Ввиду так скверно сложившихся обстоятельств я попросил бы тратить *возможно* меньше. Когда приеду, не знаю. Александра с его упавшим духом и склонностью к шофе оставить нельзя до выздоровления его барыни». Уверившись в том, что дружба с Сувориным крепнет, Антон наведлся к Григоровичу, определил, что тот страдает атеросклерозом, расцеловался с ним, а Суворину доложил, что Григоровича уже не вылечить. Помимо проблем с Александром, были у Антона в Петербурге и другие огорчения: кто-то у него украл пальто, так что пришлось ходить по морозу раздетым. В то время в столице свирепствовал брюшной тиф, и у Лейкина от него «на ходу» умер швейцар. Семнадцатого марта Антон вернулся из «города смерти» в Москву, намереваясь через две недели отправиться на юг.

Братья Антона нуждались в его участии. Двадцать шестого марта Шехтель писал ему: «Николай пишет, что он очень болен и харкает кровью – очень может быть, что это не так страшно, но ведь может же быть и очень плохо <...> Не соберемся ли мы сегодня вечером к нему». Двадцать девятого марта Александр вновь взывал из Петербурга: «Анна по-прежнему в больнице. Тиф, кажется, ослабевает, <...> но кашель и мокрота усиливаются. <...> Пасха будет для меня печальна. Анна и теперь плачет о том, что встретит праздник в больнице, а на самую Пасху еще хуже разбередит и себя и меня. Я и так каждый день от часа до четырех провожу у ее постели и выхожу всякий раз с тяжелым чувством и мыкаюсь, как маятник, между нею и детьми».

Однако Антон решил, что с него достаточно. Второго апреля он сел в таганрогский поезд, сообщив о своей поездке лишь двоюродному брату Георгию.

Глава 20

Возвращение в Таганрог апрель – сентябрь 1887 год

Чем более Франц Шехтель преуспевал как архитектор, тем осмотрительнее становился в связях с людьми и в обращении с деньгами. Чехову он достал билет третьего класса – не слишком высокая плата за получаемую медицинскую помощь. В поезде Антон спал скрючившись, точно его кот Федор Тимофеевич, «носки сапогов около носа». Проснувшись в пять утра в Орле, он отправил в Москву письмо, наставляя семейных во всем слушаться Ваню: «Он положительный и с характером». На третий день, в Великую Страстную субботу, он был уже в Таганроге. Вместе с дядей Митрофаном и всем его семейным кланом Антон пошел в Митрофаньевскую церковь на пасхальное богослужение.

Таганрог Чехова разочаровал, о чем он писал Лейкину: «60 000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов – никаких... Куда ни явишься, всюду куличи, яйца, сантуринское, грудные ребята, но нигде ни газет, ни книг... Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чертиков... Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но все это пропадает даром... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников».

Шесть лет приобщения к московской цивилизации дали о себе знать – дом дяди Митрофана показался Антону запущенным и грязным; «ватер у черта на куличках, под забором, – жаловался он в письме домашним, – нет ни плевательниц, ни приличного рукомойника... салфетки серы, Иринushка [*прислуга*] обрюзгла и не изящна... то есть застрелиться можно, так плохо!» Посетил он и дом, где прожил последние пять лет перед отъездом в Москву: «Дом Селиванова пуст и заброшен. Глядеть на него скучно, а иметь его я не согласился бы ни за какие деньги. Дивлюсь: как это мы могли жить в нем?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.